

к 84(2)

3-80

**Л.М. ЗОЛОТАРЁВ
И Л. ЗОЛОТАРЁВ**

**САМЫЕ КРАСИВЫЕ,
САМЫЕ ЛЮБИМЫЕ**

**СТО ШЕДЕВРОВ
ПОЭТОВ РОССИИ**

**ОРЛОВСКАЯ ЛИРА
Звезды Орла**

Орёл 2008 г.

**Леонард ЗОЛОТАРЕВ
Игорь ЗОЛОТАРЕВ**

**САМЫЕ КРАСИВЫЕ,
САМЫЕ ЛЮБИМЫЕ**
(Сто шедевров поэтов России)

ОРЛОВСКАЯ ЛИРА
(Звезды Орла)

Орел, 2008

Л.М. Золотарев, И.Л. Золотарев. Самые красивые, самые любимые (Сто шедевров поэтов России). – Орел: Издатель Александр Воробьев. 2008 – 144 с.

Золотарев Л.М. – составитель сборника «Самые красивые, самые любимые» (Сто шедевров поэтов России).

Автор цикла лирико-эпических стихотворений «Мои пятилистки» (из поэтического тома «Русь Христианская»).

Золотарев И.Л. – составитель сборника, автор статей.

В сборник «Самые красивые, самые любимые» (Сто шедевров поэтов России), составленный Золотаревым Леонардом Михайловичем и Золотаревым Игорем Леонардовичем, включены лучшие, любимейшие стихи – поэтические достижения русской поэзии от поэтов-классиков до наших дней, многие из которых давно звучат как песни, романсы. Сюда же Леонард Михайлович поместил свой лирико-эпический цикл стихов «Мои пятилистки», напоминающий своим мощным бронзовокованным стихом оригинального французского поэта Жозе-Мария де Эредиа. «Мои пятилистки» – это история, судьба наших предков, самой Руси в исконых картинах степи, очертаньях веков.

Сборник открывает речь Л.М.Золотарева на Философском обществе в Орле. Вместо предисловия – «Этот совершенно фантастический Пушкин», сюда же помещены вступительная статья «Золотая россыпь», статья «Божественное сознание поэта (музыка – в стихе. скульптура – в лирике)» И.Л. Золотарева.

Книга предназначена всем, особенно молодым – школьникам, студентам, патриотам, всем, кто любит корень наш – Родину, Россию, искренне жаждет ее возрождения.

© Золотарев Л.М., 2008

© Золотарев И.Л., 2008

© Воробьев А.В., 2008

САМЫЕ КРАСИВЫЕ, САМЫЕ ЛЮБИМЫЕ

(Сто шедевров поэтов России)

Это малая антология – сто самых красивых, самых любимых стихотворений поэтов России. Это голос наших классиков от Пушкина, Фета, Тютчева до поэтов «серебряного века» – Иннокентия Анненского, Николая Гумилева, Андрея Белого, Игоря Северянина. Это – Блок и Есенин, Николай Заболоцкий и Василий Федоров, это поэты уже нашего времени: Глеб Горбовский, Владимир Костров, Николай Рубцов, Леонард Золотарев. Это золотое слово России, наше национальное достояние, это певцы красоты и любви.

ЭТОТ СОВЕРШЕННО ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ПУШКИН

Из выступления на заседании в Философском обществе (от Орловской региональной академии государственной службы), состоявшемся 23 ноября 2007 года в Областной библиотеке имени И.А.Бунина.

* * *

Тема сегодняшнего заседания «Мистическое в науке и литературе» побуждает придерживаться именно такого аспекта – о фантастическом, ирреальном начале в моей литературной практике.

Известно, что «мистическое» больше относится к содержательной части, «фантастическое» – к его оформлению как средству выражения романтического в реализме. В русской литературе фантастические тенденции в виде реалистической фантастики, обладающей «двоемирием», то есть миром реальным и миром духовным, ирреальным, как известно, активно начали формироваться с А.С.Пушкина, то есть с 30-х годов XIX века. Именно тогда «тайные силы», актуализировав средневековую визионерскую практику, стали активнее вторгаться в художественное сознание, наполняя его мистическим содержанием. Внедряясь в тонкий мир, исследуя психику человека, писатели наследовали пушкинские традиции, находя ирреальные, инобытийные силы как в самом человеке, так и вне его, во Вселенной. Именно через «двоемие» русская реалистическая фантастика и привлекла к себе внимание европейской литературы.

Выделим у Пушкина такой важный жанр, можно сказать, главное произведение в его творчестве – роман в стихах, это «Евгений Онегин» – единственный, пожалуй, в своем роде во всей мировой литературе. Все остальное – лирика, эпос, скорее, большие поэмы. Сам Пушкин, сравнивая, говорил, что роман в прозе и роман в стихах обладают «дьявольской разни-

цей». Вот этот пушкинский «эверест» я и имел в виду, когда подошел к такому периоду, что можно было самому притянуть на роман в стихах, имеющий свои преимущества перед прозой в исследовании и изображении духовного мира человека, современника и современности.

В частности, вот что мной было сказано по этому поводу в первом романе: «Где прозы надо два-три килограмма, тут я тремя словами совершу». К этому времени я обладал немалым литературным опытом: в прозе – три романа о Егоре Тиганове, в драматургии – около трех десятков пьес, стихотворная лирика, произведения крупной формы в поэзии.

Что же стоит передо мной в «Евгении Онегине»? Как романное – действие в нем начинается где-то с третьей главы, финальные девятая и десятая главы вроде бы недописаны, испещрены вместо строк отточиями, что давало возможность политизированной критике усмотреть за ними «декабристский» умысел. Однако есть ли в «Онегине» хоть что-нибудь с точки зрения наличия «мистического»? На первый взгляд, вроде бы ничего. Эстетически, в отличие от всего другого, у Пушкина (лирика, поэмы) это, кажется, просто реализм, в крайнем случае, романтизированный лиризмом. И все это оформлено четкой «онегинской строфой», то есть сонетом.

Короче, это имел я перед собой, когда брался за своего «Арсения Чигринова», о чем я ранее всерьез и помыслить-то не смел. Однако романы в прозе, драматургия, песни, лирика, собственный гомеровский «след» в литературе («Белая Скифия») придали мне опыта, смысла и уверенности. Чувствуете? «Арсений» – ар, арийскость, «Чигринов – чи – Гринев», определенные сомнения (чи – пушкинский герой, чи – нет). С божьей помощью и при духовной поддержке моего давнего друга – доктора фил. наук, профессора Осмоловского Олега Николаевича (первые главы романа читались с ним, царство ему небесное, в горсаду, в Орле у нас, на скамье у фонтана) я на тот «берег», как говорится, и переплыл. Первый роман эпопеи называется «Библейское имя Мария». А недавно вы-

шел в свет, хоть и тоже небольшим тиражом, последний – четвертый роман всей этой эпопеи в стихах.

Итак, вслед за первым написаны были и изданы, в основном для библиотек (естественно, из-за стесненности в средствах), и последующие романы: «Кремль. Соловки», «Неопалимые», «Москва – третий Рим», – составившие весь роман-эпопею в стихах.

Время действия – современность. Современник – артист, один из прототипов – Василий Лановой. Москва и провинция с 92-го года, с ГКЧП и штурма Белого Дома, Орловское училище ГАИ на кольцевой.

И в глубь истории: Соловецкий камень по Москве, на Лубянке. И еще подальше: Соловки, похороны Сталина... И совсем далеко – времена Спартака, древний Рим, древнеримская бюрократия... Вот они, все четыре тома историко-современной эпопеи в стихах, я принес их сюда, демонстрируется впервые.

Кстати (любимое словцо Аристотеля), просто реализмом тут не обойдешься: и «машину времени» применить надо было, как у Аристотеля, и мистическое в категории пространства, как у Гомера. И, вообще, «двоемирие», реалистическую фантастику, как у Пушкина. Мистическое ощущение многомерно, сложно, являясь стержнем реального, духовного бытия. Естественно, закованностью стиха в «латы» сюжета тоже ведь не обойдешься. Еще в своем переводе «Слова о полку Игореве» я почувствовал необходимость «рваной» ритмики, ощущение приобщения к квантовой поэзии. Это как у французов в XX веке, как у поэта – нашего современника Бродского, да и вообще как в современной прозе – потоке сознания.

И вот поставил я перед собой все четыре тома: видите – вот они, я это сделал! Знаю, «графы» могут двинуться следом, как всегда, по дорожке проторенной. Ну и пусть! У Пушкина, в его «Евгении Онегине», кажется, вроде бы не было «двоемирия», мистического сознания, фантастического элемента. Вроде

простой реализм, и это после его достижений в реалистической фантастике? И вот что возникло во мне, осенило, пронзила какая догадка: «Ай да Пушкин, ай да молодец!». Две последние главы в романе – не недописаны, не «декабристский» умысел стоит за отточиями, а интрига! Да, эстетическая «тайна». А главное в поэзии, мы знаем, – «тайна» и Красота. И если есть «тайна», «таинственное», то это означает наличие мистического элемента, а вместе с бытийностью, реалиями сущего это и подчеркивает духовный пласт, составляя «двоемирие» и образуя тем самым реалистическую фантастику. Вот как Пушкин порой, надо полагать, помогает постигать истины. Словно венок сонетов, Пушкина иной раз надо читать с конца, так сказать, с магистрала.

Л.М.Золотарев

ЗОЛОТАЯ РОССЫПЬ (вместо предисловия)

Золотая россыпь, плеяда русских поэтов... Мировой практике известны такого рода антологии, когда не большие, но чрезвычайно емкие собрания поэтического гения сверкают в едином кристалле. Попробуем и мы отобрать сто самых лучших стихотворений поэтов России. От Пушкина до наших дней. Феномены. Снеговые вершины. Сто самых красивых, самых любимых. Конечно же, вполне вероятен субъективизм, да ведь и сама поэзия – дело сугубо личностное, разве не так? А отбирались стихи с преобладающим удовольствием.

Российская поэзия, – не в мгновение ока достигла она красоты, эмансипации, культурное слово на Руси приживалось веками, с трудом. Византийское эхо с его духотворной экзотикой, с древнегреческим эталоном природной красоты теряется в недрах русской эстетики, в глыбах русской поэтической речи. И, хотя журнальная ангажированность предъявляла свои, политизированные требования к стилю и образу, однако душа поэта все равно являла миру раскованность, сыпала свои жемчуга.

Было прекрасное, было печальное, грустное, но стихи становились романсами, и уже музыка овладевала людьми. А бывало, настоящая поэзия приходила и годы спустя. Поэзию Фета и Тютчева черпали лишь из хрестоматии Галахова, многие годы были лишены ее, к сожалению, и мы...

Долго, слишком долго внедрялось в сознание слово, неограниченное поэтическим гением, опрощенное часто до примитива. Какое там благозвучие, какая там красота? Что и говорить, и по сю пору мы в своей массе все еще туги на ухо, недослышим, невидим. А все хотим жить красиво и благозвучно, благополучно, иметь все от жизни. Поэт постигает природу и делится щедро с другими. Поэт открывает миры, приглашая нас за собой. Именно в душе своей находит он невероятный мир близких ему ассоциаций, людей. Таковы классики. Таков открытый для

нас лишь в последнее время Иннокентий Федорович Анненский, с его эстетикой словесной красоты. Его освещенное серебряным матовым светом слово затем шлифовалось многими.

Конечно, в эту антологию мы попытались собрать самый «нектар». Рискнем представить не только шедевры. Пусть звучит и просто щедрое, красивое русское слово, просто наша русская речь. Не ограничимся классиками, корифеями из «серебряного века». Посмотрим, как эта серебряная нить тянется сюда, в наши дни. Поэт говорит душой, пишет собственной кровью. По словам Жоржа Помпиду, он, как курица, несет для нас свои золотые яйца. Так почему же целую плеяду поэтов Франции назвали «проклятыми поэтами»? А у нас в России, начиная с Пушкина и Лермонтова, поэтов отстреливали влет. Склоним же головы перед павшими в совсем недавнее время: Сергей Есенин, Николай Гумилев, Николай Клюев, Борис Корнилов, Павел Васильев, Николай Рубцов... Боже! Какая печальная нескончаемость! Почему мы так щедры на поэтов и так к ним жестоки...

А рукописи не горят. И хотя последняя рукопись Клюева исчезла в застенке, мы помним о ней. Красивый поэт Николай Гумилев. Он все еще жив, среди нас. Душа замирает от красоты его строк и от боли. Такие поэты даруют нам бесконечно свою возможность видеть, слышать, любить. Они засвечивают нас изнутри чувством гармонии и красоты.

*«Если душу вылюбить до дна,
Станет сердце глыбой золотою».*

Этика и эстетика у русских поэтов неразделимы. Это кредо нашей литературы. Поэт в России всегда больше, чем поэт, всегда был и будет совестью, пророком, олицетворением времени, нескончаемых истин. От поэзии требуют понимания в данный момент, с целью практической пользы. Настоящий поэт всегда опережал и имеет право опережать свой век, предвосхищая грядущее.

Александр Сергеевич Пушкин – певец прекрасного, возвышенного. Это – Пушкин!

Федор Иванович Тютчев находит красоту в вечном, у близких ему древнеримских философов: беспределен хаос, испепеляющ огонь...

Афанасий Афанасьевич Фет видит красоту человека как частицу космоса, в интуиции, в поэтических прозрениях. Космическую красоту невозможно постичь рассудком, нельзя мгновение остановить. Удивителен человек на пленэре, сама жизнь проживается поэтом с удесятеренной энергией, вызывая высокое наслаждение. В фетовских стихах нет герметичности. Тонки, невидимы связи с природой, эфемерны отношения между людьми, и все это – в надежде на мощное воображение. А лирический герой находит очарование в другом. Именно в другом – в собеседнике видит поэт свой поэтический мир. Из фабульности жизни, по словам И.М.Бахтина, извлекается удивительная палитра...

Достигнутое русской классической поэзией воспринято и развито поэтами «серебряного века». **Александр Блок** – самый величественный из поэтов на переломе веков. Это такая вершина, где гуманность, чувства высшей гармонии растворяются в природной стихии. Даже мрачноватые урбанистические символы не способны заслонить романтической красоты. Поэзия Блока – это же Ниагарский водопад, он клокочет, опрокидывает стереотипы в эстетике восприятия, проживания и переживания.

А вот **Сергей Александрович Есенин**. Народные чаяния таит он в своей неизбывной глубине, в своей молодецкий солнечной удали; это просто пульсар какой-то, фонтанирующая одухотворенность и – боль. А в боли – горечь от трагедии жизни, когда человек так и не был обласкан счастьем. Сергей Есенин просто невероятен по силе своего воздействия на душу русского человека.

А вот и поэты пост-есенинского, последующих поколений – **Николай Заболоцкий, Василий Федоров**.

Поэзия Николая Заболоцкого – это поэзия неувядаемой красоты природы, творения рук самого человека. Это може-

веловый куст, обгаренный кровью влюбленного, кленовый лист, павший на самое сердце.

«Любите, живопись, поэты!»

Василий Федоров – поэт красоты, поэт любви на высокой, тонко звенящей ноте. И остается радость от встречи с поэзией Федорова, с ее светоносной струей.

И еще ближе сюда к нам уже наши современники – поэты **Глеб Горбовский, Владимир Костров, Николай Рубцов, Леонард Золотарев**. Это мир, увиденный глазами «детей войны». Точка отсчета жизни трагична и высока. У **Глеба Горбовского** красота в этом мире – это красота женщины, которую поэт хочет любить и быть любимым. Это идеальный поэтический мир, где звучат голоса людей, птиц, шорохи трав, мелодична капель. А над журчаньем воды бесшумно движение солнца, летят планетно-космические тела.

Лирический герой живет в воображаемой им минуте, где природа развивается в согласии с существующим рядом, может быть, и уютным, но далеко не совершенным миром. В перспективе поэт допускает сосуществование столь противоположных макроструктур, из которых и выбирается лучшее. Поэт пытается предугадать человеческую судьбу, которая драматична, а момент бытия сложен и противоречив. Однако именно благодаря своим прозрениям поэт торжествует над консервативной средой. Пепельный отсвет живописной строки Горбовского подводит к мысли о жизни совершенной и несовершенной, неустроенной по-человечески...

А поэзия **Владимира Кострова** – это сама живопись, сочная, порой монументальная, это картина, нарисованная масляными красками тонким, вдохновенным художником. Она нравится тебе в зависимости от того, какой выберешь угол зрения. И поймешь лиризм поэта, войдешь в раздумья о человеческом общежитии, и усмехнешься вместе с ним над банальными приметами дня...

Николай Рубцов в своей лирике так естественен, ни единой фальшивинки. С таким ощущением и живешь. Поэзия

Леонарда Золотарева просто невероятно по своей мощи и проникновенности...

«Взбегу на холм и упаду в траву»... «По Азии – ход бешеных коней, а по Европе – шорохи к нему»...

Итак, наша русская поэзия не унижалась, не опускала свои вершины до уровня быта. Если поэт и перевоплощается в того или иного героя, то болезненная сила страданий и мук, по выражению **Иннокентия Анненского**, «уравновешивается в поэзии силой красоты, которая и обещает человеку счастье».

Мы стремились отобрать в русской поэзии, на наш взгляд, лучшее – самое красивое, самое духотворное, – для сердца неравнодушного, то, что знают или не знают, может быть, просто любят, и все. И что тут говорить о высокой миссии русского слова, о выборе Добра и Зла, Правды и Красоты, о свободном полете души. Стихи эти надо просто читать, просто иметь под рукой, носить в себе с колыбели, когда тебе плохо, да и когда хорошо.

Спасибо вам, русские поэты! За то, что вы были и есть, за то, что так пылко и щедро мечете перлы души своей, соединяя нас с великой природной стихией. Спасибо за то, что помогаете жить достойно, людьми!

БОЖЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ ПОЭТА (МУЗЫКА – В СТИХЕ, СКУЛЬПТУРА – В ЛИРИКЕ)

В России первой трети XIX века, а именно у Пушкина ярче, чем у его предшественников, в лиризме поэта проявляется повышенный интерес к «таинственному», идеальному, воздействию на индивидуум как внутри его, так и из внешней среды. Например, в стихотворениях «Жених», «Пророк», «Анчар», «Бесы» и др. лирический герой испытывает давления инобытийного мира, грозных вселенских сил, существующих объективно. Поэт противопоставляет этому божественное – гармоническое, светлое, жизнеутверждающее

начало, опирающееся на передовые мировоззренческие, философские, эстетические позиции. Традиции Пушкина в лирике продолжает Лермонтов с высоким, божественно-религиозным сознанием.

Исследователи стремятся определить основной «нерв» духовного, он не только в лирике, в духотворном лиризме поэта, но и как высшего средства романтизма – в фантастике, в ее параметрах и направлении. Чтобы проникнуть и освоить ирреальные, инобытийные пространства, необходимо было применить качественно новое, именно это романтически усиленное условное средство познания и изображения. Фантастика соединила в себе два качества: это разум, наука – в реальном познании, это эстетика, духовность – в художественном изображении. Как же все-таки официально формулируется термин этот – «фантастика», «фантастическое»? Цитируем из «Литературного энциклопедического словаря» (1987): «Фантастика (от греч. – искусство воображать) – разновидность художественной литературы, в которой авторский вымысел от изображения странно-необычных, неправдоподобных явлений простирается до создания особого – вымышленного, нереального, «чудесного мира». Фантастика обладает своим фантастическим типом образности со свойственным ему высокой степенью условности, откровенным нарушением реальных логических связей и закономерностей, естественных пропорций и форм изображаемого объекта».

Исходя из этого, выделяется и осмысливается ряд положений в лирике поэтов: 1) в лирико-фантастической картине мира угадывается преобразенные формы реально-социального и духовно-человеческого бытия; 2) в основе всякого лирико-фантастического произведения лежит оппозиция фантастического – реального («двоемирие»), «двуплановость» изображения; 3) в лирико-фантастической литературе часто сильны мистические, иррациональные мотивы, носитель фантастики выступает в виде потусторонней силы, влияющей на героев и происходящее; 4) в подобного рода литературе по-

является потребность в мотивировке фантастического, наиболее устойчивы приемы такой фантастики – сон, слухи, галлюцинации, сумасшествие, сюжетная тайна, создается новый тип «завуалированной» фантастики (Ю. В. Манн), оставляющей возможность двойного толкования, двойной мотивировки фантастических происшествий – эмпирически или психологически правдоподобного и необъяснимо-реального.

Вот на какую высоту лиризма как высшее средство романтизации ставит фантастику В. Г. Белинский, одновременно отрезвляя ее: «Фантастическое есть предчувствие таинства жизни, противоположный полюс пошлой рассудочной ясности и определенности, которая в жизни видит математику, индустриальность или сытный обед с трюфелями и шампанским. Фантастическое есть один из элементов богатой натуры».

Обращение к романтико-фантастическому, в том числе и лирике, формирует религиозно-философское нравственное сознание. Свободное самопожертвование самого себя «в пользу всех» (Ф. М. Достоевский) понимается как нравственный идеал, иными словами, свободная воля личности, определяя поведение, укладывается в рамки нравственных законов, идеалов, заданных Творцом.

Идеал состоит в том, чтобы, достигнув полного могущества сознания и развития, осмыслить себя, свое «я» и отдать себя служению «всем». В соответствии с высоким нравственно-божественным первоначалом нравственность в лирике выступает не как долженствование с естественной, чувствующей природой человека, а тем глубинным стремлением, удовлетворение которого сопровождается высшим «блаженством» (Г. Б. Курляндская).

В человеке, лишившемся в результате грехопадения бессмертия в «раю» как в царстве божественной любви и свободы, всегда остается личная внутренняя свобода, свобода выбора между добром и злом, где человек в силу необходимости,

пользы, корысти почти всегда выбирал зло, порождавшее по цепи поколений новое зло. В генотипе людей, в результате работы поэтического сознания, возникло то, что названо «парадоксом человека». Сущность «парадокса» – это осознание проявившегося противоречия между внутренней идеально понимаемой свободой и миром несвободы, выразившемся в категориях необходимости и смерти, которые человек выбрал сам, совершив грехопадение. И вот рядом с властью «темных» эгоистических сил, побуждающих потребностей у поэта возникает высокий разум, стремление к добру, красоте, желание любви, подвига, горечь по утраченному Творцу, жажда высшего человеческого предназначения, что Пушкин называет «духовной жаждой», тоской по идеалу.

Христианство совершает переворот в сознании европейского человека, где гордое противопоставление «тайне» бытия уступает место Вере, создавая новый тип сознания, а с ним и новую культуру. Важнейшим открытием в ней является осмысление феномена совести как памяти о грехопадении, принадлежности свободы человека к идеалу.

С эпохи Возрождения, когда христианство вновь обращается к полузабытой античной культуре, идеалу античного человека, складывается новая идеализированная картина «золотого» века – мира свободы и творчества, где в центре мироздания уже не Бог (языческие боги воспринимались европейцами как те же люди, только бессмертные), а Человек – сильный, свободный и разумный. В новой возрожденческой утопии, заманчивой для европейского человека, вдохновленного успехами прогресса и цивилизации, человек начинает духовно уставать не только от регламентации всей своей жизни церковью, но и от понятия личной ответственности перед Богом, от осознания своего несовершенства, изнурительной борьбы с грехом, необходимости принятия и строгого соблюдения заповедей. Привитая привычка тянуться к небу, стоя на земле, осознается теперь как тяжкое бремя, стеснение личной свободы. Гораздо большей ценностью становятся праг-

матические качества. Поэтому христианские ценности вытесняются из практической области в умозрительную. Развивается философское направление, восходящее к античному материализму и гедонизму.

Однако, абстрагировав Бога, человек не мог поступить так с грозными стихиями: природными и душевными, осознавая себя бессильным перед смертью. Судьба, рок представляются ему бессмысленной, обезчеловеченной силой, порождающей суеверия, фатализм, мистицизм. Если, по мнению Пушкина, в свое время христианство совершило величайший духовный переворот в жизни Европы, то теперь, в послеренессансную эпоху, наоборот, дело идет к духовной катастрофе. Ведь все происходит не в языческом мире, не знавшем Христа, а в мире, который существовал после Спасителя и возник благодаря христианству, и особенно в мире поэтов. И тут противоречие между идеалом и реалистичностью, между высоким духовным содержанием человека и его прозябанием на Земле начинает склонять людей к идее несовершенства мира, порождая противостояние красоте жизни, человеческого творчества, как проявлению божественного начала, что было достаточно объяснено христианской верой и органично вписывалось в христианскую картину мира. Трагизм новейшего европейского сознания становится трагизмом языческого фатализма.

Современный исследователь В.С.Непомнящий в своем монографическом труде «Пушкин. Русская картина мира» делает вывод о том, что единое бытие было расколото надвое: все, порожденное грехом, ложью, было отнесено к области действительности, а добро и правда, рожденные Богом, и особенно в лирике у поэтов – к области недостижимого идеала, к мечте.

Поскольку вся литература развивается как единый европейский, мировой процесс, русская поэзия, реалистическая фантастика эволюционируют параллельно с фантастической литературой «черного» романа на Западе в период рациона-

лизма Просвещения, относящегося ко второй половине XVIII века. Западноевропейские исследователи идут по пути показа усложнившегося социального и личностного бытия, давления сверхъестественного, самой позиции грозного ирреального мира, в то время как русская реалистическая фантастика, с ее высшей степенью романтизации, то есть духовности, по мысли Р.Н. Поддубной, являясь концепцией «поэтической правды», активизирует условную природу искусства для постижения усложняющейся реальной действительности, используя ее в качестве романтизации произведений. «Реалистическое искусство призвано постигать и воплощать правду о человеке и мире, даже если она не укладывается в формы самой жизни». И она, эта «правда», русскими поэтами, писателями переносится в небесные, религиозно-нравственные, светлые божественные сферы.

На таких высших параметрах в этике и эстетике романтизированного, одухотворенного реализма и держался изначально русский романс, поэтическое творчество поэтов-классиков из «золотого» наследия, естественно переходящего в «серебряный век» нашей отечественной поэзии.

И.Л.Золотарев.
Кандидат филологических наук

МЯТЛЕВ ИВАН ПЕТРОВИЧ
(1796 – 1844)

РОЗЫ

*Как хороши, как свежи были розы
В моем саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодной рукой!*

*Как я берег, как я лелеял младость
Моих цветов заветных, дорогих;
Казалось мне, в них расцветала радость,
Казалось мне, любовь дышала в них.*

*Но в мире мне явилась дева рая,
Прелестная, как ангел красоты,
Венка из роз искала молодая,
И я сорвал заветные цветы.*

*И мне в венке цветы еще казались
На радостном челе красивее, свежей,
Как хорошо, как мило соплетались
С душистою волной каштановых кудрей!*

*И заодно они цвели с девицей!
Среди подруг, среди плясок и пиров,
В венке из роз она была царицей,
Вокруг ее вились и радость и любовь.*

*В ее очах — веселье, жизни пламень;
Ей счастье долгое сулил, казалось, рок.
И где ж она?.. В погосте белый камень,
На камне — роз моих завянувший веноч.*

ПУШКИН АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ
(1799 – 1837)

К***

*Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.
Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.
В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.
Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.*

* * *

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шумы, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
 Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;
С волненьем и тоской туда стремлюся я,
 Воспоминая упоенный...
И чувствую: в очах родились слезы вновь;
 Душа кипит и замирает;
Мечта знакомая вокруг меня летает;
Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
И все, чем я страдал, и все, что сердцу мило,
Желаний и надежд томительный обман...
 Шумы, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан...

Сожженное письмо

Прощай, письмо любви! прощай: она велела.
Как долго медлил я! как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, час настал. Гори, письмо любви.
Готов я; ничему душа моя не внемлет.
Уж пламя жадное листы твои приемлет...
Минуту!.. вспыхнули! пылают — легкий дым
Виясь, теряется с молением моим.
Уж перстня верного утрата впечатленье,
Растопленный сургуч кипит... О провиденье!
Свершилось! Темные свернулись листы;
На легком пепле их заветные черты
Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди...

БАРАТЫНСКИЙ ЕВГЕНИЙ АБРАМОВИЧ
(1800 – 1844)

Разлука

*Расстались мы; на миг очарованьем,
На краткий миг была мне жизнь моя;
Словам любви внимать не буду я,
Не буду я дышать любви дыханьем!
Я все имел, лишился вдруг всего;
Лишь начал сон... исчезло сновиденье!
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мне от счастья моего.*

Разуверение

*Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей:
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней!
Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь
И не могу предаться вновь
Раз изменившим сновиденьям!
Слепой тоски моей не множь,
Не заводи о прежнем слова
И, друг заботливый, больного
В его дремоте не тревожь!
Я сплю, мне сладко усыпленье,
Забудь бывалые мечты:
В душе моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты.*

ТЮТЧЕВ ФЕДОР ИВАНОВИЧ
(1803 – 1873)

К.Б.

*Я встретил вас – и все былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое -
И сердцу стало так тепло...*

*Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас, –*

*Так, весь обвеян духовеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...*

*Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас, как бы во сне,-
И вот – слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...*

*Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь,-
И то же в нас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..*

* * *

Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой...
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистошимые, неисчислимые,-
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую, порою ночной.

* * *

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора –
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто все – простор везде, –
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь -
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле...

ЛЕРМОНТОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ
(1814 – 1841)

Отчего

*Мне грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цветущую твою
Не пощадит молвы коварное гоненье.
За каждый светлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбе.
Мне грустно... потому что весело тебе.*

Парус

*Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..*

*Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...
Увы! он счастья не ищет,
И не от счастья бежит!*

*Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!*

К***

*Я не унижусь пред тобою;
Ни твой привет, ни твой укор
Не властны над моей душою.
Знай: мы чужие с этих пор.
Ты позабыла: я свободы
Для заблужденья не отдам;
И так пожертвовал я годы
Твоей улыбке и глазам,
И так я слишком долго видел
В тебе надежду юных дней,
И целый мир возненавидел,
Чтобы тебя любить сильней.
Как знать, быть может, те мгновенья,
Что протекли у ног твоих,
Я отнимал у вдохновенья!
А чем ты заменила их?
Быть может, мыслию небесной
И силой духа убежден
Я дал бы миру дар чудесный,
А мне за то бессмертье он?
Зачем так нежно обещала
Ты заменить его венец,
Зачем ты не была сначала,
Какою стала наконец!
Я горд!.. прости! люби другого,
Мечтай любовь найти в другом;
Чего б то ни было земного
Я не соделаюсь рабом.
К чужим горам под небо юга
Я удалюсь, может быть;
Но слишком знаем мы друг друга,
Чтобы друг друга позабыть.*

Отныне стану наслаждаться
И в страсти стану клясться всем;
Со всеми буду я смеяться,
А плакать не хочу ни с кем;
Начну обманывать безбожно,
Чтоб не любить, как я любил;
Иль женщин уважать возможно,
Когда мне ангел изменил?
Я был готов на смерть и муку
И целый мир на битву звать,
Чтобы твою младую руку —
Безумец! — лишний раз пожать!
Не зная коварную измену,
Тебе я душу отдавал;
Такой души ты знала ль цену?
Ты знала — я тебя не знал!

ТОЛСТОЙ АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ
(1817 – 1875)

*Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.*

*Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдаленной свирели,
Как моря играющий вал.*

*Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид;
А смех твой, и грустный и звонкий,
С тех пор в моем сердце звучит.*

*В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь -
Я вижу печальные очи,
Я слышу веселую речь;*

*И грустно я так засыпаю,
И в грезах неведомых сплю...
Люблю ли тебя – я не знаю,
Но кажется мне, что люблю!*

* * *

*Острою секирой ранена береза,
По коре серебристой покатались слезы;
Ты не плачь, береза, бедная, не сетуй!
Рана не смертельна, вылечится к лету,
Будешь красоваться, листьями убрана...
Лишь больное сердце не залечит раны!*

ТУРГЕНЕВ ИВАН СЕРГЕЕВИЧ
(1818 – 1883)

В дороге

*Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.*

*Вспомнишь обильные страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.*

*Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное далекое,
Слушая ропот колес непрерывный,
Глядя задумчиво в небо широкое.*

ПОЛОНСКИЙ ЯКОВ ПЕТРОВИЧ
(1819 – 1898)

Песня цыганки

*Мой костер в тумане светит;
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.*

*Ночь пройдет – и спозаранок
В степь далеко, милый мой,
Я уйду с толпой цыганок
За кибиткой кочевой.*

*На прощанье шаль с каймою
Ты на мне узлом стяни:
Как концы ее, с тобою
Мы сходились в эти дни.*

*Кто-то мне судьбу предскажет?
Кто-то завтра, сокол мой,
На груди моей развяжет
Узел, стянутый тобой?*

*Вспоминай, коли другая,
Друга милого любя,
Будет песни петь, играя
На коленях у тебя!*

*Мой костер в тумане светит;
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.*

* * *

*Зной – и все в томительном покое -
В пятнах света тени спят в аллее...
Только чуткой чудится лилее,
Что гроза таится в этом зное.*

*Бледная, поникла у балкона -
Ждет грозы, - и грезится ей, бедной,
Что далекой бури призрак бледный
Стал темнеть в лазури небосклона...*

*Грезы лета кажутся ей былью, -
Гроз и бурь она еще не знает,
Ждет... зовет... и жутко замирает,
Золотой осыпанная пылью.*

ФЕТ АФАНАСИЙ АФАНАСЬЕВИЧ
(1820 – 1892)

* * *

*Свеж и душист твой роскошный венок,
Всех в нем цветов благовония слышны,
Кудри твои так обильны и пышны,
Свеж и душист твой роскошный венок.*

*Свеж и душист твой роскошный венок,
Ясного взора губительна сила, -
Нет, я не верю, чтоб ты не любила:
Свеж и душист твой роскошный венок.*

*Свеж и душист твой роскошный венок,
Счастью сердце легко предается:
Мне близ тебя хорошо и поется.
Свеж и душист твой роскошный венок.*

* * *

*На заре ты ее не буди,
На заре она сладко так спит;
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит.*

*И подушка ее горяча,
И горяч утомительный сон,
И, чернеясь, бегут на плеча
Косы лентой с обеих сторон.*

*А вчера у окна ввечеру
Долго-долго сидела она
И следила по тучам игру,
Что, скользя, затевала луна.*

*И чем ярче играла луна,
И чем громче свистал соловей,
Все бледней становилась она,
Сердце билось больней и больней.*

*Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит.
Не буди ж ты ее, не буди...
На заре она сладко так спит!*

** * **

*Я тебе ничего не скажу,
И тебя не встревожу ничуть,
И о том, что я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.*

*Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рощу зайдет,
Раскрываются тихо листы
И я слышу, как сердце цветет.*

*И в больную, усталую грудь
Веет влагой ночной... я дрожу,
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу.*

НЕКРАСОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
(1821 – 1877)

Зеленый шум

*Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!*

*Играючи, расходится
Вдруг ветер верховой:
Качнет кусты ольховые,
Поднимет пыль цветочную,
Как облако: все зелено,
И воздух и вода!*

*Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!*

.....
*Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!*

*Как молоком облитые,
Стоят сады вишневые,
Тихохонько шумят;
Пригреты теплым солнышком,
Шумят повеселелые
Сосновые леса.*

*А рядом новой зеленью
Лепечут песню новую
И липа бледнолистая,
И белая березонька
С зеленою косой!
Шумит тростинка малая,
Шумит высокий клен...
Шумят они по-новому,
По-новому, весеннему...*

*Идет-гудет Зеленый Шум.
Зеленый Шум, весенний шум!*

.....

АПУХТИН АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ
(1840 – 1893)

Пара гнедых
(перевод из Донаурова)

*Пара гнедых, запряженных с зарею,
Тощих, голодных и грустных на вид,
Вечно бредете вы мелкой рысцою,
Вечно куда-то ваш кучер спешит.
Были когда-то и вы рысаками
И кучеров вы имели лихих,
Ваша хозяйка состарелась с вами,
Пара гнедых!*

*Ваша хозяйка в старинные годы
Много имела хозяев сама,
Опытных в дом привлекала из моды,
Более нежных сводила с ума.
Таял в объятьях любовник счастливый,
Таял порой капитал у иных;
Часто стоять на конюшне могли вы,
Пара гнедых!*

*Грек из Одессы и жид из Варшавы,
Юный корнет и седой генерал —
Каждый искал в ней любви и забавы
И на груди у нее засыпал.
Где же они, в какой новой богине
Ищут теперь идеалов своих?
Вы, только вы и верны ей доньне,
Пара гнедых!*

*Вот отчего, запрягаясь с зарею
И голодая по несколько дней,
Вы подвигаетесь мелкой рысцою
И возбуждаете смех у людей.
Старость, как ночь, вам и ей угрожает,
Говор толпы невозвратно затих,
И только кнут вас порою ласкает,
Пара гнедых!*

*День ли царит, тишина ли ночная,
В снах ли тревожных, в житейской борьбе,
Всюду со мной, мою жизнь наполняя,
Дума все та же, одна, роковая,-
 Все о тебе!*

*С нею не страшен мне призрак бывшего,
Сердце воспрянуло, снова любя...
Вера, мечты, вдохновенное слово,
Все, что в душе дорогого, святого,-
 Все от тебя!*

*Будут ли дни мои ясны, унылы,
Скоро ли сгину я, жизнь загубя,-
Знаю одно: что до самой могилы
Помыслы, чувства, и песни, и силы -
 Все для тебя!*

*Ночи безумные, ночи бессонные,
Речи несвязные, взоры усталые...
Ночи, последним огнем озаренные,
Осени мертвой цветы запоздалые!*

*Пусть даже время рукой беспощадною
Мне указало, что было в вас ложного,
Все же лечу я к вам памятью жадною,
В прошлом ответа ищу невозможного...*

*Вкрадчивым шепотом вы заглушаете
Звуки дневные, несносные, шумные...
В тихую ночь вы мой сон отгоняете,
Ночи бессонные, ночи безумные!*

АННЕНСКИЙ ИННОКЕНТИЙ ФЕДОРОВИЧ
(1856 – 1909)

* * *

(Музыка отдаленной шарманки)

*Падает снег,
Мутный и белый и долгий,
Падает снег,
Заметая дороги,
Засыпая могилы,
Падает снег...
Белые влажные звезды!
Я так люблю вас,
Тихие гости оврагов!
Холод и нега забвенья
Сердцу так сладки...
О, белые звезды... Зачем же,
Ветер, зачем ты свегаешь,
Жгучий мучительный ветер,
С думы и черной и тяжелой,
Точно могильная насыпь,
Белые блески мечты?..
В поле зачем их уносишь?*

*Если б заснуть,
Но не навеки,
Если б заснуть
Так, чтобы после проснуться,
Только под небом лазурным...
Только под небом лазурным...
Новым, счастливым, любимым...*

Тринадцать строк

*Я хотел бы любить облака
На заре... Но мне горек их дым:
Так неволя тогда мне тяжка,
Так я помню, что был молодым.*

*Я любить бы их вечер хотел,
Когда, рдея, там гаснут лучи,
Но от жертвы их розовых тел
Только пепел мне снится в ночи.*

*Я люблю только ночь и цветы
В хрустале, где дробятся огни,
Потому что утехой мечты
В хрустале умирают они...
Потому что – цветы это ты.*

* * *

*Если больше не плачешь, то слезы сотри:
Зажигаясь, бегут по столбам фонари,
Стали дымы в огнях веселее
И следы золотыми в аллее...
Только веток еще безнадежнее сеть,
Только небу, чернея, над ними висеть...*

*Если можешь не плакать, то слезы сотри:
Забелелись далеко во мгле фонари.
На лице твоём, ласково-зыбкий,
Белый луч притворился улыбкой...
Лишь теней все темнее за ним череда,
Только сердцу от дум не уйти никуда.*

НАДСОН СЕМЕН ЯКОВЛЕВИЧ
(1862 – 1887)

*В тот тихий час, когда неслышными шагами
Немая ночь взойдет на трон свой голубой
И ризу звездную расстелет над горами, -
Незримо я беседую с тобой.*

*Душой растроганной речам твоим внимая,
Я у тебя учусь и верить и любить,
И чудный гимн любви – один из гимнов рая
В слова стараюсь перелить.*

*Но жалок робкий звук земного вдохновенья:
Бессилен голос мой, и песнь моя тиха,
И горько плачу я – и диссонанс мученья
Врывается в гармонию стиха.*

*** * ***

*Верь в великую силу любви!..
Свято верь в ее крест побеждающий,
В ее свет, лучезарно спасающий,
Мир, погрязший в грязи и крови,
Верь в великую силу любви!*

СОЛОГУБ ФЕДОР КОНСТАНТИНОВИЧ
(1863 – 1927)

Триолет

*Лежу в траве на берегу,
Ночной реки я слышу плески,
Пройдя поля и перелески,
Лежу в траве на берегу.
На отуманенном лугу
Зеленые мерцают блески,
Лежу в траве на берегу,
Ночной реки я слышу плески.*

ИВАНОВ ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ
(1866 – 1949)

Вечеровое коло

*В заревой багрянице выходила жница.
Багрянец отряхнула, возмахнула серпом.
Золот серп уронила
(«Гори, заряница»),
Серп вода схоронила
На дне скупом.
И, послушна царице, зыбких дев вереница
Меж купавами реет («Мы сплетем хоровод!»),
Серп исхитить не смеет
(«Звени, вечерница»)
И над гладью белеет
Отуманенных вод
Серп в стеклянной темнице! («Промелькнула
зарница»)
Серп в осоке высокой! («Сомкнулся круг!..»)
Над зеркальной излукой
Мы храним, о царица,
Серп наш, серп крутолукий —
От твоих подруг!*

БАЛЬМОНТ КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ
(1867 – 1942)

*Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.*

*И чем выше я шел, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертанья вдали,
И какие-то звуки вдали раздавались,
Вкруг меня раздавались от Небес и Земли.*

*Чем я выше всходил, тем светлее сверкали,
Тем светлее сверкали выси дремлющих гор,
И сияньем прощальным как будто ласкали,
Словно нежно ласкали отуманенный взор.*

*И внизу подо мною уж ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей Земли,
Для меня же блистало дневное светило,
Огневое светило догорало вдали.*

*Я узнал, как ловить уходящие тени,
Уходящие тени потускневшего дня,
И все выше я шел, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.*

Старый дом (Прерывистые строки)

В старинном доме есть высокий зал,
Ночью в нем слышатся тихие шаги,
В полночь в нем глубина зеркал,
И из них выходят друзья и враги.

Бойтесь безмолвных людей,
Бойтесь старых домов,
Страшитесь мучительной власти несказанных слов,
Живите, живите, – мне страшно – живите скорей.

Кто в мертвую глубь враждебных зеркал
Когда-то бросил безответный взгляд.
Тот забралом скован, – и высокий зал
Населен тенями, и люстры в нем горят.

Канделябры тяжелые свет свой льют,
Безжизненно тянется отсвет свечей,
И в зал, этот страшный призрачный приют,
Приведенья выходят из зеркальных зыбей.

Есть что-то змеиное в движении том,
И музыкой змеиною вальс поет,
Шорохи, шелесты, шаги... О, старый дом,
Кто в тебя дневной неполночный свет прольет?

Кто в тебе тяжелый двери распахнет?
Кто воскресит нерасказанность мечты?
Кто снимет с нас этот мучительный гнет?
Мы только отражения зеркальной пустоты.

Мы кружимся бешено один лишь час,
Мы носимся с бешенством скорее и скорей,
Дробятся мгновения и гонят нас,
Нет выхода, и нет привидениям дверей.

Мы только сплетемся в пляске на миг,
Мы кружимся, не чувствуя за окнами Луны,
Пред каждым и с каждым его же двойник,
И вновь мы возвращаемся в зеркальность глубины.

Мы, мертвые, уходим незримо туда,
Где будто бы все ясно, и холодно – светло,
Нам нет возрожденья, не будет никогда,
Что сказано – отжито, не сказано – прошло.

Бойтесь старых домов,
Бойтесь тайны их чар,
Дом тем более жаден, чем он более стар,
И чем старше душа, тем в ней больше задавленных слов.

* * *

Я — изысканность русской медлительной речи,
Предо мною другие поэты — предтечи,
Я впервые открыл в этой речи уклоны,
Перепевные, гневные, нежные звоны.

Я — внезапный излом,

Я — играющий гром,

Я — прозрачный ручей,

Я — для всех и ничей.

Переплеск многопенный, разорванно-слитный,
Самоцветные камни земли самобытной,
Переклички лесные зеленого мая —
Все пойму, все возьму, у других отнимая.

Вечно юный, как сон,

Сильный тем, что влюблен

И в себя и в других,

Я — изысканный стих.

ГИППИУС ЗИНАИДА НИКОЛАЕВНА
(1869 – 1945)

Рождение

*Беги, беги, пещерная вода,
Как пенье звонкая, как пламя чистая.
Гори, гори, небесная звезда,
Многоконечная, многолучистая.
Дыши, дыши, прильни к Нему нежней,
Святая, радостная, ночь безлунная...
В тебе рожденного онежь, угрей,
Солома легкая, золоторунная...
Несите вести, звездные мечи,
Туда, туда, где шевелится мга,
Где кровью черной облиты снега,
Несите вести, острые лучи.
На край земли, на самый край, туда –
Что родилась Свобода трехвенечная
И что горит восходная Звезда,
Многоочитая, многоконечная...*

В черту

*Он пришел ко мне, – а кто, не знаю,
Очертил вокруг меня кольцо.
Он сказал, что я его не знаю,
Но плащом закрыл себе лицо.

Я просил его, чтоб он помедлил,
Отошел, не трогал, подождал.
Если можно, чтоб еще помедлил
И в кольцо меня не замыкал.*

Удивился Темный: «Что могу я?»
Засмеялся тихо под плащом.
«Твой же грех обвился, — что могу я?
Твой же грех обвил тебя кольцом».

Уходя, сказал еще: «Ты жалок!»
Уходя, сникая в пустоту.
«Разорви кольцо, не будь так жалок!
Разорви и вытяни в черту».

Он ушел, но он опять вернется.
Он ушел — и не открыл лица.
Что мне делать, если он вернется?
Не могу я разорвать кольца.

Любовь — одна

...Не может сердце жить изменой:
Измены нет — любовь одна.

Душе, единостью чудесной,
Любовь единая дана.
Так в послегрозности небесной
Цветная полоса — одна.

Но семь цветов семью огнями
Горят в одной. Любовь одна,
Одна до века, и не нами
Ей семицветность суждена.

В ней фиолетовость, и алость,
В ней кровь и золото вина,
То изумрудность, то опалость...
И семь сияний — и одна.

Не все ль равно, кого отметит,
Кого пронижет луч до дна,
Чье сердце меч прозрачный встретит,
Чья отзовется глубина?

Неразделимая нетленна,
Неуловимая ясна,
Непобедимо-неизменна
Живет любовь, — всегда одна.

Переливается, мерцает,
Она всецветна — и одна.
Ее хранит, ее венчает
Святым единством — белизна.

МИРРА ЛОХВИЦКАЯ

(1869 – 1905)

Песнь любви

Хотела б я свои мечты,
Желанья тайные и грезы
В живые обратить цветы,
Но... слишком ярки были б розы!

Хотела б лиру я иметь
В груди, чтоб чувства, вечно юны,
Как песни, стали в ней звенеть, –
Но... порвались бы сердца струны!

Хотела б я в минутном сне
Изведать сладость наслажденья, –
Но... умереть пришлось бы мне,
Чтоб не дожидаться пробужденья!

Умей страдать

Когда в тебе клеймят и женщину, и мать -
За миг, один лишь миг, украденный у счастья,
Безмолвствуя, храни покой бесстрастья,
Умей молчать!

И если радостей короткой будет нить
И твой кумир тебя осудит скоро
На гнет тоски, и горя, и позора, -
Умей любить!

И если на тебе избрания печать,
Но суждено тебе влачить ярмо рабыни,
Неси свой крест с величием богини, -
Умей страдать!

БУНИН ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ
(1870 – 1953)

Одиночество

*И ветер, и дождик, и мгла
Над холодной пустыней воды.
Здесь жизнь до весны умерла,
До весны опустели сады.
Я на даче один. Мне темно
За мольбертом, и дует в окно.*

*Вчера ты была у меня,
Но тебе уж тоскливо со мной.
Под вечер ненастного дня
Ты мне стала казаться женой...
Что ж, прощай! Как-нибудь до весны
Проживу и один — без жены...
Сегодня идут без конца
Те же тучи — гряда за грядой.
Твой след под дождем у крыльца
Расплылся, налился водой.
И мне больно глядеть одному
В предвечернюю серую тьму.*

*Мне крикнуть хотелось вослед:
«Воротись, я сроднился с тобой!»
Но для женщины прошлого нет:
Разлюбила — и стал ей чужой.
Что ж! Камин затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить...*

Счастлив я, когда ты голубые
Очи подымаешь на меня:
Светят в них надежды молодые —
Небеса безоблачного дня.

Горько мне, когда ты, опуская
Темные ресницы, замолчишь:
Любишь ты, сама того не зная,
И любовь застенчиво таишь.

Но всегда, везде и неизменно
Близ тебя светла душа моя...
Милый друг! О, будь благословенна
Красота и молодость твоя!

Звезды ночью весенней нежнее,
Соловьи осторожней поют...
Я люблю эти темные ночи,
Эти звезды, и клены, и пруд.
Ты, как звезды, чиста и прекрасна...
Радость жизни во всем я ловлю -
В звездном небе, в цветах, в ароматах...
Но тебя я нежнее люблю.

Лишь с тобою одною я счастлив,
И тебя не заменит никто:
Ты одна меня знаешь и любишь,
И одна понимаешь – за что!

БРЮСОВ ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ
(1873 – 1924)

Женщины

*Ты – женщина, ты – книга между книг,
Ты – свернутый, запечатленный свиток;
В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг.*

*Ты – женщина, ты – ведьмовский напиток!
Он жжет огнем, едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено средь пыток.*

*Ты – женщина, и этим ты права.
От века убрана короной звездной,
Ты – в наших безднах образ божества!*

*Мы для тебя влечем ярем железный,
Тебе мы служим, тверди гор дробя,
И молимся – от века – на тебя!*

Встреча

*Близ медлительного Нила, там, где озеро Мерида,
в царстве пламенного Ра,
Ты давно меня любила, как Озириса Изиды,
друг, царица и сестра!
И клонила пирамида тень на наши вечера.
Вспомни тайну первой встречи, день, когда во храме пляски
увлекли нас в темный круг,
Час, когда погасли свечи и когда, как в странной сказке,
каждый каждому был друг,
Наши речи, наши ласки, счастье, вспыхнувшее вдруг!*

Разве ты, в сияньи бала, легкий стан склонив мне в руки,
через завесу времен,
Не расслышала кимвала, не постигла гимнов звуки
и толпы ответный стон?
Не сказала, что разлуки – кончен, кончен долгий сон!
Наше счастье – прежде было, наша страсть – воспоминанья,
наша жизнь – не в первый раз,
И, за временной могилой, неугасшие желанья
с прежней силой дышат в нас,
Как близ Нила, в час свиданья, в роковой и краткий час!

Сухие листья

Сухие листья, сухие листья,
Сухие листья, сухие листья,
Под тусклым ветром, кружат, шуршат,
Сухие листья, сухие листья,
Под тусклым ветром сухие листья,
Кружась, что шепчут, что говорят?

Трепещут сучья под тусклым ветром;
Сухие листья, под тусклым ветром,
Что говорят нам, нам шепчут что?
Трепещут листья, под тусклым ветром,
Лепечут листья, под тусклым ветром,
Но слов не понял никто, никто!

Меж черных сучьев синее небо,
Так странно нежно синее небо,
Так странно нежно прозрачна даль.
Меж голых сучьев прозрачно небо,
Над черным прахом синее небо,
Как будто небу земли не жаль.

*Сухие листья шуршат о смерти,
Кружась под ветром, шуршат о смерти:
Они блестели, им время тлеть.
Прозрачно небо. Шуршат о смерти
Сухие листья, – чтоб после смерти
В цветах весенних опять блеснуть!*

КУЗМИН МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ
(1875 – 1936)

*Стекло сердце и стеклянная грудь —
Звенят от каждого прикосновенья,
Но, строгий сторож, осторожен будь,
Подземная да не проступит муть
За это блещущее огражденье.*

*Сплетенье жил, течение тайных вен,
Движение частиц, любовь и сила,
Прилив, отлив, таинственный обмен, —
Весь жалостный состав — благословен:
В нем наша суть ласкала и любила.*

*О звездах, облаке, траве, о вас
Гадаю из поющего колодца,
Но в сладостно-непоправимый час
К стеклу прихлынет сердце, — и алмаз
Пронзительным сияньем разольется.*

*Если б я был древним полководцем,
покорил бы я Ефиопию и Персов,
свергнул бы я фараона,
построил бы себе пирамиду
выше Хеопса,
и стал бы
славнее всех живущих в Египте!*

*Если б я был ловким воров,
обокрал бы я гробницу Менкаура,
продал бы камни александрийским евреям,
накупил бы земель и мельниц,
и стал бы
богаче всех живущих в Египте.*

*Если б я был вторым Антиноем,
утопившемся в священном Ниле, —
я бы всех сводил с ума красотой,
при жизни мне были б воздвигнуты храмы,
и стал бы
сильнее всех живущих в Египте.*

*Если б я был мудрецом великим,
прожил бы я все свои деньги,
отказался бы от мест и занятий,
сторожил бы чужие огороды —
и стал бы
свободней всех живущих в Египте.*

*Если б я был твоим рабом последним,
сидел бы я в подземельи
и видел бы раз в год или два года
золотой узор твоих сандалий,
когда ты случайно мимо темниц проходишь,
и стал бы
счастливей всех живущих в Египте.*

ВОЛОШИН
МАКСИМИЛИАН АЛЕКСАНДРОВИЧ
(1877 – 1932)

ЗВЕЗДНЫЙ ВЕНЕЦ
(веночек сонетов)

15. Магистрал

*В мирах, – неверные кометы, –
Закрыт нам путь проверенных орбит!
Явь наших снов земля не истребит, –
Полночных Солнц к себе нас манят светы.*

*Ах, не крещен в глубоких водах Леты
Наш горький дух, и память нас томит.
В нас тлеет боль внежизненных обид –
Изгнанники, скитальцы и поэты!*

*Тому, кто зряч, но светом дня ослеп,
Тому, кто жив и брошен в темный склеп,
Кому земля – священный край изнанья,*

*Кто видит сны и помнит имена, –
Тому в любви не радость встреч дана,
А темные восторги расставанья!*

**БЛОК АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ
(1880 – 1921)**

*О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.*

*Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.*

*Летели дни, крутятся проклятым роєм...
Вино и страсть терзали жизнь мою...
И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя, как молодость свою...*

*Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла.*

*Не знаю, где приют твоей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...
Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий,
В котором ты в сырую ночь ушла...*

*Уж не мечтать о нежности, о славе,
Все миновалось, молодость прошла!
Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.*

Незнакомка

*По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.*

*Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздается детский плач.*

*И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.*

*Над озером скрипят уключины,
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.*

*И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной,
Как я, смирен и оглушен.*

*А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«Ин вино веритас!» кричат.*

*И каждый вечер, в час назначенный,
(Иль это только снится мне?)
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.*

*И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.*

*И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.*

*И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.*

*Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.*

*И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.*

*В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.*

На поле Куликовом

I.

Река раскинулась. Течет, грустит лениво

И моет берега.

Над скудной глиной желтого обрыва

В степи грустят стога.

О, Русь моя! Жена моя! До боли

Нам ясен долгий путь!

Наш путь – стрелой татарской древней воли

Пронзил нам грудь.

Наш путь – степной, наш путь – в тоске безбрежной –

В твоей тоске, о, Русь!

И даже мглы – ночной и зарубежной –

Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами

Степную даль.

В степном дыму блеснет святое знамя

И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится

Сквозь кровь и пыль...

Летит, летит степная кобылица

И мнет ковыль...

И нет конца! Мелькают версты, кручи...

Останови!

Идут, идут испуганные тучи,

Закат в крови!

Закат в крови! Из сердца кровь струится!

Плачь, сердце, плачь...

Покая нет! Степная кобылица

Несется вскачь!

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ
(настоящее имя
Борис Николаевич Бугаев)
(1880 – 1934)

Сестре К.Н.Бугаевой

*Не лепет лоз, не плеск воды печальный
И не звезды изыскренной алмаз,
А ты, а ты, а голос твой хрустальный
И блеск твоих невыразимых глаз...*

*Редает мгла, в которой ты меня,
Едва найдя, сама изнемогая,
Воссоздала влиянием огня,
Сиянием меня во мне слагая.*

*Я твой мираж, заплакавший росой,
Ты над природой молодая Геба,
Светлеешь самородною красой
В миражах заплакавшее небо.*

*Все, просияв, несет твои слова:
И треск стрекоз, и зреющие всходы,
И трепет трав, теплеющих едва,
И лепет лоз в серебряные воды.*

Игры кентавров

Кентавр бородатый,
мохнатый
и голый
на страже
у леса стоит.

С дубиной тяжелой
от зависти вражьей
жену и детей сторожит.

В пещере кентавриха кормит ребенка
пьянящим
своим молоком.

Шутливо трубят молодые кентавры над звонко
шумящим
ручьем.

Вскочивши один на другого,
копытами стиснувши спину,
кусают друг друга, заржав.
Согретые жаром тепла золотого,
другие глядят на картину,
а третьи валяются, ноги задрав.

Тревожно зафыркал старик, дубиной корнистой
взмахнув.

В лес пасмурно-мглистый
умчался, хвостом поседевшим вильнув.

И вмиг присмирели кентавры, оставив затеи,
и скопом,
испуганно вытянув шеи,
к пещере помчались галопом.

Родина

В. П. Свентицкому

*Те же росы, откосы, туманы,
Над бурьянами рдяный восход,
Холодеющий шелест поляны,
Голодающий, бедный народ;*

*И в раздолье, на воле – неволя;
И суровый свинцовый наш край
Нам бросает с холодного поля -
Посылает нам крик: «Умирай -
Как и все умирают...» Не дышишь,
Смертоносных не слышишь угроз: -
Безысходные возгласы слышишь
И рыданий, и жалоб, и слез.*

*Те же возгласы ветер доносит;
Те же стаи насытых смертей
Над откосами косами косят,
Над откосами косят людей.*

*Роковая страна, ледяная,
Проклятая железной судьбой -
Мать Россия, о родина злая,
Кто же так подшутил над тобой?*

САША ЧЕРНЫЙ
(1880 – 1932)

Гармония
(подражание древним)

*Роза прекрасная по форме и запах имеет приятный.
Болиголов некрасив и при этом ужасно воняет.
Байрон, и Шиллер, и Скотт совершенны и духом и телом.
Но безобразен Буренин, и дух от него нехороший.*

*Тихо приветствую мудрость любезной природы –
Ловкой рукой она ярлыки налепляет:
Даже слепой различит, что серна, свинья и гиена
Так и должны быть – серной, свиньей и гиеной.*

*Видели, дети мои, приложения к русским газетам?
Видели избранных, лучших, достойных и правых из
первых?
В лица их молча взгляните, бумагу в руках разминая,
Тихо приветствуя мудрость любезной природы.*

Ошибка

*Это было в провинции, в страшной глуши.
Я имел для души
Дантистку с телом белее известки и мела,
А для тела –
Модистку с удивительно нежной душой.*

Десять лет пролетело.
Теперь я большой...
Так мне горько и стыдно
И жестоко обидно:
Ах, зачем прозевал я в дантистке
Прекрасное тело,
А в модистке
Удивительно нежную душу!

Так всегда:
Десять лет надо скучно прожить,
Чтоб понять иногда,
Что водой можно жажду свою утолить,
А прекрасные розы для носа.

О, я продал бы книги свои и жилет
(Весною они не нужны)
И под свежим дыханьем весны
Купил бы билет
И поехал в провинцию, в страшную глушь...
Но, увы!

Ехидный рассудок уверенно каркает: «Чушь!
Не спеши –
У дантистки твоей,
У модистки твоей
Нет ни тела уже, ни души».

ГОРОДЕЦКИЙ СЕРГЕЙ МИТРОФАНОВИЧ
(1884 – 1967)

Полдень

*Светлый латник –
Нестерпимо
Светят латы –
Солнца ратник,
Огнем богатый,
Неутомимо
По бирюзовым
Полям – пустыням
Взбираюсь кручей
К высям синим,
Неопалимым.*

*Солнца ратник,
За счет я ратую,
всегда готовый
На ярый бой
Со зверем-тучей,
Темнотой.*

*Зверя-тучу мохнатую
Ярким светом схвачу,
Луч – копьё излучу,
Посмуглеет, свянет, стает,
Станет паром туча та.
Умирает темнота.
Солнца ратник –
Нестерпимо
Светят латы –
Выше, выше.*

Путница

*Я дал ей меду и над медом
Шепнул, чтоб слаще жизнь была,
Чтоб над растерзанным народом
Померкло созвездье зла.*

*Она рукой темнойантарной
Коснулась моей руки,
Блеснув зарницей благодарной
Из глаз, исполненных тоски.*

*И тихо села на пороге,
Блаженством сна озарена.
А в голубой пыли дороги
Все шли такие ж, как она.*

*О тебе, о тебе, о тебе
Я тоскую, мое ликование.
Самой страшной отдамся судьбе,
Только б ты позабыла страданье.*

*Плачет небо слезами тоски,
Звон дождя по садам пролетает.
С яблонь снегом текут лепестки.
Скорбь моя, как огонь вырастает.*

*Вот она охватила сады
И зарю у озер погасила,
Оборвала лучи у звезды,
У вечерней звезды белокрылой.*

*Ало-черным огнем озарен,
Страшен свод. Но, смеясь и сияя,
В высоте, как спасительный сон,
Ты стоишь надо мной, дорогая.*

*Я к тебе из томленья, из тьмы
Простираю безумные руки.
О, когда же увидимся мы
И сольемся, как в пении звуки?*

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ
(настоящее имя Виктор Владимирович)
(1885 – 1922)

*Когда умирают кони – дышат,
Когда умирают травы – сохнут,
Когда умирают солнца – они гаснут,
Когда умирают люди – поют песни.*

*Я вышел юношей один
В глухую ночь,
Покрытый до земли
тугими волосами.
Кругом стояла ночь,
И было одиноко,
Хотелось друзей,
Хотелось себя.
Я волосы зажег,
Бросался, лоскутами, кольцами
И зажигал кругом себя,
Зажег поля, деревья –
И стало веселей.
Горело Хлебникова поле,
И огненное Я пылало в темноте.
Теперь я ухожу,
Зажегши волосами,
И вместо Я
Стояло – Мы!
Иди, варяг суровый Нансен,
Неси закон и честь.*

* * *

*Народ отчаялся. Заплакала душа.
Он бросил сноп ржаной о землю
И на восток ушел с жаной,
Напеву самолета внемля.*

*В пожарах степь,
Холмы святые.
В глазах детей
Встают Батый.*

*Колосьев нет... их бросил гневно
Боже ниц,
И на восток уходит беженец.*

ГУМИЛЕВ НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ
(1886 – 1921)

Жираф

*Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд.
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далеко, далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.*

*Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озер.*

*Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавен, как радостный птичий полет.
Я знаю, что много чудесного видит земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.*

*Я знаю веселые сказки таинственных стран
Про черную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь кроме дождя.*

*И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немислимых трав.
Ты плачешь? Послушай... далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.*

* * *

*Пять могучих коней мне дарил Люцифер
И одно золотое с рубином кольцо,
Я увидел бездонность подземных пещер
И роскошных долин молодое лицо.*

*Принесли мне вина – струевого огня
Фея гор и властительно – пурпурный Гном,
Я увидел, что Солнце зажглось для меня,
Просияв, как рубин на кольце золотом.*

*И я понял восторг созидаемых дней,
Расцветающий гимн мирового жреца,
Я смеялся порывам могучих коней
И игре моего золотого кольца.*

*Там, на высях сознания, - безумье и снег...
Но восторг мой прожег голубой небосклон,
Я на выси сознания направил свой бег
И увидел там деву, больную, как сон.*

*Ее голос был тихим дрожаньем струны,
В ее взорах сплетались ответ и вопрос,
И я отдал кольцо этой деве Луны
За неверный оттенок разбросанных кос.*

*И, смеясь надо мной, презирая меня,
Мои взоры одел Люцифер в полутьму,
Люцифер подарил мне шестого коня -
И Отчаянье было названье ему.*

Потомки Каина

*Он не солгал нам, дух печально-строгий,
Принявший имя утренней звезды,
Когда сказал: «Не бойтесь вышней мзды,
Вкусите плод и будете, как боги».*

*Для юношей открылись все дороги,
Для старцев — все запретные труды,
Для девушек — янтарные плоды
И белые, как снег, единороги.*

*Но почему мы клонимся без сил,
Нам кажется, что кто-то нас забыл,
Нам ясен ужас древнего соблазна,*

*Когда случайно чья-нибудь рука
Две жердочки, две травки, два древка
Соединит на миг крестообразно?*

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН
(настоящее имя – Игорь Васильевич Лотарев)
(1887 – 1941)

ЭГО – ФУТУРИЗМ
Пролог

I

*Я, гений Игорь Северянин,
Своей победой упоен:
Я повсеградно оэкранен!
Я повсесердно утвержден!*

*От Баязета к Порт-Артуру
Черту упорную провел.
Я покори́л литературу!
Взорлил, гремящий, на престол!
Я – год назад – сказал: «Я буду!»
Год отсверкал, и вот – я есть!
Среди друзей я зрил Иуду,
Но не его отверг, а – месть.*

*«Я одинок в своей задаче!» -
Прозрленно я провозгласил.
Они пришли ко мне, кто зрячи,
И, дав восторг, не дали сил.*

*Нас стало четверо, но сила
Моя, единая, росла.
Она поддержки не просила
И не мужала от числа.*

*Она росла в своем единстве,
Самодержавна и горда, -
И, в чаровом самоубийстве,
Шатнулась в мой шатер орда...
От снегоскалого гипноза
Бежали двое в тлен болот;
У каждого в плече заноза, -
Зане болезнен беглых взлет.*

*Я их приветил: я умею
Приветить все, – божи, привет!
Лети, голубка, смело к змию!
Змея, обвей орла в ответ!*

II

*Я выполнил свою задачу,
Литературу покорив.
Бросаю сильным наудачу
Завоевателя порыв.
Но, даровав толпе холопов
Значенье собственного «я»,
От пыли отряхаю обувь,
И вновь в простор – стезя моя.*

*Схожу насмешливо с престола
И, ныне светлый пилигрим,
Иду в застенчивые доли,
Презрев ошеломленный Рим.*

*Я изнемог от льстивой свиты,
И по природе я взалкал.
Мечты с цветами перевиты,
Росой накаплен мой бокал.*

Мой мозг прояснили дурманы,
Душа влечется в примитив.
Я вижу росные туманы!
Я слышу липовый мотив!

Не ученик и не учитель,
Великих друг, ничтожных брат,
Иду туда, где вдохновитель
Моих исканий – говор хат.

До долгой встречи! В беззаконце
Веротерпимость хороша.
В ненастный день взойдет, как солнце,
Моя вселенская душа!

Увертюра

Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Удивительно вкусно, искристо, остро!
Весь я в чем-то норвежском! Весь я в чем-то испанском!
Вдохновляюсь порывно! И берусь за перо!

Стрекот аэропланов! Беги автомобилей!
Ветропросвист экспрессов! Крылолет буеров!
Кто-то здесь зацелован! Там кого-то побили!
Ананасы в шампанском — это пульс вечеров!

В группе девушек нервных, в остром обществе дамском
Я трагедию жизни претворю в грезефарс...
Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Из Москвы — в Нагасаки! Из Нью-Йорка — на Марс!

Это было у моря
(поэма — миньонет)

*Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж...
Королева играла – в башне замка – Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил ее паж.*

*Было все очень просто, было все очень мило:
Королева просила перерезать гранат,
И дала половину, и пажа истомила,
И пажа полюбила, вся в мотивах сонат.*

*А потом отдавалась, отдавалась грозово,
До восхода рабыней проспала госпожа...
Это было у моря, где волна бирюзова,
Где ажурная пена и соната пажа.*

АХМАТОВА АННА АНДРЕЕВНА
(настоящая фамилия – Горенко)
(1889 – 1966)

РЕКВИЕМ
Посвящение

*Перед этим горем гнутся горы,
Не течет великая река,
Но крепки тюремные затворы,
А за ними «каторжные норы»
И смертельная тоска.
Для кого-то веет ветер свежий,
Для кого-то нежится закат -
Мы не знаем, мы повсюду те же,
Слышим лишь ключей постылый скрежет
Да шаги тяжелые солдат.
Подымались как к обедне ранней,
По столице одичалой шли,
Там встречались, мертвых бездыханней,
Солнце ниже, и Нева туманней,
А надежда все поет вдали.
Приговор... И сразу слезы хлынут,
Ото всех уже отделена,
Словно с болью жизнь из сердца вынут,
Словно грубо навзничь опрокинут,
Но идет... Шатается... Одна...
Где теперь невольные подруги
Двух моих осатанелых лет?
Что им чудится в сибирской вьюге,
Что мерещится им в лунном круге?
Им я шлю прощальный свой привет.*

V.

*Семнадцать месяцев кричу,
Зову тебя домой,
Кидалась в ноги палачу,
Ты сын и ужас мой.
Все перепуталось навек,
И мне не разобрать
Теперь, кто зверь, кто человек,
И долго ль казни ждать.
И только пыльные цветы,
И звон кадилый, и следы
Куда-то в никуда.
И прямо мне в глаза глядит
И скорой гибелью грозит
Огромная звезда.*

X.

Распятие

*«Не рыдай Мене, Мати,
во гробе зрящи».*

I.

*Хор ангелов великий час восславил,
И небеса расплавились в огне.
Отцу сказал: «Почто Меня оставил!»
А матери: «О, не рыдай Мене...»*

Эпилог

*... А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,*

*Согласье на это даю торжество,
Но только с условием – не ставить его*

*Ни около моря, где я родилась:
Последняя с морем разорвана связь,*

*Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,*

*А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов.*

*Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забуть громохание черных марушь,*

*Забуть, как постылая хлопала дверь
И выла старуха, как раненый зверь.*

*И пусть с неподвижных и бронзовых век
Как слезы, струится подтаявший снег,*

*И голубь тюремный пусть гулит вдали,
И тихо идут по Неве корабли.*

РЮРИК ИВНЕВ
(настоящее имя – Михаил Александрович
Ивнев-Ковалев)
(1891 – 1981)

Твои глаза

*Твои глаза, испуганные болью
И первой изведанной печалью.
Летят ко мне, как два волчонка в поле,
Ища во мне спасенья от отчаянья.
Но если в молодости я не спас Есенина,
Как в старости мне думать о спасении.
Все боли человеческие в мире
Сплелись в одну, чтоб лечь на плечи мне
Всей тяжестью многопудовой гири,
Свирепо раскаленную в огне.*

Теплые листья

*Зеленые теплые листья
Как птицы поют за окном.
И кажется мне немислимым,
Что нет никого кругом.*

*Но вот, как голос любимый,
Зазвенел на столе телефон.
И чувствую, как незримо
Друзьями я окружен.*

*А впрочем, зеленые листья
Разве не те же друзья,
Которые, может быть, искренней
Умеют любить, чем я.*

*Так пусть же и те, и другие
Сольются с моим окном,
Как звуки земного гимна,
Пронизанного торжеством.*

ЦВЕТАЕВА МАРИНА ИВАНОВНА
(1892 – 1941)

*Мне нравится, что Вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не Вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной —
Распущенной — и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.*

*Мне нравится еще, что Вы при мне
Спокойно обнимаете другую,
Не прочите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не Вас целую.
Что имя нежное мое, мой нежный, не
Упоминаете ни днем ни ночью — всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!*

*Спасибо Вам и сердцем и рукой
За то, что Вы меня — не зная сами! —
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,
За наши не-гулянья под луной,
За солнце не у нас на головах, —
За то, что Вы больны — увы! — не мной,
За то, что я больна — увы! — не Вами.*

*Кто создан из камня, кто создан из глины, –
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело – измена, мне имя – Марина,
Я – брэнная пена морская.*

*Кто создан из глины, кто создан из плоти -
Тем гроб и нагробные плиты...
– В купели морской крещена – и в полете
Своем – непрерывно разбита!*

*Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети
Пробьется мое своеволие.
Меня – видишь кудри беспутные эти? -
Земною не сделаешь солью.*

*Дробясь о гранитные ваши колена,
Я с каждой волной – воскресаю!
Да здравствует пена – веселая пена -
Высокая пена морская!*

ЕСЕНИН СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
(1895 – 1925)

*Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.*

*Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.*

*Дух бродяжий! ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.*

*Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя? иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.*

*Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвеств и умереть.*

**** ***

*Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.*

*Был я весь – как запущенный сад,
Был на женщин и зелие падкий.
Разонравилось пить и плясать
И терять свою жизнь без оглядки.*

*Мне бы только смотреть на тебя,
Видеть глаз злато-карий омут,
И чтоб, прошлое не любя,
Ты уйти не смогла к другому.*

*Поступь нежная, легкий стан,
Если б знала ты сердцем упорным,
Как умеет любить хулиган,
Как умеет он быть покорным.*

*Я б навеки забыл кабаки
И стихи бы писать забросил.
Только б тонко касаться руки
И волос твоих цветом в осень.*

*Я б навеки пошел за тобой
Хоть в свои, хоть в чужие дали...
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.*

Видно, так заведено навеки —
К тридцати годам перебесясь,
Все сильней, прожженные калеки,
С жизнью мы удерживаем связь.

Милая, мне скоро стукнет тридцать,
И земля милей мне с каждым днем.
Оттого и сердцу стало сниться,
Что горю я розовым огнем.

Коль гореть, так уж гореть сгорая,
И недаром в липовую цветь
Вынул я кольцо у попугая —
Знак того, что вместе нам сгореть.

То кольцо надела мне цыганка.
Сняв с руки, я дал его тебе,
И теперь, когда грустит шарманка,
Не могу не думать, не робеть.

В голове болотный бродит омут,
И на сердце изморозь и мгла:
Может быть, кому-нибудь другому
Ты его со смехом отдала?

Может быть, целуясь до рассвета,
Он тебя спрашивает сам,
Как смешного, глупого поэта
Привела ты к чувственным стихам.

Ну, и что ж! Пройдет и эта рана.
Только горько видеть жизни край.
В первый раз такого хулигана
Обманул проклятый попугай.

А. АРГО

Кабацкая

Толстяк, с двумя отвисшими горбами –
Ты что? Заснул или считаешь мух?
Играй, да так, чтобы отшибло память,
Играй, да так, чтобхватило дух.

И вот уже подвал насквозь прорезал
Разгульной песни громовой таран.
Сегодня мы любить желаем гезов,
И, значит, к черту чопорных дворян!

Вы все мальчишки, школяры. Сегодня
Нагих изображаете гостей.
Сегодня нам расчетливая сводня
Дает свободный выбор и постель.

Вчера монах, прочтя семнадцать «Аве»,
Со мной грешил и отпустил мне грех.
Не бойся, милый, – к вящей божьей славе
Я ванну приняла – и вновь чиста, как снег.

Обряд любви подобен верной сделке,
И золото имеет цвет и вес –
Но почему в мертвецки пьяной девке –
Не может жить невеста их невест?

Сегодня тот, кто ласки моей просит,
Тот, чей карман всегда бездонно пуст,
Пускай червонцы поцелуев бросит
В копилку этих пересохших уст!

Мой портрет

Мне зеркало глядит в лицо вопросом,
Вопросом о великом и пустом.
Стальных волос негнущиеся космы
Над низким лбом, над непреклонным лбом.

Мои глаза – зеленые колодцы.
И ноздри – страстной боли паруса...
Как хорошо с самим собой бороться,
Чтоб победить себя на полчаса.

Меня задела, как лежал я в зыбке,
Крылом широким птица – Гамаюн,
И солнце вышневонкою улыбкой
Озолотило голову мою.

На лбу резцов изнеможденной лени
Проведена глубокая черта.
Ряды зубов, как камни в белой пене,
Вдоль озера улыбчивого рта.

И в час заката, ровный и пустынный,
Люблю, когда сквозь тихий разговор
В мои глаза, затянутые тиной,
Глядится ваш неотразимый взор.

И я люблю свое лицо тогда лишь,
Когда в закатно-золотой тиши
В очах любимой мимолетно схватишь
Отображение своей души.

ЗАБОЛОЦКИЙ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
(1903 – 1958)

Портрет

*Любите живопись, поэты!
Лишь ей, единственной, дано
Души изменчивой приметы
Переносить на полотно.*

*Ты помнишь, как из тьмы былого,
Едва закутана в атлас,
С портрета Рокотова снова
Смотрела Струйская на нас?*

*Ее глаза – как два тумана,
Полуулыбка, полуплач,
Ее глаза – как два обмана,
Покрытых мглою неудач.*

*Соединенье двух загадок,
Полувосторг, полуйсуг,
Безумной нежности припадок,
Предвосхищенье смертных мук.*

*Когда потемки наступают
И приближается гроза,
Со дна души моей мерцают
Ее прекрасные глаза.*

Вечер на Оке

В очарованьи русского пейзажа
Есть подлинная радость, но она
Открыта не для каждого и даже
Не каждому художнику видна.
С утра обремененная работой,
Трудом лесов, заботами полей,
Природа смотрит как бы с неохотой
На нас, неочарованных людей.
И лишь когда за темной чащей леса
Вечерний луч таинственно блеснет,
Обыденности плотная завеса
С ее красот мгновенно упадет.
Вздохнут леса, опущенные в воду,
И, как бы сквозь прозрачное стекло,
Вся грудь реки приникнет к небосводу
И загорится влажно и светло.
Из белых башен облачного мира
Сойдет огонь, и в нежном том огне,
Как будто под руками ювелира,
Сквозные тени лягут в глубине.
И чем ясней становятся детали
Предметов, расположенных вокруг,
Тем необъятней делаются дали
Речных лугов, затонов и излук.
Горит весь мир, прозрачен и духовен,
Теперь-то он поистине хорош,
И ты, ликуя, множество диковин
В его живых чертах распознаешь.

Одинокий дуб

*Дурная почва: слишком узловат
И этот дуб, и нет великолепья
В его ветвях. Какие-то отрепья
Торчат на нем и глухо шелестят.*

*Но скрученные намертво суставы
Он так развил, что, кажется, ударь —
И запоеет он колоколом славы,
И из ствола закапает янтарь.*

*Вглядись в него: он важен и спокоен
Среди своих безжизненных равнин.
Кто говорит, что в поле он не воин?
Он воин в поле, даже и один.*

ФЕДОРОВ ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ
(1918 – 1984)

С тобой, Россия

.....
Когда аркан
Над головой свистел
И шум пиров
Катился по улусам,
Другой бы постарел
И поседел,
А я русел.
Я становился русым.

Всевластьем силы
И всевластьем тьмы
Я в прежней жизни
Был сто раз унижен.
Другой бы не превысил
И травы,
А я все рос,
Я становился
Выше.

Мы спорили
О смысле красоты.
И он сказал с наивностью младенца:
– Я за искусство левое. А ты?
– За левое...
Но не левее сердца.

СОКОЛОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ
(1928)

* * *

*Спасибо, музыка, за то,
Что ты меня не оставляешь,
Что ты лица не закрываешь,
Себя не прячешь ни за что.*

*Спасибо, музыка, за то,
Что ты единственное чудо,
Что ты душа, а не причуда,
Что для кого-то ты ничто.*

*Спасибо, музыка, за то,
Чего и умным не подделать,
За то, спасибо, что никто
Не знает, что с тобой поделаться.*

*Мне не может никто и не должен помочь,
Это ты понимаешь сама.
Это ранняя рань, это поздняя ночь,
Потому что – декабрь и зима.
Это скрип одиноких шагов в темноте.
Это снег потянулся на свет.
Это мысль о тебе на случайном листе
Оставляет нечаянный след.*

*А была у тебя очень белая прядь,
Потому что был холод не скуп.
Но она, потеплев, стала прежней опять
От моих прикоснувшихся губ.*

*Ты шагнула в квадратную бездну ворот,
Все слова унеслись за тобой.
И не смог обратиться я в тающий лед,
В серый сумрак и снег голубой.*

*Я забыл, что слова те, что могут помочь, —
Наивысшая грань немоты.
Это ранняя рань, это поздняя ночь,
Это улица, это не ты.*

*Это гром, но и тишь, это свет, но и мгла.
Это мука стиха моего.
Я хочу, чтобы ты в это время спала
И не знала о том ничего.*

*Еще недавно нам вдвоем
Так хорошо и сладко пелось.
Но вот гляжу в лицо твое
И думаю:
Куда все делось?*

*Но память прошлое хранит,
Душа моя к тебе стремится...
Так, вздрогнув, все еще летит
Убитая в полете птица.*

ГОРБОВСКИЙ ГЛЕБ ЯКОВЛЕВИЧ

(р. 1935)

*Они проходят в наших судьбах,
Как корабли, сверкнув бортом,
Сверкнув улыбкой! И, по сути,
Мы знаем их всегда – потом...*

*Потом, когда на волнах жизни
Растает их и свет, и след.
И только тот – нетленный – признак
Еще сквозит, хоть плоти нет.*

*Чтоб воссиять – исчезнуть нужно.
Пройдет корабль, отголосив.
И мир очнется: «Это ж – Пушкин!
Он гениален! Он красив!»*

*Они проносятся, блистая,
И нет движенью их конца...
И оседает красота их
В чертах российского лица.*

Далекое

В.Каратаеву

*Далекое...
Тобой питаюсь я,
как музыкой, взирал я на дорогу,
где на распутье Муромец Илья
ночным лицом светлеет понемногу.*

*Далекое...
У времени есть шум.
Я слышу крик в себе и – холодею.*

как будто я ревуций Аввакум,
что не костре растаял за идею.
Далекое...

Плыву сквозь океан
твоих глубин... Тону, не утопая,
как не сносивший головы Степан,
как не достигший берега Чапаев.

На двух лучах передвигаясь,
она входила в города.
и жаркий шепот: «Кто такая?» –
сопровождал ее всегда.

Как две сиятельные шпаги,
Пронзала ноги, сор и хлам.
И тень, послушнее собаки,
плелась за нею по пятам.

И кто-то, выкрикнув проклятье,
расставив лапы, как медведь.
в ее хрустальные объятия
ломился в жажде пошуметь!

... Так, шествуя тропой отрады,
как смех младенческий, чиста,
На двух лучах добра и правды
нас навещала – Красота...

ЗОЛОТАРЕВ ЛЕОНАРД МИХАЙЛОВИЧ
(р. 1935)

Тайная вечеря

*Собрались двенадцать апостолов.
Все святы, но кто же предатель?
Стучат кулачишками по столу,
Куда только смотрит Создатель.*

*Вздохнул убеленный Учитель:
«У совести все мы в долгу.
Змею (да не скроет обитель)
Ищите вы в вашем кругу».*

*Повисло глухое молчанье.
Косились. Кипело все. Жгло.
Сказал Леонардо печально:
«Само назови себя, Зло!*

*Рассядьтесь, все честные, по столу,
А веру предавший – уйди... »
Сидят все двенадцать апостолов,
И все у святых впереди.*

*Я – от рожденья Леонард,
Когда меня крестили боги,
Фас италийский в профиль строгий
Переводил музыкой бард.*

*Пересекал мою дорогу
Попроше кто-то – Леонид.
А я под крест – туда же, к Богу,
А я под сень его ланит.*

*А я на высь, на самый купол.
А я где гений, где звезда...
Ходить по золотому – глупо,
Плясать от золотого – да!*

*Летит гремуче это имя,
В мой ограняющий гранат.
Лик италийский – звук любимый.
Да Винчи... Монна... Леонард...*

Золотистая роза

*С куста подмигнет золотистая роза,
Росинками вспыхнет, искрит.
А только дотронься, как тут же занозу
Она, молодая, вонзит.*

*Но, шип за шипом по стволу отгибая,
Надломишь, протянешь, а там
Прильнет она, тенью дыханье сбивая,
К полуудивленным губам.*

*О, женщина с розой!.. Вдруг остренько шило
Кольнет выше ушка ее.
Красавица сада сопернице милой
Так выскажет горько свое.*

*И капелька крови. И зла заноза.
Замрут каблучки вдалеке.
Лежит, не нужна, золотистая роза
Одна в раскаленной песке.*

*Над садом заходят июльские грозы.
И – боже! – свежа и чиста –
Другая другим золотистая роза
Свисает с того же куста.*

И.Северянину
(настоящая фамилия – Лотарев Игорь
Васильевич)

*Ты – гений, конечно.
В поэзии – сила,
Когда ты седлаешь коня.
Но все же чего-то тебе не хватило:
Всего-то двух букв до меня.*

*Две буквы, две цифры, крыла на Парнасе.
Все тридцать вздымают коня.
И если твой гений летит на Пегасе,
То что же тогда у меня?*

КОСТРОВ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ
(р. 1935)

*Лунное пенье трубы полковой,
честно прошедшей сквозь годы и войны...
Тихо играет оркестр духовой
вальс незабываемый «Амурские волны».*

*В старых Сокольниках, около ив,
музыка льется свежо и просторно,
с детства тревожащий сердце мотив
просто и грустно, выводят валторны.*

*Стала больнее и стала живей
память далеких и близких походов,
руку сжимает девчонке своей
юный влюбленный солдат – первогодок.*

*Нет, несмотря на его старину,
вальс этот может еще пригодиться...
В парке Сокольники прямо в волну
красное солнышко плавно садится.*

Л.Васильевой

*Мы – последние этого века.
Мы великой надеждой больны.
Мы – подснежники.
Мы из-под снега,
сумасшедшего снега войны.
Доверяя словам и молитвам
и не требуя блага взамен,
мы по битвам прошли.
как по бритвам,
так, что ноги в рубцах до колен.
И в конце прохрипим не проклятья –
о любви разговор поведем.
Мы последние века,
Мы братья.
по ладони, пробитой гвоздем.*

*Время быстро идет по маршруту,
бьет часы, отбивая года.
И встречаемся мы на минуту,
и прощаемся мы навсегда.*

*Так обнимемся.
Путь наш недолог
на виду у судьбы и страны.
Мы – подснежники,
мы из-под елок,
мы – последняя нежность войны.*

*В керосиновой лампе – клочок огня.
Все мое у меня под рукой.
Ты, Россия моя, наградила меня
песней, женщиной и рекой.*

*Нет. Поля и леса не пустой матерьял.
да и солнышко вдалеке.
Но себя я терял, когда изменял
песне, женщине и реке.*

*У собрата денег полон кошель,
пуст карман моего пиджака.
Но с годами все так же прекрасна цель –
песня, женщина и река.*

*И когда, с последним ударом в грудь,
сердце станет весной на покой,
я хотел бы услышать не что-нибудь –
песню женскую над рекой.*

РУБЦОВ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ
(1936 – 1971)

Видения на холме

*Взбегу на холм
и упаду
в траву,
И древностью повеет вдруг из дола.
И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву.
Пустынный свет на звездных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг
В крови и жемчугах
Тупой башмак скуластого Батыя!..*

*Россия, Русь – куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы -
Люблю твою, Россия, старину,
Твои огни, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...
Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.
Они несут на флагах черный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов
в окрестностях
России...
Кресты, кресты...*

**** ***

*Стукнул по карману – не звенит.
Стукнул по другому – не слышать.
В тихий свой, таинственный зенит
Полетели мысли отдыхать.*

*Но очнись и выйду за порог
И пойду на ветер, на откос
О печали пройденных дорог
Шелестеть остатками волос.*

*Память отбивается от рук,
Молодость уходит из-под ног,
Солнышко описывает круг -
Жизненный отсчитывает срок.*

*Стукну по карману – не звенит.
Стукну по другому – не слышать.
Если только буду знаменит,
То поеду в Ялту отдыхать...*

МАТВЕЕВА НОВЕЛЛА

(р. 1934)

Музыка

*Вы объяснили музыку словами.
Но, видно, ей не надобны слова. –
не то она, соперничая с вами,
Словами изъяснялась бы сама –
и никогда (для точности в науке)
Не тратила бы времени на звуки.*

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЕВ
БЕРЕНДЕЕВ КОЛОДЕЦ
МОИ ПЯТИЛИСТНИКИ
(лирический эпос)

ПЯТИЛИСТНИК НУЛЕВОЙ.
«ЯСЕНЬ»

*Мы – русские люди. Откуда – куда мы,
Каких сокровений и грез?
Под сердцем у Матери,
Когда мы оттуда, когда мы
Из бездны таинственной звезд.*

*Под знак Водолея – все конские топы.
Мы – скифы, сарматы, славяне мы, росы.
У Азии – перед, задворки Европы,
Свершин Гималаев – арийцы, колоссы.*

*В нас борются две изначальные силы –
То в радио сцепят, то в пыль разнесут.
Оседлость – кочевье, Гордыни – Атиллы,
Под мистикой власти, под пряник и кнут.*

*Все с бою, с борьбы, из жестоких сражений.
Культ скифской телеги, круг слав и побед.
Широкая степь из семи обновлений.
И все племена, все тираны с монет.*

*Осколок зеркальный шестого исхода.
Все падаем с Солнца, все звездно летим.
Багряные гривы метут с небосвода
Алмазную пыль на отеческий дым.*

*Тут – пашни и пашни, там – степи и степи.
И, шаркая в шлепанцах, как землемер,
Бредет наш Велес и в душе моей лепит
Премножество всяких химер.*

*Как только Велесов услышу я глас.
Так в мыслях –
Пахать научил, молотить.
Теперь бы еще бы орду победить
В себе приохотил бы нас.*

*Веди же нас, кормчий ведических струн!
Со звездного поля туда,
Где, строя аккорды в слиянии лун,
Всемузыкой мира великий Перун
Велесовы славит года.*

15 января 1995 г.

ЯСЕНЬ

*Я под дерево встану,
Качну свою ветку –
Биотоки рванут по руке.
Вот и тянемся ясенем
К дырке с монетку,
Отраженной в снятом молоке.*

*Мы когда-то в созвездьях
Паслись, как коровы,
И ходили на всех четырех.
Но я встал, разогнулся,
Уперся в покровы
И антенной стою у дорог.*

Где дыра, что винтит мир,
Откуда я знаю.
Смолит в душу астральный колосс.
Принимаю в себя, принимаю
Через ясьень энергию звезд.

Если кто-то захочет
Согнуть нас в подкову, –
Мою белую-белую Русь,
Я скажу, ты согни
Поначалу корову,
Ясьень этот согни,
Как антенну ту – леву,
За которую крепко держусь.

БОГ СВАРОГ

Творожная пасха. С утра к творогу –
К чему это? – тянет меня.
Творог и Сварог. Прозреваю Сваргу
В ведических сферах огня.

В безвестной пустыне уж тысячу лет
Старался кормилец Сварог,
Ссужая просвирку, творог на обед,
На ужин все тот же творог.

С рогами Сварог. Рогоносец Сварог.
Проклятье над рогом висит.
А он-то всего-то языческий бог –
Незлой старикан на Руси.

А он-то всего-то нам память хранит,
Ответственен в пращурах – и ...
Опять по ошибке отец Леонид
Занес его в святцы свои.

15 января 1995 г.

ИСХОДЫ

*Их было семь всего – исходов.
Откуда кто мы и куда?
Все Киев, с Кия пишем оды,
А Кий лишь пятая вода*

*На киселе. И до того
Хлебнули, кажется, всего.
Но все нам Киевская Русь,
Все культ Одарок и Марусь.
А скифы что, сарматы где?*

*А если глубже – Гималаи,
Где Рерих рылся в бороде,
В ось мира дух перелагая?*

*Когда в Непал себя торопим,
Что обозреть земной окрест,
Я знаю, что из этих опер
Брать нам с собой на Эверест!*

15 января 1995 г.

СТИХИ ПРО ИНДИЮ (баллада)

*Была малою, была девочкой,
Стала женщиной молодой.
Все про Индию денно – всею ночью
Сказкой бредила золотой.*

*Все читала бы, все глядела бы
Фильмы ихние про любовь.
Танцы б ставила, песни пела бы,
Душу грела бы на любой.*

Тут морозами, тут метелицей,
Тут за окнами ночь темна,
А ей в Индию эту верится,
Все ей Индия, как из сна.

А соседи все знали – видели,
Все долдонили про отца.
По отцу называли «Индией»
Дочку, темненькую с лица.

Уж учительшей – тоже темочка! –
Она в школе урок вела,
И вопрос один одна девочка
Ей про Индию задала.

«Не была», – она так ответила,
Не была она выездной.
Это ночь ее, злая, метила
Тенью Индии под Луной.

Все ж уехала чудо-женщина
В свою Индию по весне.
А вернулась, как птица вещая,
Рыбка билася на блесне.

Что намечено, все исполнено,
Как и в жизни-то не жила.
Через год она, – гром и молния! –
Дочку тёмненькую родила.

15 января 1995 г.

ПЯТИЛИСТНИК ПЕРВЫЙ. «ЗОЛОТАЯ ОРДА»

САРМАТЫ

*Сарматы кочевали по степи –
Сыны ветров, нечесаны, лохматы.
Гоняли дроф, копытили бурьян,
Пасли коней, – на то они сарматы.*

*Сидели вечерами у костра,
Огонь им красил бронзовые лица.
И мысль была упруга и густа,
Как молоко в жеребой кобылице.*

*Там – за степями – холод, злоба, тьма.
Все плохо, что сармату непонятно.
А где-то уже строили дома,
Трубу вели на солнечные пятна.*

*А где-то возвеличивали трон,
Кого-то фараонами венчали.
И подданные, тужась, испокон,
Златые троны спинами качали.*

*А тут шумел, тревожил синий лес.
В нем, топком, племя русских и бесстрашных.
Не боги, не сошедшие с небес,
Но верят в солнце, пашут свои пашни.*

*Как кричат, красен, краток, как скакун.
Такого близко видеть лучше мертвым.
Сидит сармат – нетесанный валун,
Седой курган, задумчивый и гордый,*

*Весь свой ковыльный озирая путь.
Горел костер. Варились жеребятя.
Сармат ладони жирные о грудь
Отер, вздохнул – на то они сарматы.*

*Дрожала степь от криков и телег.
Жила, жестоким полымем объята.
Ему свое казалось лучше всех,
И только пыль осталась от сармата.*

*И лишь курган. В кургане грозный трон,
Охранное оружие из стали.
И, мертвый, правит мумиями он,
Пока живые прах не раскопали.*

*Потом в себя уставясь, как в коран,
Вновь над курганом возведут курган.
И, хоть отковылились ковыли,
Сарматами все тянет из земли.
В тени кровь кипучую тревожат,
То бросят вскачь, то тут же и стреножат.*

ЗОЛОТАЯ ОРДА

*Среди степных могучих ковылей,
На переломе Азии – Европы,
Орда летела, разогнав коней,
Вперед под звезд многоязыкий шепот!*

*Сметала страны на своем пути,
Как саранча, дотла сжирала травы.
О, Золотая! Возблаговести,
С чего так рамена твои кровавы?*

*Их бег – от Солнца, солнечный поток.
Пучок, частицы синхрофазотрона.
Они слетели с неба, видит Бог, –
Энергией заряженные кони.*

*И гул степи, и гривы на ветру,
Тумены из родного Керкелена.
В хвостах репы, и пики на лету,
Над конской массой терпкий запах тлена.*

*Их, вислобоких, страсть одна гнала:
Пограбиться, поесть-попить на славу!
Не разлететься б вдребезги, алла!
И, закусив стальные удила,
Пронзали за державою державу.*

*Это потом придут концлагеря
За проволокой дьявольской колючей.
Ну, а пока за синие моря,
За солнцем вслед катились тьмы и тучи.*

*Смешал в одно неписанный закон –
Священные рунические «Яссы».
А отступи – на пень тебя, на кол!
И пусть ветра перебирают власы.*

*А то в дугу до пят тебя с затылка,
Пока хребтина, оступать, не хрястнет.
Иль степью, растреноженной и пылкой,
Мчат на аркане, кровью травы красят.*

*Вот так и правят в Золотой Орде!
Зато тумен к великой цели скачет.
Твое – что тут, при тороке, в узде,
А там – что ты сумеешь, что захватишь.*

*Все на подножном кормится корму,
Все на чужой рассчитывают город.
Вечерним странам страшно посему,
Когда мечом мир пополам расколот.*

*Вот этот знак – паук четырехпалый,
Вытягиваясь в таинства и числа,
Вздымает меч на мирные орала,
На ярь таланта, прорезь остромысла.*

*Так мистикой иранских изначал
Персидский маг – вампирище зловещий
В арийский знак кровь и перекачал,
Вот эта кровь на раменах и плещет.*

*Урусы, русы! Вот они, стоят.
Опять прикрыли западные мраки.
«Конязи» – князи меж собой сопят,
Грызутся, как шакалы, как собаки,*

*Пока никто их не собрал в колчан.
Нет своего у русов Чингизхана.
Но точат русы пики по ночам
И поминают вещего Бояна.*

*Орда – остроконечная звезда,
Упавшая на землю, Золотая! -
Нацелена всегда на города,
Себя через движенье утверждая.*

*И налетали на Москву – пожечь,
Пограбится, Руси дать просто в «рыло».
Чтоб никогда не просыхал их меч,
Чтобы боялась, помнила, платила.*

*...Идут века. Летит вперед орда!
В потоке Солнца, в электронных сбросах.
Все норовит вильнуть на города,
Кроваво расписаться в небосводах.*

*И взгляд вприщур. Скуластое лицо.
То камень – рус. То – серый исчерна.
Кто твоя мать, кто был тебе отцом,
Какие в тебе брезжут пламена?*

*Куда летим по вехам и эпохам,
По континентам – мистике числа,
Кентавры, обрастающие мохом,
Соединенье Бога и Алла?*

*Косясь на перекосяч ночей и дней,
К каким гремим пределам? Я к тому,
По Азии – ход бешеных коней,
А по Европе – шорохи к нему.*

*За ярлыком – откуда и куда?
Тавро кентавра, семь прыжков и мет.
Я узнаю тебя, моя орда,
Ты на коне и через тыщу лет!*

14 января 1993 г.

РУССКИЕ МЫТАРИ

*Россия – сфинкс.
Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы.
А. Блок.*

*Россия – сфинкс, ловчась, лагаем дыры.
И так бездарно катятся века.
То, кажется, зеленые мундиры,
А то голубоватые слегка.*

*То всех в ружье, кавказская вендетта,
Зевс – громовержец, тактик и стратег!
А то такой тихоня под портретом
И перед ним ты – «лишний» человек.*

*Мы – лишние. Мы – выходцы из тьмы.
На нас клеймо, наложенное вето.
Не общество мы, не государство мы,
Чего уж нас туда же, под портреты!*

*Чего нас все по стенкам, на крючки
По всей хребтине Азии – Европы?
А мы-то жить собрались по-людски,
А все не знаем, че нам завтра лопать.*

*Мы – лишние. Мы вроде есть и нет.
Нам в этой жизни не хватает места.
Вот опишу таких в один момент,
И закопают где-нибудь у Бреста.*

*Россия – Русь! Кого топить в вине,
Винить в стихии бедные скрижали?!
Они давно сожгли бы нас в огне,
Когда б мы в той войне не воевали.*

Но, сатаной, чертями окружен,
Не беден дух, не дик во время оно,
Когда добра всего на миллион,
А делят на четыре миллиона.

Россия – сфинкс. Загадочны кумиры.
Всевластна суковатая рука.
Ну, в общем, то зеленые мундиры,
А то голубоватые слегка.

Так и сидим, как сели в те же кресла.
Процесс пошел! Собрался и идет.
По «белым пятнам», – это интересно!
Процесс идет – туда, наоборот.

Вчера – позавчерашнее – сегодня.
Наш юмор без бутылки не понять.
История – бардак, такая сводня,
А проще говоря, – такая мать!

История страны – ее Фемида.
В душе моей рождается протест.
То до Петра – такая панихида,
То уголовный, видите, процесс.

Россия – Русь! Да ведь мороз по коже,
Когда и ныне ходим по коже.
И пятнами, квадратами по роже
Тюремная решетка – макраме.

Мы – мытари, нас по миру мотает.
Не то сказал. Не в ту, понятно, честь.
Святая Русь! Да в том, что ты святая,
Наверное, и наше что-то есть.

*Косьба втихую. Ниже пятку, тверже!
И держак по дурей голове!
Да ведь когда какой наш самодержец
Своею смертью умер на Москве?*

*Россия – сфинкс. Глядим из-под чалмы
Раскосыми и жадными очами.
И все сверкаем, вещи, из тьмы
И точим нож булатными ножами.*

14 января 1992 г.

«СЛОВО О ПОЛКУ...»

*Язычник я, во мне такая вера.
Не та, что лицемерила потом,
А та, что, ярьась, дикая, горела
Во всем славянском облике моем.*

*Я небо пел, я поклонялся травам,
Врагам открыто слал: «Иду на вы!»
Моя единокровная держава
Была по мне дороже головы.*

*Я славил Русь, ее прямые речи,
Свой дух сверял со «Словом о полку...»
Зачем же врать, дни кратки человекьи,
А мы всего видали навеку.*

*А «Слово» в каждом пробуждало силы,
Из нас великий делало народ.
Стоять стеной, выстаивать учило
Под натиском разноплеменных орд.*

*А «Слово» с каждым было откровенно,
Вон князь и тот в час гибельный не врет.
Звезда – полынь, пророчество нетленно,
Она висит и смертью отдает.*

*И вот, века от пыли отряхая,
Себя я числю в родословной той,
В своем полку, пусть, может быть, и с краю,
Но веры очистительной одной.*

ВЯТИЧИ

*Как от молнии вздрогнет, очистится сердце, –
Упадет в людях слово, аж пыль зазвенит
Где-нибудь в электричке, автобусе сельском, –
И всего откровеньем тебя озарит.*

*Языкаст мужчишка, язычник с рожденья.
Непритоптанной речью возвысится вдруг.
Тут жуешь, как с ножа. Тут живешь с его тени.
Он мне Вятко, он вятич, соратник и друг.*

*Оба вятичи мы, оба древнего рода,
С побережий Оки, их языческий грех.
И в обоих хранима кровинка народа,
Что кострица свои сберегал дольше всех.*

*И, когда на коне, очеканенный, мерный,
Киев стольный явился с мечом и крестом,
Он цеплялся, мой край, за обломки той веры,
Что была рождена не на месте пустом.*

*И приходит весна. И играют веснянки.
Вновь по душу живую гремит соловей.
Соловей, соловейко! Сиж у дуплянки,
Под могучую песнь поджидаю людей.*

*Я иду с ними в ногу по вещей дороге,
Я глотаю слова из травы, из огня.
Помогите же мне, наши первые боги,
От беспмятства дней оградите меня.*

*Проведите, промерьте широкою степью,
По Руси молодой расстелите платком.
Расстелюсь, обновлюсь этой великолепью
И уйду, и уйду далеко-далеко.*

*Вот с родней и роднюсь, что забыть не сумели
Свое древо, пракорень в заветном краю.
Соловей из лесной, из разбойной артели,
Мой языческий дух, – грянь октаву свою!*

ПЯТИЛИСТНИК ВТОРОЙ. «РУСАЯ ЗВЕЗДА»

КАМЕНЬ В СТЕПИ

*Перестали скакать мы, осели на земли.
Я уж пахарь, пашу я – оседлый пиит.
Отчего же степи этой бронзовой внемлю?
Слышу гул отдаленный копыт,
Дух Велесов, как эхо, кровит.*

*Мы – Велесовы внуки. Степи древние пашем.
И пчелу приручаем, и лапти плетем.
А в крови, а в крови, а на волосе нашем –
Путь степной, путь астральный метем,
Млечный путь с золотым табуном.*

*По тропе по Трояновой бродим и бредим,
На тропе на Трояновой много дорог.
Сколько звезд, сколько грез, столько тайны на
небе
Ископытило варварство ног,
И у каждого варвара – Бог.*

*Я такой же, как все соплеменники – россы.
Я – свой камень у них, под ногой у коня.
Отлечу от копыт, упаду под откосы –
Слышу шорохи трав, вижу пляску огня,
Это все – от меня, от меня!*

*Камнем рухнул с небес ли,
В земле, что ли, вызрел, –
Ты меня в человека поднял и возвысил,
Подними и возвысь мою родину – Русь! –
На звезде я лежу и молжось.*

ЖЕРТВЕННИК

*Еще догорает Иванов костер.
И жертвенник дымен. И глухо.
А сон надо мной уж себя распростер,
Сморила меня медовуха,
Отраву вливают мне в ухо.*

*Склонилась слепая змея – волхова,
Дыханьем щеку обжигает.
– Послушай, старуха! Ведь ты не права.
– Ага! Это зелье меня доконает.
Что было давно – отравляет.*

*Картины цветные проходят во мне,
Слетев с августовского неба.
Планету выводят на белом коне...
Горбушка надломлена хлеба...
Такие бы почести мне бы.*

*Но с гиканьем скачут. На пике – пурпур,
В пурпурах – орел или решка?
Арал или Каспий во мраке фигур,
Орел перед мороком – пешка,
На холмике с числами – вешка.*

*То холмик зеленый. Мерцают века.
Глаза полужгут полусумрак.
Сует меня в жертвенник чья-то рука,
И лик надо мною весь в сурьмах.
Кострами по страху... Чур-чур мне!..*

ЗАКОН ТАБУНА

*Под лапой еловой в дурмане сижу,
Пью влагу из родника.
Пространство – горласто. Как горло – к ножу...
Ох, степь! Как же ты широка!
Как режут мне очи века!*

*Я – в лаве табунной уже не скачу,
Я – в тминной прохладе шатра.
Я вроде, как хан, чуть над лавой лечу,
Орел – потерял два пера,
И ветер звенит с топора.*

*Вдруг вздыбились кони – то бунт в табуне!
Рассыпалась конная лава.
И в ноги бросают зачинщика мне:
– Где честь твоя, воин, и слава?
Чей глаз в тебя смотрит лукаво?*

*Смеется кудесник: – Мы все от звезды.
А я так осколок с шестой...
С личины шестой... мне чернели дрозды
Шесть раз на земле, ты – с седьмой
Юдоли великой земной.*

*– Срубить эту гриву!..
Рубили, срубали.
Аж степь почернела – беда!
И звезды блистали в табунном кристалле,
И алая кровь истекала по стали
И сохла на крыльях орла.*

РУСАЯ ЗВЕЗДА (монолог хана)

А если ты не от звезды,
То почему тогда
Черны вокруг тебя следы,
И только борода
Такая русая всегда?
При этой русой бороде
Да синие глаза.
Где видел я такие, где?
На небе лишь одна звезда
Такая синяя всегда.

Такие синие ее
Доходят к нам лучи.
Вот и сказали мы свое!
Вот и гремят мечи,
Коль не хватает дня, – в ночи!

Одни ушли от Крыма ввысь
До северных широт.
А мы на «кембрии» сошлись,
И вот на берегу, вот
Остановили род.

Горит звезда над головой,
Высокая звезда.
И отливает синевой.
И Водолей за ней сюда –
Глядит на наши города!

ЛОСЬ У РОДНИКА

*Но хану некому ответить,
Уж воин спит, над ним курган.
Вот и читаю на монете
Цепочку слов: «О, караван!
Тебе небесный жребий дан!..»*

*...Велесовы внуки! Велес со степей
Явился в леса к Перуну.
Мне в волосы степь закатала репей.
Я вою, как пес, на луну.*

*Во мне – язычество из мрака,
Язык костровый – из теснин.
Лежу, побитый, как собака,
Среди «эссендуков» и вин.*

*Велесовы внуки проходят во мне
В расчете на мой родничок.
А где-то кривые мыслишки одне:
«– Ну как ты живешь, старичок?»
«– А все хорошо...» Остальное – молчок.*

*Во мне язычество опять
Сегодня прорвалось.
Вот за язык, такую мать,
И терпит наша бось!*

...Лежу у родника, как лось.

ПЯТИЛИСТНИК ТРЕТИЙ.
«БЕРЕНДЕЕВ КОЛОДЕЦ»

БАРМЫ НА ПЛУГУ

*Орда прихлынет дерзко, как пурга.
Пограбится, потешится, попьется
И снова в бой, в сражения, в бега,
Покамест на Козельск свой не наткнется.*

*Куда летит расхристанная стая,
Глаза на Керкелен обортя?
Что Русь ей? Кнут над вервием крутя,
От имени ее уж выступая.*

*Она – не мы! Да и не та орда,
Что нас сметала на пути тогда.
Она уж горка ветхого металла:*

*Мечи, доспехи бармами на плуг...
А все хрипит, а все б еще кусала
Из-под своих заржавленных кольчуг!*

БЕРЕНДЕЕВ КОЛОДЕЦ

*Я в колодец глухой загляну
Среди белого – белого дня.
Там во всю темноту – глубину
Небо в звездах горит для меня.*

*Это души на дне, Берендей!
Я смотрюсь в сочетания звезд.
Крикнул – тут же отозвалось:
Мой двойник – голос прожитых дней.*

*Трубный глас моих будущих дней –
Надо мною и там же, на дне.
Между ними, в трех точках трубя,*

*Мой колодец, скажи мне о том,
Кто я был, кем я был до тебя?
Кем я буду, что будет потом?*

ЯРИЛО – СОЛНЦЕ

*Ярилова роща. Ярилово поле.
Ярилова Древняя Рось.
Весне нет предела, а Солнцу тем боле,
Гуляет вселенская бось!*

*Колпак в колокольцах, в руке погремушка,
Веселие пить на Руси.
Гуляет старушка, уж полная кружка,
Все пьют – питье в небеси.*

*Все пьют – питье с небеси.
Какое ж оно, урожденное, прелесть,
Гульбище с гульбой правит бал.*

*Проходит Ярило, проносит Ярило
Мужское свое огневое мерило, –
Веселия жаждет Ваал!*

ХЛЕБНАЯ «БОРОДА»

Поклон на три стороны белому свету.
Мне надо на Север, где солнца уж нету.
Откуда и дуют холодные ветры,
Сгибая дожинок последние метры.

Качается шорох несжатого хлеба –
«Волотка на бородку», молящая небо.
«Волотка» – волокна, «бородка» – Велесова.
Соломка в горсти – это чучело бесово.

«Бородка несжатая!» Жниво по ржи!
Отдай свое тело на молотило,
Отдай свою силу, чтоб нас молодило,

Отдай свои годы на жизнь.
«Волотка» откуда? «Бородка» куда?
Где ширится Русь, борода.

В СТЕПИ

Подсолнух клевали небесные пташки:
В макушку, в макушку его!
Князь Игорь о Ладе гадал по ромашке,
Ведь князь, нагадала всего.

Бобровые реки, медовые реки,
Младенчество древних племен.
Родная, ковыльная степь в человеке
Еще с дотатарских времен.

Легенда к легенде, ромашка к ромашке
Медами текут по устам.
Подальше от князя, веселые пташки,
Поближе, проказницы, к нам!

ТРИЗНА

*Праздники всех святых,
Входят, усопшие, в храм.
Тут мы – всего лишь миг,
Все остальное – там.*

*Тени родительской сени –
Хлеб преломлен на гробе.
Бродят неясные тени,
Всех на кулачках гробят.*

*Это в честь мертвых тризна,
Знака живого признак,
Если упьешься до смерти.*

*После упьешься на тризне.
Есть тебе – с мертвыми досыта,
Пить – до скончания жизни.*

*Все остальное прожито
При поклоненьи Отчизне.*

ПЯТИЛИСТНИК ЧЕТВЕРТЫЙ. «ЛЮБАВА» ТРЕХСЛОЙНЫЙ ПИРОГ.

*Мы живем как бы в трех точках сразу:
Прошлое – сегодняшнее – впредь.
Минуло – уж не подвергнуть сглазу,
Будет – хоть глазком бы углядеть.*

*Но в трехслойном пироге капризном
Тайные неведомы круги.
Лунь седая тешится на тризне,
Ржу сметая с кованой серьги.*

*Боль земная, по какую точку
Ты откусишь этот свой пирог?
Свадьба только, а уж сына, дочку
Заказал своей невесте Бог.*

ЛЮБАВА

*Свадьба, свадьба! Сидят молодые –
Осыпают их хмелем душистым,
Освещают плечи и выи -
Свечи брачные, свечи неистовы.*

*«Ладо, Ладо!» – вступают гости –
Буйны туры, Лели желанны.
«Ладо, Ладо!» – швыряют кости,
Караваи да гривны в осень,
Да по скатерти самобраной.*

*С головой покрыта Любава,
Как царевна сидит – восседает.
«Горько, горько!» – целуются справа,
Слева сердце ее пылает.*

«Лель мой, Лель мой!» – дружка над ней,
Улетела лебедушкой в стаю.
«Ладо, Ладо!» – одно и смей,
Гости словно ее отпевают.

А дружка плечо задевает,
А дружка ждет ответного знака.
За околицей тройка в роще.
Не до вечера ей, не до мрака,
Уж в вине ей косу полощут.

«Ладо, Ладо!» – уж стелют солому,
Двадцать первый сноп в брачных покоех.
По куннице углы – по излому.
Справа гладит плечо рукою
Соболь черный, как с перепую.

«Лель мой, Лель мой!» – дружка ей слева:
«Ну чего ты!» – и знак рукою.
«Ладо, Ладо!» – сыч с перепева.
«Лель мой, Лель!» – сойка ей с перебою.

Сторож рядом с ней, обеспокоен,
Сторож этот дружком назначен.
И Любава идет в покои.
«Ладо, Ладо!» – А ладо мрачен.
Уж любовник по полю скачет
С перебитой своей рукою.

ПЛЕТОЧКА

*Шуточки, шуточки... Моются в баньке.
Спят на снопах, а сидят на мехах.
Шуточки, шуточки... Знают по пьянке –
Первая ночь у него в сапогах.*

*Встал перед нею – перед Любовой:
Мужа отныне должна уважать.
С левой ноги разувать или с правой?
В левой – монета... За правую – хватать...*

*Тут и припрятана плеточка – плетка.
Вынул, коснулся слегка:
– Это наука! Видала, молодка:
Это тебе за дружка!*

БРАЧНАЯ ПТИЦА

*Прямо в постель молодым, в их дом,
Курицу жареную несут.
Муж раздирает ее с трудом:
«Все. Отлеталась тут».*

*И подавали к столу – на присест
Жареных лебедей.
Вот новобрачный глазами и ест
Всяких вокруг б...й.*

*Брачная птица. Мрачная птица.
Белая – белая, снег.
Пух с лебедей новобрачному снится,
Жарить которых – грех.*

ПРОСЛАВЛЕНИЕ НЕВЕСТЫ

Утром бегут к молодым – любопытно,
Обагрена ли постель?
Сплетни в открытую, сплетни ли скрытно.
«Лель мой, любимый мой Лель!»
Обагрена ли постель?

Тут же и чествуют мать Любавы
Дыркой в стакане, в стакане – дыра.
Палец убрали и – дно дыряво,
Хмель пролился, и – ура!
Рады все, как детвора.

Вытек напиток – худая невеста!
Что тебе до того?
Курицу жарили, дежили тесто.
Дежили – дожила до чего
Дочка у мамы, отца своего!

Плачет Любава, мутится разум.
Стены сдвигаются с мест...
Петр запретил специальным указом
Это «вскрыванье невест».
Злому обычаю – крест!

* * *

«Ладо, Ладо!» – высится Любава.
«Лель мой, Лель мой!» – низится трава.
И идет о русской вере слава,
И на этом держится держава,
Подбирая редкие слова.

ПЯТИЛИСТНИК ПЯТЫЙ. «ВОЛХОВАНИЕ»

РУСАЛЬНАЯ НЕДЕЛЯ

*А волосы до пят, а волосы до пят
Расчесывают бедные русалки.
А косы из колодезя торчат,
купаются в воде, Луна на палке.*

*И что тут ночь, а что в ночи от Бога?
В чем, собственно, величие его?
И он обрезал взглядом – мать Облога
И отщипнул от прежнего всего.*

*И вот она не женщина – русалка.
На страже лунно – серебристых вод.
Что предсказанье мне твое, гадалка?
Что линия твоя наоборот?*

*Зеленая, в ржаной своей постели –
Она лежит у русла, дона дней.
Текут, текут русальные недели,
Не сходят чары с женщины моей.*

*Я ею, бесноватой, очарован,
Однако чары сгубят и меня.
Вон лист в колодезь опускают клены –
Озолотить там звезды среди дня.*

ЛЕШИЙ И ДОМОВОЙ

*Дом построил артист Лановой!
Возле самого леса, в поселке.
Пробегаёт чужак – Домовой
Да за шиворот сыплет иголки.*

*Леший высунулся из леса,
Захотелось на это взглянуть.
Походил, походил с интересом –
Вдруг заноза под пятку – жуть!*

*Заругался, заплакал Леший,
Домовой же давай хохотать:
– Не ходи перед окнами пеший!
Не топчись босиком, твою мать...*

*И стоял дух лесной с ухмылкой,
Век отчитывал Домовой!
А на камень уж ставил бутылку –
Мировую! артист Лановой.*

ЧАРЫ

*В зазеркалье загляну слегка –
К домовым, кикиморам и лешим.
От живых – к давно уже умершим,
Через нас – в грядущие века.*

*Вот старуха – бабушка Яга
Пошептала в теплую ладонь:
«Коротка-то линия, ага!
О подкову засечется конь...»*

*Зуб упал старухин и разбился,
Вспыхнули осколки у костра.
Хвост тумана звездами клубился,
Втягивала «черная дыра».*

*Предсказанья ввинчивались, грызли:
«Все немного лошади мы, да!»
Из фонтана разлетались брызги,
Излагалась – подлая вода.*

*И плывет опять лицо старухи,
В зазеркалье и мое лицо.
Ползают серебряные мухи,
Попивают чешское пиво.*

*И от чар идет очарованье,
Шпорами гусарскими звеня.
И Яга, вдруг получив заданье,
Без седла садится на коня.*

ПОЯС БОГОРОДИЦЫ

*И мне интересно доселе,
А было ведь невдомек.
Все реки России –
На Юг и на Север,
И только Ока поперек.*

*Вот бухну по пню кулаком!
И, думаю, не ошибусь:
Как бы из веков,
Подпоясана Русь
Глазастым таким кушаком!*

*В высокие веды глядели отцы –
В Путь Млечный, с парным молоком.
И вот подпоясали Русь молодцы
Небесным таким кушаком.*

РИТМЫ МОЕГО СЕРДЦА

*Я лечу в Берендеев колодец,
А на дне его вижу свечу.
И в бадье, на канате навроде,
Я лечу, я лечу, я лечу,
Я до Солнца добраться хочу!*

*Опустился до дна, огляделся,
А светло уж вверху, я молчу.
И опять скрежещу, как по рельсам,
Я лечу, я лечу, я лечу,
Я до Солнца добраться хочу!..*

*Так всю жизнь мою (что там осталось)
Вверх и вниз подлетает бадья.
Я боюсь только самую малость:
Не сорвался б канат, как и я,
Когда к Солнцу летает бадья.*

Содержание

Этот совершенно фантастический Пушкин	4
Золотая россыпь (вместо предисловия)	8
МЯТЛЕВ ИВАН ПЕТРОВИЧ	
Розы	18
ПУШКИН АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ	
К***	19
«Погасло дневное светило...»	20
Сожженное письмо	20
БАРАТЫНСКИЙ ЕВГЕНИЙ АБРАМОВИЧ	
Разлука	21
Разуверение	21
ТЮТЧЕВ ФЁДОР ИВАНОВИЧ	
К.Б.	22
Слезы людские, слезы людские	23
«Есть в осени первоначальной...»	23
ЛЕРМОНТОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ	
Отчего	24
Парус	24
К***	25
ТОЛСТОЙ АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ	
«Средь шумного бала, случайно...»	27
«Острою секирой ранена береза...»	27
ТУРГЕНЕВ ИВАН СЕРГЕЕВИЧ	
В дороге	28
ПОЛОНСКИЙ ЯКОВ ПЕТРОВИЧ	
Песня цыганки	29
«Зной – и все в оमितельном покое...»	30
ФЕТ АФАНАСИЙ АФАНАСЬЕВИЧ	
«Свеж и душист твой роскошный венок...»	31
«На заре ты ее не буди...»	31
«Я тебе ничего не скажу...»	32
НЕКРАСОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ	
Зеленый шум	33
АПУХТИН АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ	
Пара гнедых	34
«День ли царит, тишина ли ночная...»	35
«Ночи безумные, ночи бессонные...»	36

АННЕНСКИЙ ИННОКЕНТИЙ ФЕДОРОВИЧ	
«Падает снег...»	37
Тринадцать строк	38
«Если больше не плачешь, то слёзы сотри...»	38
НАДСОН СЕМЕН ЯКОВЛЕВИЧ	
«В тот тихий час, когда неслышными шагами...»	39
«Верь в великую силу любви!...»	39
СОЛОГУБ ФЕДОР КОНСТАНТИНОВИЧ	
Триолет	39
ИВАНОВ ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ	
Вечерное коло	41
БАЛЬМОНТ КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ	
«Я мечтою ловил уходящие тени...»	42
«Я – изысканность русской медлительной речи...»	44
ГИПШИУС ЗИНАИДА НИКОЛАЕВНА	
Рождение	45
В черту	45
Лебедь – одна	46
МИРРА ЛИХВИЦКАЯ	
Песнь любви	48
Умей страдать	48
БУНИН ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ	
Одиночество	49
«Счастлив я, когда ты голубые...»	50
«Звезды ночью весенней нежнее...»	50
БРЮСОВ ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ	
Женщины	51
Встреча	51
Сухие листья	52
КУЗМИН МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ	
«Стеклянное сердце и стеклянная грудь...»	54
«Если б я был древним полководцем...»	54
ВОЛОШИН МАКСИМИЛИАН АЛЕКСАНДРОВИЧ	
Звездный венец	56
БЛОК АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ	
«О доблестях, о подвигах, о славе...»	57
Незнакомка	58
На поле Куликовом	60

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ	
Сестре К.Н. Бугаевой	61
Игры кентавров	62
Родина	63
САША ЧЕРНЫЙ	
Гармония (подражание древним)	64
Ошибка	64
ГОРОДЕЦКИЙ СЕРГЕЙ МИТРОФАНОВИЧ	
Полдень	66
Путница	67
«О тебе, о тебе, о тебе...»	67
ВЛАДИМИР ХЛЕБНИКОВ	
«Когда умирают кони – дышат...»	69
«Я вышел юношей один...»	69
«Народ отчаялся, заплакала душа...»	70
ГУМИЛЕВ НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ	
Жираф	71
«Пять могучих коней мне дарил Люцифер...»	72
Потомки Каина	73
ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН	
Это – футуризм	74
Увертюра	76
Это было у моря	77
АХМАТОВА АННА АНДРЕЕВНА	
Реквием	78
Распятие	79
Эпиграмм	80
РЮРИК ИВНЕВ	
Твои глаза	81
Теплые листья	81
ЦВЕТАЕВА МАРИНА ИВАНОВНА	
«Мне нравится, что Вы больны не мной...»	83
«Кто создан из камня, кто создан из глины...»	84
ЕСЕНИН СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ	
«Не жалею, не зову, не плачу...»	85
«Заметался пожар голубой...»	86
«Видно, так заведено навеки...»	87
А. АРГО	
Кабацкая	88

Мой портрет	89
ЗАБОЛОЦКИЙ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ	
Портрет	90
Вечер на Оке	91
Одинокий дуб	92
ФЕДОРОВ ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ	
С тобой, Россия	93
«Мы спросили...»	93
СОКОЛОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ	
«Спасибо, музыка, за то...»	94
«Мне не может никто и не должен помочь...»	94
«Ещё недавно нам вдвоем...»	95
ГОРБОВСКИЙ ГЛЕБ ЯКОВЛЕВИЧ	
«Они проходят в наших судьбах...»	96
Далекое	96
«На двух лучах передвигаясь...»	97
ЗОЛОТАРЕВ ЛЕОНАРД МИХАЙЛОВИЧ	
Тайная вечеря	98
«Я – от рожденья Леонард...»	98
Золотистая роза	99
Н. Северянину	100
КОСТРОВ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ	
«Лунное пенье трубы полковой...»	101
Л. Васильевой	102
«В керосиновой лампе – клочок огня...»	103
РУБЦОВ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ	
Видения на холме	104
Хлеб	105
«Стукну по карману – не звенит...»	106
МАТВЕЕВА НОВЕЛЛА	
Музыка	107
ЗОЛОТАРЕВ ЛЕОНАРД МИХАЙЛОВИЧ	
БЕРЕНДЕЕВ КОЛОДЕЦ. МОИ ПЯТИЛИСТНИКИ.	
(лирический эпос)	108
Пятилистник нулевой. «Ясень»	108
Ясень	109
Бог Сварог	110
Исходы	111

Стихи про Индию (баллада)	111
Пятилистник первый. «Золотая орда»	113
Сарматы	113
Золотая орда	114
Русские мытари	118
«Слово о полку...»	120
Вятичи	121
Пятилистник второй. «Русская звезда».	123
Камень в степи	123
Жертвенник	124
Закон табуна	125
Русская звезда (монолог хана)	126
Лось у родника	127
Пятилистник третий. «Берендеев колодец»	128
Бармы на плугу	128
Берендеев колодец	128
Ярило – солнце	129
Хлебная «борода»	130
В степи	130
Тризна	131
Пятилистник четвертый. «Любава»	132
Трехслойный пирог	132
Любава	132
Плеточка	134
Брачная птица	134
Прославление невесты	135
««Ладо, Ладо!» – высится Любава...»	135
Пятилистник пятый. «Волхование»	136
Русальная неделя	136
Леший и домовый	137
Чары	137
Пояс Богородицы	138
Ритмы моего сердца	139

**Леонард ЗОЛОТАРЕВ
Игорь ЗОЛОТАРЕВ**

**ОРЛОВСКАЯ ЛИРА
(Звезды Орла)**

Орел, 2008

Л.М. Золотарев, И.Л. Золотарев. Орловская лира (Звезды Орла). – Орел: Издатель Александр Воробьев. 2008 – 172 с.

Золотарев Л.М. – составитель сборника и автор стихов в «Орловской лире», цикла стихов «Невидимый пан».

Золотарев И.Л. – составитель сборника, автор предисловия, статей о поэтах.

В сборник «Орловская лира (Звезды Орла)» вошли лучшие стихотворения поэтов-орловцев, начиная с классиков (А.А. Фет, Ф.И. Тютчев, И.С. Тургенев, И.А. Бунин) до авторов – наших современников. Сюда же включен цикл лирических стихов Леонарда Золотарева «Мой невидимый пан».

В сборнике представлены литературоведческие статьи Игоря Золотарева, в том числе даются краткие сведения о лучших поэтах-орловцах.

Книга предназначена как преподавателям общеобразовательных школ, гуманитарных вузов, так и для широкого читателя, особенно для молодежи.

© Золотарев Л.М., 2008

© Золотарев И.Л., 2008

© Воробьев А.В., 2008

Это малая антология орловской поэзии – первый опыт такого собрания. Букет лирики, прекрасных имен от поэтов – классиков Фета, Тютчева, Бунина, Апухтина до наших современников. Кого узы творчества связали с Орловским литературным краем в прежних пределах, кто и ныне носит многообязывающее звание ПОЭТА – ОРЛОВЦА.

Тонка, светоносна, улыбчива лирика Леонарда Золотарева, автора переводов с французского – «Антологии французской поэзии», с древнерусского – «Слова о полку Игореве», «Велесовой книги», оригинальных романов в стихах, поэм и стихов, венков сонетов на исторические, библейские, современные сюжеты. Хотя Леонард Золотарев и более известен как прозаик – романист и рассказчик, это изящный, умный, поэтический талант. Своеобразен, ограничен его «самородок» об Орле и Орловщине. Как сказал один из читателей, «самородок» этот – «наш, русский, насквозь орловский».

«Я ВАС ЛЮБЛЮ» (вместо предисловия)

*Но и тогда,
Когда на всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть,
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».*
Сергей Есенин.

Сергей Есенин – мой духовный отец, он позвал меня в поэзию с детства, еще с пятого класса школы. Тогда я не знал, что попал в самую точку – в поэтический космос, ибо Есенин – **Поэт и Мой кровный отец**, оказывается, одногодки. То есть очень близки по духу в мире тайн и светил.

* * *

Сергея Есенина – там, на серединной Оке, всегда интересовало, как оно тут у нас, в истоках – верховье Оки.

* * *

«Я вас любил, меня вы не любили» И.Тургенев.
«Любимая! Меня вы не любили». С.Есенин.

А. Пушкин – наш светоч, наш Бог земной и небесный.
Сергей Есенин – его дух человеческий, русский.
Так я воспринимаю их, обоих поэтов.

От автора.

ПОЭЗИЯ – «ТЕРМОМЕТР ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

1. А.С.Пушкин как первоисточник божественной русской лирики.

В своей лирике поэт применяет фантастику интуитивно в целях исследования и изображения, в сложных ситуациях придавая героям романтическую окрашенность. Д.Д. Благой отмечает, что, «прежде чем Пушкин стал поэтом действительности, он прошел в своем развитии все основные фазы европейской духовной жизни конца XVIII – начала XIX века». Поэт воспитался на почве рационализма XVIII века и, пройдя школу романтизма, понял его недостаточность, ограниченные возможности.

Ирреальный мир в фантастических произведениях Пушкина имеет на судьбы людей роковое влияние, распространяя романтизированную эстетику на все его творчество, в том числе и на поэзию, начиная с первой половины 20-х, как полагает Е.А. Маймин. Местный колорит разрабатывается Пушкиным как реалистический, где субъективное начало подчиняется объективному и не растворяется в нем. В намечающейся «двуплановости» произведений Пушкин показывает не только психику, но и быт. Герои поэта – реальные люди, прототипы его образов, первый план изображения. Пушкинский реализм выводит субъективность человека из объективного мира истории и общества, выделяя реального, психологического человека, внутренний мир которого изображается романтическими художественными средствами.

Конкретный человек у Пушкина наделен конкретными чертами и объяснен в пределах бытийного обстоятельствами. Реально-бытовой план способствует познанию и исследованию иррациональных сил, существующих в инобытийном мире объективно. Такой мир оказывается основой поэта как романтически настроенного героя с его сложной душой. Пушкин сохраняет психологию и индивидуальность, идущую от

романтизма, реалистические принципы конкретности, отказываясь от индивидуализма. Характеризуя реалистический метод Пушкина, Г.А.Гуковский отмечает влияние на поэта романтиков: «Пушкин не отказался от наследия Жуковского даже в 1830-х годах, но использовал его, включив в новую, реалистическую систему».

Пушкин перерабатывает как идеи, так и стиль, сделав стиль романтика В.А. Жуковского элементом своей стилистической системы. «Мир романтика, - по утверждению Е.А.Маймина, – возвышенный, необычный, внебытовой мир». Язык романтического произведения лишен всего обычного, преходящего. Вот что пишут критики о романтиках и их атрибутике. По их мнению, поэт-романтик мыслит категориями. Романтическая эстетика – это эстетика интенсивного и беспредельного. В.В.Воровский замечает: «Поэт-романтик не просто воспринимает в художественных образах окружающий его мир, а воспринимает его в преувеличенных линиях, в сгущенных красках, в потенцированных формах». И Пушкин воспроизводит эстетические образы, особенно в лирике, не так, как воспринял их, а преувеличенно, романтизировано, фантастично.

Демоническая тема входит в творчество поэта, однако становится одной из многих. Демонические мотивы волнуют Пушкина только в определенный период, поэт постепенно преодолевает их. Его гармонический дух реет над демонизмом, иронией, романтической тоской. В фантастических произведениях Пушкина нет разочарования. Его герои побеждают несовершенство мира благодаря высоким свойствам души, божественности ее предназначения. Лирический герой Пушкина глубоко чувствует красоту жизни как высшей формы гармонии бытия, хотя роковые страсти и вносят хаос во внутренний мир героев. При этом Пушкин предоставляет героям понятие грани реального и ирреального. Конечно, судьба их зависит от иррациональных сил, от ирреального мира, но нравственный выбор остается за ними. Они свободны в выборе доб-

ра и зла, ответственны за свои поступки, ощущая на себе постоянное воздействие Абсолюта. Таков гуманистический, светлый божественный пафос лирики Пушкина. Подобные проявления заметны в таких его романтических стихотворениях, как «Демон», «Анчар», «Бесы», «Жених». Большое идейно-художественное обобщение Пушкин вложил в фантастику «Анчара» (1828), а фантастическое «Бесов» (1830) отражает демонический мир, губящий человека.

Сущность романтического стиля – это идея романтически настроенной личности. По мнению того же Г.А.Гуковско-го, романтическая личность – это идея единственно важного, ценного и реального, находимого романтиком только в интроспекции, в индивидуальном самоощущении, «в переживании своей души как целого мира и всего мира». Человек, изображенный с помощью фантастики и романтических художественных средств, свободен в своей внутренней жизни, сам себе и довлеет, он и есть причина всего сущего.

Культ свободной личности – основа романтизма, который видит в человеке душу как орудие духа, воздействия на нее Бога-Творца в мире вещей и природы. Душа человека остается свободной от конкретно-исторических условий. Однако в реалистическом методе Пушкин изображает не субъективную единичную реальность, а объективную действительность. В то же время «двоемирие» в фантастических произведениях поэта выражает внутреннее противоречивое единство и независимость свободных эмоций человека. Субъективность не поглощает весь мир; по мнению В.М.Жирмунского, Пушкин переводит своих героев из демонического в реальный, предметный мир, доминирующий над эмоционально-лирическим миром.

В связи с этим тема фатализма из-за зависимости героев от ирреального мира осложняется еще и проблемой внутренней несвободы. Тема свободы драматизируется романтическими антитезами добра и зла, реальным и ирреальным, жизнью и смертью. Для реалистической фантастики Пушкина

характерны роковое предсказание и роковая гибель. Эти романтические мотивы будут исследоваться Пушкиным как наблюдателем за проявлениями иррациональных сил, существующих как во внутреннем мире его героев, так и в окружающей их среде.

Пушкин решает художественные задачи с помощью реалистических средств, обогащенных таким эффективным романтическим средством, как фантастика. Пушкинские герои пытаются преодолеть несвободу своего сознания; в таком случае интерес поэта проявляется как к человеку, вступающему в поединок с роком, так и в трагической судьбе личности из-за воздействия на нее рокового начала.

Знаменательно, что Пушкин развивает идеи реализма творчески, не отказываясь от романтических завоеваний. Поэт не может забыть свободолюбивых деклараций романтиков, внутренне близких ему, может, поэтому он не желает отказываться от термина «романтизм». Не отказывается он и от самих идей романтизма, поэт дорожит и художественной, и вообще всякой свободой, которой не хватает ему в период романтических увлечений. В то же время Д. Д. Благой отмечает, что «романтическое восприятие жизни и художественно-романтическое ее воспроизведение в это время не исчерпывают всего отношения поэта к действительности».

Однако романтическая эстетика в ее традиционно сложившихся формах уже не удовлетворяет Пушкина, ибо ее субъективность запрограммирована и ограничена, не до конца свободна. Пушкин исследует закономерности развития действительности с помощью фантастики, изображающей человека как игральные роковые страсти. Но и субъективизм романтической фантастики неприемлем для Пушкина.

2. Реалистическая фантастика русского поэта.

Принцип «двоемирия» обуславливает исследование человека под влиянием злых иррациональных сил. Тема смерти не воспринимается поэтом. Обычно поэты-романтики писа-

ли о смерти как об инобытии. Смерть была для них явлением высокого, нетленного мира, служила синонимом абсолютной свободы, представлялась как успокоение, антитеза жизни, ее страданию. Гегель говорит о положительном значении, которое это явление получает в романтическом искусстве: «Смерть лишь непосредственной единичной жизненности есть рождение духа», то есть духовного, инобытийного, ирреального мира.

Пушкин пишет о смерти как о возвышенном явлении, решая тему роковой зависимости человека от ирреального мира как реалист. Реализм в лирике Пушкина – это правда человеческих чувств в их общем значении, свободное проявление субъективности. Романтическое начало в лирике – это проявление субъективности, ощущение себя личностью, воспринимающей инобытийный мир, а не только преодолевающей романтическую субъективность.

По мнению Г.А.Гуковского, кризис субъективизма тождествен кризису романтизма. «Оттого и в самую байроническую свою пору он одновременно мог написать вовсе не байроническую «Гавриилиаду»; это была тоже «<...> политически бунтарская поэма, и в качестве таковой она, естественно, сближалась с поэзией байронического бунтарства, но в ней принципы романтической субъективности явно оказались отставленными».

Процесс развития пушкинского творчества, считает исследователь Гуковский, идет от романтизма к реализму, от субъективного к объективному. В стихотворении «Анчар» поэт разрабатывает принцип «двоемирия», показывая влияние демонических сил, в данном случае, существующих в самом человеке. Выстраивая сюжет, Пушкин опирается не только на национальные традиции, но и на предшествующий мировой опыт. Имеется немало отечественных и зарубежных работ, оценивающих характер этого произведения.

Поэт Катенин изобразил себя в образе сурового русского воина в состязании с греческим певцом, восхвалявшем кня-

зя, тогда как русский певец отказался петь о венценосных особах. Под греком Катенин разумел Пушкина и призывал поэта вернуться к романтическому свободолобию. Как подмечают В.В.Виноградов и Д.Д.Благой, пушкинский «Анчар» явился ответом Катенину, где Пушкин изображает деспотию в образе ядовитого дерева – анчара. В.В.Виноградов обращает внимание на то, что тираническая власть представлена в образе древа жизни, дарованного по милости царя, что являлось распространенным мотивом византийского, восточного искусства. Совсем другим путем, а именно, как художник-реалист, идет Пушкин в разработке этой темы. «Анчар» членится на две части: во-первых, это описание ядовитого дерева, а во-вторых, повествование о гибели посланного к нему за ядом раба.

Однако было бы ошибкой считать в стихотворении аллегорию на манер Катенина, только с противоположным значением. Пушкин создает нужное ему впечатление в лирике не традиционным способом – с помощью аллегории, а с помощью фантастики как более сложного художественного приема. Описывая некое древо и подразумевая под ним демонический мир, поэт берет реально существующее, хотя и необыкновенное, удивительное явление растительного мира. Конкретному описанию этого дерева Пушкин придает большую поэтическую силу, создавая уникальный художественный образ, ужасающий и потрясающий в то же время своим мрачным величием.

Анчар в грозном ореоле как бы царит в своих зловещих качествах и тонах, среди обитателей пустынь и степей «стоит один во всей вселенной». Словосочетание «дерево яда», данное первоначально в заглавии стихотворения, повторяется в четвертой строфе сочетанием «дерево смерти». Дерево, переполненное ядом, отравляет и убивает всех, кто только посмеет приблизиться к нему. «К нему и птица не летит // И тигр нейдет». Фантастическая характеристика «темных» иррациональных сил усиливается фантастической атмосферой. Даже

воздух отравлен вокруг дерева. «<...> лишь вихорь черный//
На древо смерти набезит – //И мчится прочь, уже тлетвор-
ный//».

Эпитет «чахлая» пустыня подчеркивает свой звукописью ядовитый характер дерева. Следует повторение согласных и гласных «га», «нг», «гр», повтор слов «вечеру», «прозрачною смолою», «вихорь черный», «мчится прочь», «туча орошит», «лист дремучий», «песок горячий». В результате возникает музыкальная атмосфера, связанная со звукообразом «Анчара», с его фантастическим колоритом, окрашенным романтически при помощи музыки слов, которая создает особое настроение в предчувствии инобытийного мира. Высокий стиль придает строке торжественность и эпическую величавость.

Фантастическая картина порабощения человека человеком раскрывает глубочайшую аморальность, бесчеловечность отношений абсолютной власти и такого же абсолютного порабощения. Ведь и царь и раб – это люди, какое расстояние ни лежало бы между ними. И они не перестают быть людьми из-за противоестественности отношений. Пушкин далее говорит о героях как о рабе и владыке. Человек – царь посылает хладнокровно другого человека – раба на мучительную смерть именно в силу удовлетворения царем своей агрессивности, властности. С другой стороны, раб покоряется воле тирана, забывая, что он человек.

Фантастика показывает, как иррациональные силы вытесняют во владыке все человеческое, усиливая его жестокость, тиранство, развившееся благодаря безграничной власти. Привычка не встречать сопротивления со стороны раба доводит агрессивные иррациональные силы во владыке до апогея. И он посылает слугу на явную смерть одним только «властным взглядом». Привычка к повиновению сказывается в рабе сильнее, чем инстинкт самосохранения. Раб знает, что он послан на верную гибель, и идет на нее обреченно, не пытаясь этого избежать.

Фантастический характер ситуации подчеркивается тихой, покорной смертью раба. Романтика образа умирающего раба раскрывается в таких деталях, как «пот на бледном челе», «хладные ручьи пота». Простота, спокойствие тона помогают автору глубже проникнуть в психику человека, в инобытийное. Протест против тирана, поработавшего и убивающего ближнего для удовлетворения своего эгоизма и властолюбия, проявляется в стихотворении с необычной яркостью и интенсивностью.

3. Что стоит за стихотворением «В дороге» («Утро туманное») И.С.Тургенева?

По мнению современного отечественного исследователя В.С. Непомнящего, возрастание роли фантастических жанров после А.С.Пушкина в последующей русской литературе объясняется востребованностью временем и пушкинской традицией, которая устанавливается постепенно, занимая свое определенное место в литературном процессе. Мериме ценит оригинальность русского писателя с точки зрения того, что Пушкин в своей фантастике показывает не только мир ирреальный, но и мир реального существования, не только «темные» злые силы, довлеющие свыше, но и противостоящее ему высокое религиозно-нравственное, гармоническое сознание. Протестный романтизм М.Ю. Лермонтова французский писатель рассматривает со стороны возвышенных божественно-нравственных исканий как продолжение пушкинских традиций. Романтический пафос, фантастические средства объективизации русского поэта интересны Мериме как автору «Кармен», «Этрусской вазы», «Джуман», «Локис» и др.

Интерес к пушкинской традиции в русской фантастике приводит Мериме и к Гоголю. Французского писателя привлекает в нем темперамент, духовно-возвышенная, религиозно-романтическая стихия, очищающая низменную бытовую атмосферу, которая порой разрастается до вселенских масштабов, проявляя свою сущность в естественной и типич-

зированной социальной среде. Мериме тонко и глубоко воспринимает внутренний мир, психологию автора, видит в творчестве русского коллеги связь со вселенскими законами, воздействие иррациональной сферы, высших божественных сил.

Однако самые тесные, дружеские и творческие связи устанавливаются у Мериме с Тургеневым в 60-е годы XIX века. В конце концов, это приводит к тому, что Мериме решает перевести тургеневские произведения «Призраки», «Собака», «Жид (Еврей)», «Странная история». Как и в концепции Пушкина, Лермонтова, Гоголя, ирреальные силы в творчестве Тургенева существуют и в самом человеке, внутри его самого, и вовне, во Вселенной. Фантастическое в художественном методе применяются писателем в качестве средства познания и изображения того, что не поддается объяснению рациональным способом.

В сочетании с бытовым планом романтические элементы, в том числе и фантастика, образуют у Тургенева «двоемирие», что является признаком «двупланового», фантастического произведения. Решая проблему идеала и действительности в целях изображения усложнившегося мира своих героев, Тургенев усиливает свои изобразительные возможности с помощью такого выразительного романтического средства, как фантастика, особенно носящая в «студийный», экспериментальный характер. Согласно Р.Н. Поддубной, «студийность» выделяет в фантастике особое качество творческого метода, которое означает исследование непознанных, неоткрытых явлений, объективное существование ирреальных сил, способ их невероятно глубинного, на грани возможного постижения и отображения. Тургенев идет навстречу зарубежной фантастике, в то время как французская фантастика в лице ее представителя П. Мериме повернута лицом к нему.

В фантастических произведениях Тургенева и Мериме романтическая стихия в виде демонической красоты вмешивается в ход событий, в жизнь человека и, в конце концов, губит его. Реалистический метод, несомненно, импонирует

Мериме, использующему романтические средства, в том числе и фантастику, обогащающую реализм романтической стихией: то есть немотивированностью поступков и переживаний героев, нарушением причинно-следственных связей между событиями, появлением призраков, предчувствий. Фантастике Тургенева и Мериме свойственна роль «творящего» сознания, оно расковывает воображение, служит отображению реалий в ярких художественных формах.

Г.Б. Курляндская пишет, что «мистическое» открывалось Тургеневу не только «дионисийской», темной стороной, но также и своей светлой, «аполлоновской» стороной, когда он обращался к религиозно-нравственным переживаниям человека. Тургенева угнетала «пустынность неба», «неразумность» природы, трагизм существования отдельной человеческой личности, индивидуальности, ужас перед тем Ничто, которое и составляет основу мироздания. Эти пессимистические суждения были своеобразным выражением метафизической тоски. В течение всей сознательной творческой жизни Тургенев отдавался неистребимой страсти – потребности в идеале предельного совершенства, т.е. безусловной духовности, пребывающей в природе и вне ее. Что мы и отмечаем в стихотворении И.С.Тургенева «В дороге» (романс Юлии Абазы «Утро туманное»)

А.Н. Иезуитов отмечает взаимопроникновение воображаемого и реального, называя такую тенденцию «философией взаимодействия», когда естественное и сверхъестественное в самом человеке необъяснимы с точки зрения материалистической философии. Они могут быть объяснены только как взаимодействие материального и духовного, когда субъективное начало одухотворяет материальное и одновременно испытывает его воздействие, являясь отображением взаимовлияния духовного и материального в самом человеке. В свою очередь, В.Н. Топоров отмечает другие стороны творческой личности Тургенева, его духовных поисков, в частности, при этом приступы тоски, преследовавшие Тургенева до после-

дних дней его жизни. «Но было и нечто более тревожное, чем тоска, рождавшееся из переживания «космического» и находившее в себе странное соответствие внутри, в сфере подсознания. Нередко оно переходило в страх, и даже ужас, в основе которого как раз и лежало соприкосновение с «космическим», с ночной беспредельностью, угрожающей затопить и растворить в себе все привычное земное, с его какими бы они не были, «опорами» или унести человека в «неизмеримость темных волн». Исследователь утверждает, что за видимым миром Тургеневу открывался иной, ирреальный мир как бесспорная реальность, вызывающая мучительные страдания.

Вот что пишет о «двоемирии» И.В.Карташова: «Для русских романтиков в целом не было характерно восприятие иронии как безграничной свободы духа и «эфира радости». Но была подхвачена ее диалектика, оказавшаяся очень важной и ценной не только для романтической, но и последующей литературы». Таковы идеи, на которых во глубине своей базируется пушкинская да и последующая лирика как XIX, так и начала XX веков, в том числе поэтов-орловцев.

И.Л.Золотарев.
Кандидат филологических наук

ТЮТЧЕВ ФЕДОР ИВАНОВИЧ

(1803 – 1873)

После прочтения Пушкиным стихотворений Тютчева восторг у автора не проходил целую неделю. В 1836 году журнал «Современник» опубликовал шестнадцать тютчевских стихотворений. Писать стихи поэт начал рано. Будучи дипломатом, он живет за границей, переводит Гейне, Шиллера, Уланда, Гете. В то же время пишет и свои собственные, оригинальные стихи.

В творчестве Тютчева находят отражение и политические мотивы, и мотивы повседневных забот. Поэт предчувствует большие социальные перемены, природные катаклизмы. Он пытается угадать, каким путем пойдет Россия. Древнегреческие философы, идеи Шеллинга о растворении человека в природе углубляют Тютчева, однако поэзия его остается поэзией в истинном смысле слова. Мысль, изреченная поэтом, облекается в точную, емкую, совершенную художественную форму.

Вместе с поэтом мы с восхищением наблюдаем, как вкупе с природой пробуждается и человек. Умело передаются тончайшие чувства. Переживания лирического героя возникают как отклик природы, микромир человека. Он как «мыслящий тростник» не только слаб перед мировым космическими потрясениями, перед самой смертью, но и «грезит за природы». Человек стремится понять ее, войти в нее, только космос дает лирическому герою ощущение силы, свободу. Однако сам же человек и вносит разлад в мировую гармонию. Поэт признается природе в любви, подобно древнегреческим мыслителям, чтобы не погибнуть в одиночестве.

Неповторимость человека, его судьбы Тютчеву, пожалуй, ближе, чем даже его универсальность. Можно сказать, мотивы одиночества, бессилия и вместе с тем зависимости от природных стихий (например, от Огня и Воды, которые древнегреческие философы считали первоэлементами) поэт

использовал, чтобы показать человека, способным раздваиваться в роковое для мира время.

В таком случае человек для Тютчева уже не царь земли. Лирический герой тяготеет к высшим сферам, к бездне, к хаосу. Жизнь коротка, познание нуждается в испытании. Поэт выражает сомнение в достоверности опыта. Мотив любви признается как одно из стихийных бедствий. Но мир природы и душа человека у поэта так неразрывны, малейшее явление у природной космической жизни находит свой немедленный отклик. Лирический герой способен бесстрашно заглянуть в космические бездны, как в недра собственной души, чтобы быть не только «мыслящим тростником», по выражению Блэза Паскаля, но и прежде всего человеком, который хочет и может жить не вопреки, а согласно природе, по законам природного космоса. Только такая жизнь – подлинное бытие.

Основные произведения: «Собрание сочинений Ф.И.Тютчева» (1986), «Полное собрание сочинение Ф.И.Тютчева» (1912), «Собрание сочинений Ф.И.Тютчева» (1980).

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить
28 ноября 1866

К.Б.

Я встретил вас – и все бывшее
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое –
И сердцу стало так тепло...

Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас, -

Так, весь обвеян духовеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...

Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас, как бы во сне, -
И вот – слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, -
И то же в нас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..
26 июля 1870

Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой –
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...
Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный, –
Как ночью на небе звезда...

1848

Сей день, я помню, для меня
Был утром жизненного дня:
Стояла молча предо мною,
Вздыхалась грудь ее волною,
Алели щеки, как заря,
Все жарче рдея и горя!
И вдруг, как солнце молодое,
Любви признание золотое
Исторглось из груди ея...
И новый мир увидел я!..

1830

К Н. Н.

Ты любишь! Ты притворствовать умеешь:
Когда в толпе, украдкой от людей,
Моя нога касается твоей,
Ты мне ответ даешь – и не краснеешь!

Все тот же вид рассеянный, бездушный,
Движенье персей, взор, улыбка та ж...
Меж тем твой муж, сей ненавистный страж,
Любуется твоей красой послушной!..

.....

1830

*Не верь, не верь поэту, дева;
Его своим ты не зови –
И пуще пламенного гнева
Страшись поэтовой любви!*

*Его ты сердца не усвоишь
Своей младенческой душой;
Огня палящего не скроешь
Под легкой девственной фатой.*

*Поэт всемогущ, как стихия,
Не властен лишь в себе самом;
Невольно кудри молодые
Он обожжет своим венцом.*

*Вотще поносит или хвалит
Его бессмысленный народ...
Он не змиею сердце жалит,
Но, как пчела, его сосет.*

*Твоей святыни не нарушит
Поэта чистая рука,
Но ненароком жизнь задушит
Иль унесет за облака.*

Начало 1839

*Живым сочувствием привета
С недостижимой высоты,
О, не смущай, молю, поэта!
Не ищущай его мечты!*

Всю жизнь в толпе людей затерян,
Порой доступен их страстям,
Поэт, я знаю, суеверен,
Но редко служит он властям.

Перед кумирами земными
Проходит он, главу склонив,
Или стоит он перед ними
Смущен и гордо-боязлив...

Но если вдруг живое слово
С их уст, сорвавшись, упадет,
И сквозь величия земного
Вся прелесть женщины блеснет,

И человеческим сознанием
Их всемогущей красоты
Вдруг озарятся, как сияньем,
Изящно-дивные черты, —

О, как в нем сердце пламенеет!
Как он восторжен, умилен!
Пускай любить он не умеет —
Боготворить умеет он!

Октябрь? 1840

Молчание

.....
Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль, изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими и молчи.

Лишь жить в себе самом умей –
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, –
Внимай их пенью – и молчи!..
1830

Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой...
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистошимые, неисчислимые, –
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую порою ночной.
Октябрь (?) 1849

Русской женщине

Вдали от солнца и природы,
Вдали от света и искусства,
Вдали от жизни и любви
Мелькнут твои молодые годы,
Живые помертвеют чувства,
Мечты развеются твои...

И жизнь твоя пройдет незрима
В краю безлюдном, безымянном,
На незамеченной земле, —
Как исчезает облак дыма
На небе тусклом и туманном,
В осенней беспредельной мгле...
1848 или 1849

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепости страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

Давно ль, гордясь своей победой,
Ты говорил: она моя...
Год не прошел – спроси и сведай,
Что уцелело от нея?

Куда ланит девались розы,
Улыбка уст и блеск очей?
Все опалили, выжгли слезы
Горячей влагою своей.

Ты помнишь ли, при вашей встрече,
При первой встрече роковой,
Ее волшебны взоры, речи
И смех младенческо-живой?

И что ж теперь? И где ж все это?
И долговечен ли был сон?
Увы, как северное лето,
Был мимолетным гостем он!

Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла!

Жизнь отреченья, жизнь страданья!
В ее душевной глубине
Ей оставались вспоминанья...
Но изменили и оне.

И на земле ей дико стало,
Очарование ушло...
Толпа, нахлынув, в грязь втоптала
То, что в душе ее цвело.

И что ж от долгого мученья,
Как пепл, сберечь ей удалось?
Боль злую, боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слез!

О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепости страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!..

Первая половина 1851

И гроб опущен уж в могилу,
И все столпилось вокруг...
Толкуются, дышат через силу,
Спирает грудь тлетворный дух...

И над могилою раскрытой,
В возглавии, где гроб стоит,
Ученый пастор сановитый
Речь погребальную гласит.

Вещает брэнность человечью,
Грехопаденъе, кровь Христа...
И умною, пристойной речью
Толпа различно занята...

А небо так нетленно-чисто,
Так беспредельно над землей...
И птицы реют голосисто
В воздушной бездне голубой...

1835

Не знаешь, что лестней для мудрости людской:
Иль вавилонский столп немецкого единства,
Или французского бесчинства
Республиканский хитрый строй.

1848

Противникам вина
(Яко и вино веселит сердце человека)

*О, суд людей неправый,
Что пьянствовать грешно!
Велит рассудок здравый
Любить и пить вино.*

*Проклятие и горе
На спорщиков главу!
Я помощь в важном споре
Святую призову.*

*Наш прадед, обольщенный
Женою и змием,
Плод скушал запрещенный
И прогнан поделом.*

*Ну как не согласиться,
Что дед был виноват:
Чем яблоком прельститься,
Имея виноград?*

*Но честь и слава Ною,-
Он вел себя умно,
Рассорился с водою
И взялся за вино.*

Ни ссоры, ни упреку
Не нажил за бокал.
И часто гроздий соку
В него он подливал.

Благие покушенья
Сам бог благословил-
И в знак благоволенья
Завет с ним заключил.

Вдруг с кубком не слюбился
Один из сыновей.
О, изверг! Ной вступился,
И в ад попал злодей.

Так станемте ж запоем
Из набожности пить,
Чтоб в божье вместе с Ноем
Святилище вступить.

Начало 1820-х гг.

Наш век

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.

Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры... но о ней не просит...

Не скажет ввек, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
«Впусти меня! – Я верю, боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..»

10 июня 1851

Вечер

*Как тихо веет над долиной
Далекий колокольный звон,
Как шум от стаи журавлиной, –
И в звучных листьях замер он.*

*Как море вешнее в разливе,
Светлея, не колыхнет день, –
И торопливей, молчаливей
Ложится по долине тень.*

Около 1826

Весенняя гроза

*Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.*

*Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.*

*С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной, и шум нагорный –
Все вторит весело громам.*

*Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.*

1828, начало 1850

Осенний вечер

*Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть!..
Зловещий блеск и пестрота деревьев,
Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветер порою,
Ущерб, изнеможенье — и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья!*

Осень 1830

ТУРГЕНЕВ ИВАН СЕРГЕЕВИЧ

(1818 – 1883)

Тургенев родился в г. Орле. Орловская земля, люди Орловщины питали творчество земляка всю его жизнь. Конечно же, он причислен, так сказать, к «лику святых» как прозаик, он – великий писатель земли Русской. И, может, не каждый знает, что начинал-то он как поэт – автор поэм и стихотворений. Слова одного из них – «В дороге» («Утро туманное»), положенные на музыку Юлией Абазой, и сейчас звучат в душе каждого русского. и не только русского человека.

Обостренное чувство природы, любовь к родине, тонкий лиризм – все это есть у Тургенева. Тургенев – внимательный, вдумчивый наблюдатель, великолепный знаток природы, натуры человеческой. Его стихотворения «Утро туманное», «Гроза промчалась» живописны, импрессионистичны, заставляют дрожать самые потаенные струны души. А эти вот строки «Я вас любил... меня вы не любили» напоминают есенинское «Письмо к женщине».

Легкая грусть, проникновенный лиризм, тургеневская интонация висит, держится в воздухе, просится в самое сердце.

Основные поэтические произведения: стихи, эпиграммы, поэмы «Стено», «Параша», «Помещик», переводы (Тургенев И.С., «Библиотека поэта, Большая серия», «Сов. пис.», 1970).

В дороге

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь обильные страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное далекое,
Слушая ропот колес непрерывный,
Глядя задумчиво в небо широкое.

Ноябрь 1843

Русский

Вы говорили мне – что мы должны расстаться -
Что свет нас осудил – что нет надежды нам;
Что грустно вам – что должен я стараться
Забыть вас, – вечер был; по бледным облакам
Плыл месяц; тонкий пар лежал над спящим садом;
Я слушал вас, и все не понимал:
Под веяньем весны, под вашим светлым взглядом -
Зачем я так страдал?

Я понял вас; вы правы – вы свободны;
Покорный вам, иду – но как идти,
Идти без слов, отдав поклон холодный,
Когда нет мер томлениям души?
Сказать ли, что люблю я вас... не знаю;
Минувшего мне тем не возвратить;
От жизни я любовь не отделяю -
Не мог я не любить.

*Но неужель все кончено – меж нами
Как будто не бывало милых уз!
Как будто не сливались мы сердцами -
И так легко расторгнуть наш союз!
Я вас любил... меня вы не любили -
Нет! Нет! Не говорите да!*

.....

1840

Гроза промчалась

*Гроза промчалась низко над землею...
Я вышел в сад; затихло все кругом –
Вершины лип облиты мягкой мглой,
Обагрены живительным дождем.*

.....

*Как ночь! Большие, золотые
Зажглися звезды... воздух свеж и чист;
стекают с веток капли дождевые,
Как будто тихо плачет каждый лист.*

.....

1844

Весенний вечер

*Гуляют тучи золотые
Над отдыхающей землей;
Поля просторные, немые
Блестят, облитые росой;
Ручей журчит во мгле долины,
Вдали гремит весенний гром,
Ленивый ветер в листьях осины
Трепещет пойманным крылом.*

*Молчит и млеет лес высокий,
Зеленый, темный лес молчит.
Лишь иногда в тени глубокой
Бессонный лист прошелестит.
Звезда дрожит в огнях заката,
Любви прекрасная звезда,
А на душе легко и свято,
Легко, как в детские года.*

1843

ФЕТ АФАНАСИЙ АФАНАСЬЕВИЧ

(1820 – 1892)

Критика причисляет Фета к поэтам-реалистам. Поэту не особенно близки мотивы гибели человека из-за разъединения с природой, мотивы страданий из-за несовершенства мира. Его лирика, скорее, привлекает природой одухотворенной. Она открывает перед человеком свою завесу, и тогда человек в ней ищет себя, находит себя, видит себя. С этого момента человек приобщается к жизни светил, космических сфер.

В своей поэзии Фет разграничивает мир явлений и мир сущностей. Мир явлений для поэта, скорее, прообраз истинного мира. Второй же мир изображается в виде светил, в виде солнца. А первый мир является слепком истинной комической жизни. Фет верит в озарения, в предчувствия, как и в свои поэтические прозрения. Вдохновению Фет отводит едва ли не главное место. Такой «белый экстаз», по мнению романтиков, делает человека свободным. Творческая личность в порыве вдохновения не обременена житейскими, повседневными делами. Любовь дарит ей возможность прозреть в мирской суете.

Истинная поэзия только там, где есть вдохновение, интуиция, творческий экстаз. Однако за творческими прозрениями видится бездна. Как же ее изобразить? Какое найти для этого слово? Поэт мастерски использует психологический анализ состояния человека, переживающего увиденные им картины природы. Фет первым из русских поэтов использовал пленэр как удачное освещение человека в минуту охватившего его настроения.

Человек, искусно освещенный, – это и есть подлинная действительность. Луч солнца, свежий ветер, как и первая радость лирического героя, и есть панорама всей его наполненной жизни. Достичь такого адекватного изображения можно только с помощью новых поэтических средств. Необычные ассоциации придают поэзии Фета ту

новизну, благодаря которой в поэтических строках угадываешь и свою судьбу, и судьбу мира. Отчего человеку и страшно, и радостно. Потому поэзия Фета и зовет человека вперед, навстречу солнцу. И лирический герой живет мгновением, чтобы стать более свободным, смелее и естественнее.

То, что нельзя изобразить цветом, поэт передает с помощью музыки. Музыка вводит человека в мир прозрений, в мир гармонии его и светил. Лирически настроенная личность живет уже не только по человеческим, но еще и по мирозданческим, космическим законам.

При жизни у Фета вышли в свет две его поэтические книги: «Лирический пантеон» (1840) и «Вечерние огни» (1842).

*Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало.*

*Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;*

*Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова,
Что душа все так же счастью
И тебе служить готова;*

*Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что буду
Петь, — но только песня зреет.*

1843

*На заре ты ее не буди,
На заре она сладко так спит;
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит.*

*И подушка ее горяча,
И горяч утомительный сон,
И, чернеясь, бегут на плеча
Косы лентой с обеих сторон.*

*А вчера у окна ввечеру
Долго-долго сидела она
И следила по тучам игру,
Что, скользя, затевала луна.*

*И чем ярче играла луна,
И чем громче свистал соловей,
Все бледней становилась она,
Сердце билось больней и больней.*

*Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит.
Не буди ж ты ее, не буди...
На заре она сладко так спит!*

1842

Сонет (Офелии)

*С тех пор, как бог в тебе осуществил
Передо мной создание поэта,
Не знаю сам, за что я полюбил
Игривое созвучие сонета.*

Не знаю сам, зачем он сердцу мил:
Быть может, звук знакомого привета
Он тех же рифм чередой изобразил -
И ложною мечтой душа согрета.

А может быть, он схож с тобою в том,
Что изо всех стихов его стихом,
Как и тобой, владеть всего труднее,

Иль, наконец, причудливый, как ты,
Смирясь, он для чувства красоты,
Чем затруднял, становится милее.

1842

Свеж и душист твой роскошный венок,
Всех в нем цветов благовония слышны,
Кудри твои так обильны и пышны,
Свеж и душист твой роскошный венок.

Свеж и душист твой роскошный венок,
Ясного взора губительна сила, -
Нет, я не верю, чтоб ты не любила:
Свеж и душист твой роскошный венок.

Свеж и душист твой роскошный венок,
Счастью сердце легко предается:
Мне близ тебя хорошо и поется.
Свеж и душист твой роскошный венок.

1847

Венера Милосская

*И целомудренно и смело,
До чресл сияя наготой,
Цветет божественное тело
Неувядающей красой.*

*Под этой сенью прихотливой
Слегка приподнятых волос
Как много неги горделивой
В небесном лике разлилось!*

*Так, вся дыша пафосской страстью,
Вся млея пеною морской
И всепобедной вея властью,
Ты смотришь в вечность пред собой.*

1856

*Учись у них – у дуба, у березы.
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слезы,
И треснула, сжимаяся, кора.*

*Все злей метель и с каждой минутой
Сердито рвет последние листья,
И за сердце хватает холод лютый;
Они стоят, молчат; молчи и ты!*

*Но верь весне. Ее промчится гений,
Опять теплом и жизнью дыша.
Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.*

31 декабря 1883 года

*Еще одно забывчивое слово,
Еще один случайный полувздых -
И тосковать я сердцем стану снова,
И буду я опять у этих ног.*

*Душа дрожит, готова вспыхнуть чище,
Хотя давно угас весенний день.
И при луне на жизненном кладбище
Страшна и ночь, и собственная тень.*

1884

*Я видел твой млечный, младенческий волос,
Я слышал твой сладко вздыхающий голос -
И первой зари я почувствовал пыл;
Налету весенних порывов подвластный,
Дохнул я струею и чистой и страстной
У пленного ангела с веющих крыл.*

*Я понял те слезы, я понял те муки,
Где слово немеет, где царствуют звуки,
Где слышишь не песню, а душу певца,
Где дух покидает ненужное тело,
Где внемлешь, что радость не знает предела,
Где веришь, что счастьем не будет конца.*

1884

Дух всюду сущий и единый...

Державин

Я потрясен, когда кругом
Гудят леса, грохочет гром
И в блеск огней гляжу я снизу,
Когда, испугом обуян,
На скалы мечет океан
Твою серебряную ризу.

Но просветленный и немой,
Овеян властью неземной,
Стою не в этой миг тяжелый,
А в час, когда, как бы во сне,
Твой светлый ангел шепчет мне
Неизреченные глаголы.

Я загораюсь и горю,
Я порываюсь и парю
В томленьях крайнего усилья
И верю сердцем, что растут
И тотчас в небо унесут
Меня раскинутые крылья.

29 августа 1885

Я тебе ничего не скажу,
И тебя не встревожу ничуть,
И о том, что я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.

Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рощу зайдет,
Раскрываются тихо листы,
И я слышу, как сердце цветет.

*И в больную, усталую грудь
Веет влагой ночной... я дрожу,
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу.*

2 сентября 1885

*Из дебрей туманы несмело
Родное закрыли село;
Но солнышком вешним согрело
И ветром их вдаль разнесло.*

*Знать, долго скитаться наскуча
Над ширью полей и морей,
На родину тянется туча,
Чтоб только поплакать над ней.*

9 июня 1886

*Что за звук в полумраке вечернем? Бог весть, –
То кулик простонал или сыч.
Расставанье в нем есть, и страданье в нем есть,
И далекий неведомый клич.*

*Точно грезы больные бессонных ночей
В этом плачущем звуке слиты, –
И не нужно речей, ни огней, ни очей –
Мне дыхание скажет, где ты.*

10 апреля 1887

*Как трудно повторять живую красоту
Твоих воздушных очертаний;
Где силы у меня схватить их на лету
Средь непрестанных колебаний?*

Когда из-под ресниц пушистых на меня
Блеснут глаза с просветом ласки,
Где кистью трепетной я наберу огня?
Где я возьму небесной краски?

В усердных поисках все кажется: вот-вот
Приемлет тайна лик знакомый, –
Но сердца бедного кончается полет
Одной бессильною истомой.

26 февраля 1888

Погляди мне в глаза хоть на миг,
Не таись, будь душой откровенней:
Чем яснее безумство в твоих,
Тем блаженство мое несомненной.

Не дано мне витийство: не мне
Связных слов преднамеренный лепет!-
А больного безумца вдвойне
Выдают не реченья, а трепет.

Не стыжусь заиканий своих:
Что доступнее, то многоценней.
Погляди ж мне в глаза хоть на миг,
Не таись, будь душой откровенней.

3 апреля 1890

Опавший лист дрожит от нашего движенья,
Но зелени еще свежа над нами тень,
А что-то говорит средь радости сближенья,
Что этот желтый лист – наш следующий день.

Как ненасытны мы и как несправедливы:
Всю радость явную неверный гонит страх!
Еще так ласковы волос твоих извивы!
Какой живет восторг на блекнувших устах!

Идем. Надолго ли еще не разлучаться,
Надолго ли дышать отрадою? Как знать!
Пора за будущность заране не пугаться,
Пора о счастья учиться вспоминать.

15 января 1891

Завтра – я не различаю,
Жизнь – запутанность и сложность!
Но сегодня, умоляю,
Не шепчи про осторожность!

Где владеть собой, коль глазки
Влагой светятся туманной,
В час, когда уводят ласки
В этот круг благоуханный?

Размышлять не время, видно,
Как в ушах и в сердце шумно;
Рассуждать сегодня – стыдно,
А безумствовать – разумно.

25 января 1891

Мы встретились вновь после долгой разлуки,
Очнувшись от тяжелой зимы;
Мы жали друг другу холодные руки
И плакали, плакали мы.

*Но в крепких незримых оковах сумели
Держать нас людские умы;
Как часто в глаза мы друг другу глядели
И плакали, плакали мы!*

*Но вот засветилось над черною тучей
И глянуло солнце из тьмы;
Весна, – мы сидели под ивой плакучей
И плакали, плакали мы!*

30 марта 1891

АПУХТИН АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

(1840 – 1893)

Поэт родом из с. Павлодар, что на Орловщине, именитых, боярских «кровей». Однако его поэзия посвящена человеку, усомнившимся в мудрых заветах общества. Поэт не удовлетворен социальным бытием. Его лирика в какой-то мере выражает растерянность общества накануне грядущих перемен, в поэзии Апухтина отдана дань социальным темам. И все же художественный мир Апухтина – это мир вечных человеческих ценностей, мир видимых и невидимых связей человека со Вселенной. И эта «вторая реальность», это мир, куда и устремлен лирический гений поэта.

Апухтинская поэзия – это поэзия чуткой, тонкой, даже утонченной души. В памяти поэта – и «тихий вечер», и «утренняя заря», и «ласка матери», и «чарующая сказка», и «измены», и «роковые сомнения», и «тусклые дни». Не теряя связи с ликом общества, с миром природы, литературы, Апухтин как творец своего идеального мира предоставляет человеку выбор, куда идти своей дорогой. И часто путник пускается в странствия в полном одиночестве.

Общество, образы мира полны тревог, суеты. Человек же сам по себе – это целая Вселенная, одухотворенная верой в красоту, добро, истину. Человек у поэта постоянно ищет дорогу к своей прародине, к космосу. Вот почему человек, как любил выражаться сам поэт, на «прихотливом», «непокорном» пути, находится в вечных духовных скитаниях – мотив, свойственный романтикам. И у Апухтина полузрима грань между ирреальностью и реальной действительностью. А цель одна – не дать человеку забыть свои идеалы, вечные ценности. Элегическая, вместе с тем терпкая, по-особому ритмизованная, музыкальная строка Апухтина привлекала внимание П.И. Чайковского. На стихи поэта написано много песен, романсов.

Читателю А.Н. Апухтин известен по таким книгам, как «Село Колотовка» (1859), «Деревенские очерки» (1859), «Стихотворения» (1888), «Сочинения» (1895), «Сочинения» (1912), «Стихотворения» (1959), «Поэты 1880-1890-х г.г.» (1964).

День ли царит, тишина ли ночная,
В снах ли тревожных, в житейской борьбе,
Всюду со мной, мою жизнь наполняя,
Дума все та же, одна, роковая, -
Все о тебе!

С нею не страшен мне призрак былого,
Сердце воспрянуло, снова любя...
Вера, мечты, вдохновенное слово,
Все, что в душе дорогого, святого, -
Все от тебя!

Будут ли дни мои ясны, унылы,
Скоро ли сгину я, жизнь загубя, -
Знаю одно: что до самой могилы
Помыслы, чувства, и песни, и силы -
Все для тебя!

1880

Ночи безумные, ночи бессонные,
Речи несвязные, взоры усталые...
Ночи, последним огнем озаренные,
Осени мертвой цветы запоздалые!

Пусть даже время рукой беспощадною
Мне указало, что было в вас ложного,
Все же лечу я к вам памятью жадною,
В прошлом ответа ищу невозможного...

Вкрадчивым шепотом вы заглушаете
Звуки дневные, несносные, шумные...
В тихую ночь вы мой сон отгоняете,
Ночи бессонные, ночи безумные!

1876

Минуты счастья

Не там отрадно счастье веет,
Где шум и царство суеты:
Там сердце скоро холодеет
И блекнут яркие мечты.

Но вечер тихий, образ нежный
И речи долгие в тиши
О всем, что будит ум мятежный
И струны спящие души, -

О, вот они, минуты счастья,
Когда, как зорька в небесах,
Блеснет внезапно луч участия
В чужих внимательных очах,

Когда любви горячей слово
Растет на сердце как напев,
И с языка слететь готово,
И замирает, не слетев...

1865

* * *

О, будь моей звездой, сияй мне тихим светом,
Какая эта чистая, далекая звезда!
На землю темную она глядит с приветом,
Чужда ее страстям, свободна и горда.
И только иногда, услыша в отдаленьи
Любви безумный стон, отчаянный призыв,
Она вздрогнет сама, - и в жалости, в смятеньи
На землю падает, о небе позабыв!

Конец 1860-х годов

Дорожная дума

Позднюю ночью, равниною снежной
Еду я. Тихо. Все в поле молчит...
Глухо звучат по дороге безбрежной
Скрип от полозьев и топот копыт.

Все, что, прощаясь, ты мне говорила,
Снова твержу я в невольной тоске.
Долог мой путь, и дорога уныла...
Что-то в уютном твоём уголке?

Слышен ли смех? Догорают ли свечи?
Так же ль блистает твой взор, как вчера?
Те же ли смелые, юные речи
Будут немолчно звучать до утра?

Кто там с тобой? Ты глядишь ли бесстрастно
Или трепещешь, волнуясь, любя?
Только б тебе полюбить не напрасно,
Только б другие любили тебя!

Только бы кончился день без печали,
Только бы вечер прошел веселей,
Только бы сны золотые летали
Над головою усталой твоей!

Только бы счастье со светлыми днями
Так же гналось по пятам за тобой,
Как наши тени бегут за санями
Снежной равниной порою ночной!
1865 или 1866

О цыганах

Посвящается А. И. Гончарову

1.

Когда в Москве первопрестольной
С тобой сойдемся мы вдвоем,
Уж знаю я, куда невольно
Умчит нас тройка вечерком.

Туда весь день, на прибыль зорки,
Стяжанья жаждою полны,
Толпами лупят с Живодерки
Индейца бедные сыны.

Им чужд их предок безобразный,
И, правду надобно сказать,
На них легла изнанкой грязной
Цивилизации печать.

Им света мало свет наш придал,
Он только шелком их одел;
Корысть – единственный их идол,
И бедность – вечный их удел.

Искусства также там, хоть тресни,
Ты не найдешь – напрасный труд:
Там исказят мотивы песни
И стих поэта переврут.

Но гнаться ль нам за совершенством?
Что нам за дело до того,
Что так назойливо с блаженством
У них рифмует божество?

В них сила есть пустыни знойной
И ширь свободная степей,

*И страсти пламень беспокойный
Порою брызжет из очей.*

*В них есть какой-то, хоть и детский,
Но обольщающий обман...
Вот почему на раут светский
Не променяем мы цыган.*

1873

К поэзии

Посвящается А. В. Панаевой

*В эти дни ожидания тупого,
В эти тяжкие, тусклые дни,
О, явись нам, волшебница, снова
И весною нежданной дохни!*

*От насилий, измен и коварства,
От кровавых раздоров людских
Уноси в свое светлое царство
Ты глашатаев верных своих!*

*Позабудь роковые сомненья
И, бессмертной сияя красой,
Нам последнюю песнь утешенья,
Лучезарную песню пропой!*

*Как напевы чарующей сказки,
Будет песня легка и жива;
Мы услышим в ней матери ласки
И молитвы забытой слова;*

*Нам припомнятся юности годы,
И пиры золотой старины,
И мечты бескорыстной свободы,
И любви задушевные сны.*

*Пой с могучей, неслыханной силой,
Воскреси, воскреси еще раз
Все, что было нам свято и мило,
Все, чем жизнь улыбнулась для нас!*
1881

Твоя слеза

*Твоя слеза катилась за слезой,
Твоя душа сжималась молодая,
Внимая речи лживой и чужой...
И я в тот миг не мог упасть, рыдая,
Перед тобой!*

*Твоя слеза проникла в сердце мне,
И все, что было горького, больного
Запрятано в сердечной глубине,-
Под этою слезою всплыло снова,
Как в страшном сне!*

*Не в первый раз собирается гроза,
И страха перед ней душа не знала!
Теперь дрожу я... Робкие глаза
Глядят куда-то вдаль... куда упала
Твоя слеза!*

1872

Отрывок (Из А. Мюссе)

*Что так усиленно сердце больное
Бьется, и просит, и жаждет покоя?
Чем я взволнован, испуган в ночи?
Стукнула дверь, застонав и заноя,
Гаснущей лампы блеснули лучи...
Боже мой! Дух мне в груди захватило!*

*Кто-то зовет меня, шепчет уныло...
Кто-то вошел... Моя келья пуста,
Нет никого, это полночь пробило...
О, одиночество, о, нищета!*

2 сентября 1856

Прощание с деревней

*Прощай, уют родной, где я с мечтой ленивой
Без горя проводил задумчивые дни.*

*Благодарю за мир, за твой покой счастливый,
За вдохновения твои!*

*Увы, в последний раз в тоскливом упоеньи
Гляжу на этот сад, на дальние леса;*

*Меня отсюда мчит иное назначенье,
И ждут иные небеса.*

*А если, жизнью смят, обманутый мечтами,
К тебе, как блудный сын, я снова возвращусь, -
Кого еще найду меж старыми друзьями*

И так ли с новыми сойдусь?

И ты... что будешь ты, страна моя родная?

Поймет ли твой народ всю тяжесть прежних лет?

И буду ль видеть я, хоть свой закат встречая,

Твой полный счастья рассвет?

26 июня 1858

Мухи

*Мухи, как черные мысли, весь день не дают мне покою:
Жалят, жужжат и кружатся над бедной моей головою!*

Сгонишь одну со щеки, а на глаз уж уселась другая,

Некуда спрятаться, всюду царит ненавистная стая,

Валится книга из рук, разговор упадает, бледнея...

Эх, кабы вечер придвинулся! Эх, кабы ночь поскорее!

Черные мысли, как мухи, всю ночь не дают мне покою:

Жалят, язвят и кружатся над бедной моей головою!
Только прогонишь одну, а уж в сердце впиалась другая,-
Вся вспоминается жизнь, так бесплодно в мечтах прожитая!
Хочешь забыть, разлюбить, а все любишь сильней и
больнее...
Эх! кабы ночь настоящая, вечная ночь поскорее!

1873

К славянофилам

О чем шумите вы, квасные патриоты?
К чему ваш бедный труд и жалкие заботы?
Ведь ваши возгласы России не смутят.
И так ей дорого достался этот клад
Славянских доблестей... И, варварства остаток,
Над нею тяготит татарский отпечаток:
Невежеством, как тьмой, кругом обложена,
Рассвета пышного напрасно ждет она,
И бедные рабы в надежде доли новой
По-прежнему влачат тяжелые оковы...
Вам мало этого, хотите больше вы:
Чтоб снова у ворот ликующей Москвы
Явился белый царь, и грозный, и правдивый,
Могучий властелин, отец чадолюбивый...
А безглагольные любимцы перед ним,
Опричники, неслись по улицам пустым...
Чтоб в Думе поп воссел писать свои решенья,
Чтоб чернокнижием звалось просвещение,
И родины краса, боярин молодой,
Дрался, бесчинствовал, кичился пред женой,
А в тереме царя, пред образом закона
Валяясь и кряхтя, лизал подножье трона.
25 января 1856

Жизнь

*О жизнь! ты миг, но миг прекрасный,
Мне невозвратный, дорогой;
Равно счастливый и несчастный
Расстаться не хотят с тобой.
Ты миг, но данный нам от Бога
Не для того, чтобы роптать
На свой удел, свою дорогу
И дар бесценный проклинять.*

*Но чтобы жизнью наслаждаться,
Но чтобы ею дорожить,
Перед судьбой не преклоняться,
Молиться, верить, любить.*

10 августа 1853

БУНИН ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ

(1870 – 1953)

«Когда я вспоминаю о родине, передо мной прежде всего встает Орел, затем Москва, великий город на Неве, а за ними вся Россия», – писал Бунин.

Крупнейший представитель русского реализма конца XIX – начала XX веков, лауреат Нобелевской премии, почетный академик – Бунин известен читателю более как прозаик – автор таких произведений, как роман «Жизнь Арсеньева», повестей «Деревня», «Суходол», сборника рассказов «Темные аллеи», рассказов «Господин из Сан-Франциско», «Братья» и другие. Однако Бунин является еще и великолепным поэтом, тонким переводчиком («Песнь о Гайавате», драмы Байрона).

Детство мастера прошло на хуторе Бутырки Елецкого уезда Орловской губернии. С перерывами он жил в Орле, где работал в газете «Орловский вестник» и где вышла его первая книга стихов «Стихотворения. 1887 – 1891 г.г.».

Бунинская поэзия глубоко личностна, лирична, даже интимна, любвеобильна, хотя порой и горька, иронична. В то же время она философски содержательна, общечеловечна. Слог поэта строг, чеканен, столь же насыщен, сколь и его прекрасная проза, деталями, точными наблюдениями. Элегическое настроение не дробится от множества жизненных впечатлений. Созерцание помогает лирическому герою слиться с природой, стать ее частью, элементом мировой гармонии.

Как тонкий психолог поэт раскрывает внутренний мир человека через воскрешение в памяти зримого прошлого. Благодаря цвету, запаху, звуку живы приметы из истории жизни человека. Ассоциации связаны с реалиями, напоминающими герою о его времени, месте, побуждениях и поступках. И потому человек в поэзии Бунина так естественен и гармоничен. Хотя мотивы жизни смерти и не дают ни на ми-

нута забыть о том, что все в мире тленно, человеческое счастье хрупко. И все же любовь к людям, природе, земле облагораживает лирического героя, а вечные вопросы нравственности возвышают его до космического совершенства. Однако лауреат Бунин все-таки в прозе.

Основные поэтические книги: «Стихотворения 1886-1917 г.г.» (т.1, 1965 г., «Худ. лит.»), «Стихотворения. Рассказы. Повести» («Худ. лит.», 1973 г.), «Золотой диск». Стихи зарубежных поэтов в переводе Бунина («Прогресс», 1975 г.), «Избранное». Стихотворения. Переводы» («Москов. рабочий», 1977 г.).

*Счастлив я, когда ты голубые
Очи подымаешь на меня:
Светят в них надежды молодые —
Небеса безоблачного дня.*

*Горько мне, когда ты, опуская
Темные ресницы, замолчишь:
Любишь ты, сама того не зная,
И любовь застенчиво таишь.*

*Но всегда, везде и неизменно
Близ тебя светла душа моя...
Милый друг! О, будь благословенна
Красота и молодость твоя!*

1896

Я к ней вошел в полночный час.
Она спала, – луна сияла
В ее окно, – и одеяла
Светился спущенный атлас.

Она лежала на спине,
Нагие раздвоивши груди, -
И тихо, как вода в сосуде,
Стояла жизнь ее во сне.

1898

Звезды ночью весенней нежнее,
Соловьи осторожней поют...
Я люблю эти темные ночи,
Эти звезды, и клены, и пруд.

Ты, как звезды, чиста и прекрасна...
Радость жизни во всем я ловлю -
В звездном небе, в цветах, в ароматах...
Но тебя я нежнее люблю.

Лишь с тобою одною я счастлив,
И тебя не заменит никто:
Ты одна меня знаешь и любишь,
И одна понимаешь – за что!

1898

Келья

День распогодился с закатом.
Сквозь стекла в старый кабинет
Льет солнце золотистый свет;
Широким палевым квадратом
Окно рисует на стене,

*А в нем бессильно, как во сне,
Скользит трепещущим узором
Тень от березы над забором...
Как грустно на закате мне!*

*Зачем ты, солнце, на прощанье,
В своем сиянье золотом,
Вошло в мой одинокий дом?
Он пуст, в нем вечное молчанье!
Я был спокоен за трудом,
Я позабыл твое сиянье:
Зачем же думы о былом
И это грустное веселье
В давно безлюдной, тихой келье?*

1903-1905

Донник

*Брат, в запыленных сапогах,
Швырнул ко мне на подоконник
Цветок, растущий на парах,
Цветок засухи – желтый донник.*

*Я встал от книг и в степь пошел...
Нуда, все поле – золотое,
И отовсюду точки пчел
Плывут в сухом вечернем зное.*

*Толчется сеткой мошкара,
Шафранный свет над полем реет –
И, значит, завтра вновь жара
И вновь сухмень. А хлеб уж зреет.*

*Да, зреет и грозит нуждой,
Быть может, голодом... И все же
Мне этот донник золотой
На миг всего, всего дороже!*

1903-1906

Отошли закаты на далекий север,
Но всю ночь хранится солнца алый след.
Тихо в темном поле, сладко пахнет клевер,
Над землею брезжит слабый полусвет.
Это – ночи робких молодых мечтаний,
Предраассветный сумрак в чутком полусне.
Это – ночи грусти и воспоминаний,
Думы на закате о былой весне.

1901

Сквозь ветви

Осень листья темной краской метит:
Не уйти им от своей судьбы!
Но светло и нежно небо светит
Сквозь нагие черные дубы,
Что-то неземное обещает,
К тишине уводит от забот -
И опять, опять душа прощает
Промелькнувший, обманувший год!

1903-1905

И вот опять уж по зарям
В выси, пустынной и привольной,
Станицы птиц летят к морям,
Чернея цепью треугольной.

Ясна заря, безмолвна степь,
Закат алеет, разгораясь...
И тихо в небе эта цепь
Плывет, размеренно качаясь.

*Какая даль и вышина!
Глядишь — и бездной голубою
Небес осенних глубина
Как будто тает над тобою.*

*И обнимает эта даль, —
Душа отдаться ей готова,
И новых, светлых дум печаль
Освобождает от земного.*

1898

*В лесу, в горе, родник, живой и звонкий,
Над родником старинный голубец
С лубочной почерневшею иконкой,
А в роднике березовый корец.*

*Я не люблю, о Русь, твоей несмелой
Тысячелетней, рабской нищеты.
Но этот крест, но этот ковшик белый...
Смиренные, родимые черты!*

1905

Родине

*Они глумятся над тобою,
Они, о родина, корят
Тебя твоею простотою,
Убогим видом черных хат...*

*Так сын, спокойный и нахальный,
Стыдится матери своей —
Усталой, робкой и печальной
Средь городских его друзей,*

Глядит с улыбкой состраданья
На ту, кто сотни верст брела
И для него, ко дню свиданья,
Последний грошик сберегла.

1891

Мудрым

Герой – как вихрь, срывающий палатки,
Герой врагу безумный дал отпор,
Но сам погиб – сгорел в неравной схватке,
Как искрометный метеор.

А трус – живет. Он тоже месть лелеет,
Он точит меткий дротик, но тайком.
О да, он – мудр! Но сердце в нем чуть тлеет:
Как огонек под кизяком.

1903-1906

Любил он ночи темные в шатре,
Степных кобыл заливчатое ржанье,
И пред битвой волчье завыванье,
И коршунов на сумрачном бугре.

Страсть буйной мощи силясь утолить,
Он за врагом скакал, как исступленный,
Чтоб дерзостью погони опьяненной,
Горячей кровью землю напоить.

Стрелюю скиф насквозь его пробил,
И там, где смерть ему закрыла очи,
Восстал курган – и темный ветер ночи
Дождем холодных слез его кропил.

*Прошли века, но слава древней были
Жила в веках... Нет смерти для того,
Кто любит жизнь, и песни сохранили
Далекое наследие его.*

*Они поют печаль воспоминаний,
Они бессмертье прошлого поют
И жизни, отошедшей в мир преданий,
Свой братский зов и голос подают.*

1901

*На высоте, на снеговой вершине,
Я вырезал стальным клинком сонет.
Проходят дни. Быть может, и доньше
Снега хранят мой одинокий след.
На высоте, где небеса так сини,
Где радостно сияет зимний свет,
Глядело только солнце, как стилет
Чертил мой стих на изумрудной льдине.
И весело мне думать, что поэт
Меня поймет. Пусть никогда в долине
Его толпы не радуется привет!
На высоте, где небеса так сини,
Я вырезал в полдневный час сонет
Лишь для того, кто на вершине.*

1901

Слово

Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.

И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный — речь.

1915

ГОРОДЕЦКИЙ СЕРГЕЙ МИТРОФАНОВИЧ

(1884 – 1967)

Поэт родился и воспитывался в семье, известной культурными традициями. Мать его была знакома с И.С.Тургеневым, увлекалась идеями шестидесятников. Отец был писателем – этнографом, художником – самоучкой. Сам Городецкий начал писать рано. Сказочные хороводы, старинные обряды, детские игры, передаваемые по преданию от поколения к поколению, ложатся в основу первой книги поэта «Ярь», так именовали в язычестве Солнце.

Поэзия Городецкого талантлива и самобытна. Стихотворения, написанные на мотивы древнеславянской мифологии, возрождают естественного человека. Человек в первозданных стихиях открывает для себя красоту. Могущество природы подавляет лирического героя. Солнце, весна, зима, любовные обряды возвращают человека к жизни природы. Они приобщают его к поэтическому космосу, обнаруживают новые, лучшие миры. Один из таких миров – это сам человек. Природные стихии рождают в душе поэта оригинальный, одухотворенный мир. Из средневековых легенд поэт берет языческие обряды, всевозможные заговоры, заклятья, использует народные предания. В своей поэзии он создает карнавальное ощущение. Карнавальные сцены как бы подсказывают лирическому герою разгадку той или иной мистерии.

Опираясь на свой собственный опыт, на опыт народа, лирический герой Городецкого творит иные миры, как подсказывает ему поэтическое воображение. Такими карнавальными представлениями испытывается жизненная правда, особенно у раннего Городецкого. Глубина чувств подсказывает поэту изменения, которые способны произойти во Вселенной, в ее роковых стихиях. В таких поэтических сборниках, как «Ярь», «Перун», художественные образы оригинальны, пластичны. Музыкальность превращает стро-

ку в пьесу, которую слушаешь с большим удовольствием.

Широкая панорама вмещает в себе картины природы, городской пейзаж, раздумья о судьбе народной, поэт верит в неиссякаемость его сил, в его историческую миссию. Особое место в строке отведено самой музыке стиха. Ритм его разнообразен, рисунок строки неожиданен и интересен. Романтическое мироощущение поэт сохраняет до конца своего лучезарного творчества. Хотя в поздней лирике уже нет такого космического простора: спокойнее, уравновешеннее, менее ярко пластика слова.

Основные поэтические сборники: «Ярь» (1910), «Перун» (1907), «Дикая воля» (1908), «Русь» (1910), «Стихотворения и поэмы» (1956), «Стихи» (1964), «Северное сияние» (1968).

Теремок

*Зима твой терем миновала,
И солнце смехом золотым
В окошко белом заиграло,
Дробясь по иглам ледяным.*

*И топит, кадая слезами,
Налеты позабытых вьюг.
И ты с блестящими глазами
Ко мне выходишь, вешний друг.*

*– Весна настанет? – Да, настанет.
– Ты чушь? – Чую. – Знаешь? – Да.
Весна заманит и обманит,
И унесет, завьет... Куда?*

1906

Перун

*Два врага – Луна и Солнце.
Поле битвы – синий свод.
За горою медлит Солнце.
Лунный ворог Солнца ждет.*

*Лес еловый зачарован
Лунной силой, колдовством.
Мир могучий замурован,
Мир могучий волшебством.*

*Во плену лежат поляны,
Во плену и птичий крик.
Душу утренней Смугляны
Душит хвоей Лесовик.*

*Вдруг за лесом, на востоке
Заблестел конец копья,
Заалелся крутобокий
Щит Перунова литья.*

*Вылит, выкован с отливом,
Ярко вызолочен щит.
В ожиданье молчаливом
Бог Перун за ним стоит.*

*И Луна, Перуна – бога.
Увидавши за горой,
Закричала: – Вихрь Стрибога!
Солнцу яму в тучах рой!*

*И на поле боевое
Побледнелая идет.
Пламя реет заревое,
Стрелы острые кует.*

*Вот он, первый крик сраженья,
Первый выстрел рьяных стрел!
Ждет земля освобожденья.
Лесовик оцепенел.*

*И душа молодой Смугляны,
Робких сумерек душа,
Льется в светлые туманы,
Тает, светами дыша.*

*Солнце, Солнце, лик победный
Выше, выше в синий свод!
Лунный ворог, призрак бледный,
За туманы упадет.*

*Лунный ворог побежденный
Еле светится внизу.
Бог Перун на мир смущенный
Мечет светлую грозу.*

*Свод сияет. Засверкала
Там стрела, и там стрела.
В поле синее упала,
В чащу леса залегла.*

*И, хмелясь победным пиром,
За лучом бросая луч,
Бог Перун владеет миром,
Ясен, грозен и могуч.*

1907

Стрибог

Угнал за волны челны,
За тот, за вал девятый,
За тот, за вал проклятый
Валами валит волны.
Волнует кипень солный,
Качает кубок полный
И роет, рвет, как ратай,
Вздымает луг измятый,
Курчавит холм горбатый.
А берег воем стонет.
Разметан женский волос,
Голосит женский голос:
- Недаром высох колос
И солнце жгло – кололось!
Куда Стрибог их гонит?

– Я парус рыжий шила.
Я в лодке дно смолила.
Я рыбака любила.
Я сеть плела.
Я ветки жгла –
Смола текла.
Я плод несла.
Стрибог, Стрибог,
Суровый бог!
Верчу я рог,
Стучу в порог,
Чтоб ты, Стрибог,
Мутить не мог
Морских дорог.

Сорвал Стрибог кору с дубов,
Свернул трубой –
Трубит на жен, бегут гурьбой
С морских песков в глубокий ров.
За ними свист со всех краев,
За ними вой со всех концов,
Поднятый, бог Стрибог, тобой!
– Хо-хо! Мужей бы надо вам!
Хо-хо! Я вам легко их дам! –
И скачет сам по тем волнам,
Где водный страх припал к челнам.
Назад, туда плыви, прилив!
Несись на них, разлей залив
И в ров –хо-хо! – с верхов к пескам
Нахлынь, отдай весь ров валам.
Я жен –хо-хо! – отдам мужьям.

И валит, валит волны,
Расплескан кубок полный,
Качает кипень солный
И топит ров прибоем.
Бегут тела и челны.
И всплыли жены с воем.
Несет их море роем.
Хмелен победным зноем,
Стрибог упился боем
И воет: – Упокоим,
На дне любовь сокроем!
Морское дно покоем!
И женам будь и воям!

1907

Веснянка

*Жутко мне от вешней радости,
От воздушной этой сладости,
И от звона, и от грома
Ледолома
На реке
Сердце бьется налегке.*

*Солнце вешнее улыбчиво,
Сердце девичье узывчиво.
Эта сладкая истома
Незнакома
И страшна,-
Пала на сердце весна!*

*Верба, ягода пушистая,
Верба, ласковая, чистая!
Я бы милого вспугнула,
Хлестанула,
Обожгла,
В лес кружиться увела!*

*Я бы, встретивши кудрявого,
Из-за облака дырявого
Вихрем волосы раздула
И шепнула:
»Милый, на!
Чем тебе я не весна?»*

Нищая

Нищая Тульской губернии
Встретилась мне на пути.
Инея белые тернии
Тщились веноч ей сплести.

День был морозный и ветреный,
Плакал ребенок навзрыд,
В этой метелице мертвенной
Старую свиткой укрыт.

Молвил я: «Бедная, бедная!
Что ж, прими мой пятак!»
Даль расступилась бесследная,
Канула нищая в мрак.

Гнется дорога горбатая.
В мире подветренном дрожь.
Что же ты, Тула богатая,
Зря самовары куешь?

Что же ты, Русь нерадивая,
Вьюгам бросаешь детей?
Ласка твоя прозорливая
Сгинула где без вестей?

Или сама ты заброшена
В тьму, маету, нищету?
Горе незвано, непрошено,
Треплет твою красоту?

Ну-ка, вздохни по-старинному,
Злую помеху свали,
Чтобы опять по-былинному
Силы твои расцвели!

Городские дети

*Городские дети, чахлые цветы,
Я люблю вас сладким домыслом мечты.*

*Если б этот лобик распрямил виски!
Если б в этих глазках не было тоски!*

*Если б эти тельца не были худы,
Сколько б в них кипело радостной вражды!*

*Если б эти ноги не были кривы!
Если б этим детям под ноги травы!*

*Городские дети, чахлые цветы!
Все же в вас таится семя красоты.*

*В грохоте железа, в глухоте камней
Вы одна надежда, вы всего ясней!*

Городок

*Не стукнет город. Темень. Мертвечина.
Судьба забитых жизнью мертвецов.
Иззябнувши, замерзла Отречина,
Речонка – девчонка, в тисках снегов.*

*В домах не то огонь, не то гниенье,
Но уж никак, никак не жизнь, не свет!
А может быть, такое преступленье,
Которому названья даже нет.*

*Чуть живы там, где купля и продажа, –
В подвальных лавочках. И смрад, и грязь.
Взлетает из трубы, сгорая, сажа,
Как пьяная купчиха, разъяряясь.*

*Безжалостно начертаны на своде
Знамена мести до седьмых колен
Всем, изменившим воле и природе,
Упавшим добровольно в плен и тлен.*

1916

Печальник

*Прошумели дожди и столбами ушли
От реки голубой на равнины земли.*

*И опять тихий путь в берегах без конца
Вдаль уносит меня, молодого пловца.*

*Уж и как же ты, даль, на Руси далека!
Уж не будет ли жизнь для меня коротка?*

*Вон по берегу в гору бредет человек.
Видно, стар, видно, нищ, видно, ходит весь век.*

*А видал ли края, все ль концы исходил,
Как в последнюю гору поплелся без сил?*

*Так бери ж и меня, заповедная даль!
Схороню я в тебе вековую печаль.*

*Уж и как же, печаль, на Руси ты крепка!
Вихрем в песню впилась волгаря-бурлака.*

*И несешь, и томишь, обнимаешь, как мать, —
Видно, век свой с тобою и мне вековать.*

*Так пускай же вдали опечалюсь за всех,
Чтобы вспыхнул за мной оживляющий смех.*

*Чтобы песня взвилась огневая за мной
Над великой, скорбящей моею страной.*
1909

Земля

*Дикий ворон каркнул в поле
На дремучем валуне.
Зори крыльями взмахнули
И сгорели в стороне.*

*Вышел я в ночное поле —
Звезды вешние летят.
Кобылицы рыщут в горе:
Потеряли жеребят.*

*Грузно рухнул на колени,
Поднял новь земли сырой
И к пахучей черной ране
Пал горячею щекой.*

*Я хочу, земля, услышать
Первый твой весенний вздох.
Скоро всю тебя распашет
Древний шаг крестьянский сох.*

*Ты подымешь яровое,
Молоком зерно вспоишь,
Золотой ржаной молвою
В знойный полдень прошумишь.*

Ты напой, земля, богато
На восходе раннем дня,
До зари, холмами скрытой,
И несчастного сенья.

Я такое же, как в злаках,
Что засеяны давно,
Я твое – прозяб до срока –
Буйновсхожее зерно.

1909

Савонарола

Ты обвинитель Боттичелли,
Монах, мне страшный, и аскет.
Но отчего всю ночь без цели
Брожу я в горе и тоске.

По площади темнопустынной
И к круглой бронзовой плите
Склоняюсь с тяжкою повинной
В неудержимой прямоте?

Как я костер темно-багровый
Своей рукою разводил
Под тем, кто с яростью суровой
Любимой правде жизнь дарил.

Как будто я был с той старухой,
Которой он, зажав уста,
Из пламени и дыма глухо
Кричал: «Святая простота!»

О, если б мог поднять десницу
Огромный мраморный Давид
И вырвать жуткую страницу,
Что книгу бытия чернит!

*Брожу в тревоге. Ум двоится.
Безумие из темноты
Грозит крылом своим склониться
И подхватить... Пусты, пусты*

*Полночных улиц перспективы.
И с круга бронзового в ночь
Вещает профиль горделивый:
«Гори, безумствуй и пророчь!»*
1912

Вереница восьмистиший

*Люблю я женственную воду,
Огонь, как юноша, живой,
Камней надменную породу
И землю с нежною травой.*

*Люблю разгул пространства мрачный
И звездных вихрей торжество,
Но воздух наш, земной, прозрачный.
Люблю я более всего.*

1912

*Мне стали сниться страны, земли,
Дороги, дали и пути,
Меня желание объемлет
В уединение уйти.*

Услышать птиц, увидеть снова,
Как зори утра хороши,
И властью радостною слова
Творить чудесное в тиши.

1912

В душную улицу липовым цветом
Сладко повеяло. Нищий мой друг!
Есть ведь деревья, цветущие где-то,
Девы и дети, покой и досуг.

Ты ль не измучен? Но трудную долю
Разве не сам, как хозяин, ты взял?
Молча великий творит свою волю,
Стонет лишь тот, кто ничтожен и мал.

1912

Я прожил несколько тяжелых жизней,
На дыбе я, наверно, умирал,
В костре на вражеской победной тризне,
Привязан к дереву, живой сгорал.

Но всех былых мучений нестерпимей,
Поверь, я муку ощущаю ту,
Когда с глазами детскими своими
Ты от меня уходишь в темноту.

1912

*С мороза алая, нежданная,
Пришла, взглянула и ушла,
Как яблоня благоуханная.
Душа скупая расцвела.*

*И опадают ало-белые,
Как снег вечерний, лепестки,
Хранит ладонь осиротелая
Лишь холодок ее руки.*

1913

Т.Г.Щепкиной-Куперник

*В сердце дверь всегда открыта
У того, кто сердцем чист...
Тлела осень, падал лист,
Море пенилось сердито.*

*Хвойный лес шумел тревожно,
Мы пришли в твой нежный сад.
Вот и все. Ужели можно
От тебя уйти назад?*

1914

*Все затихает в дебрях чернолесья,
Летят листы в пустое поднебесье.
Во мху смертельной влагой дышит тлен,
Спешит земля отдаться в белый плен.*

*Но почему с какой-то нежной властью
Во мне веснит весенний проблеск счастья
Под этой скованною тишиной?
Мне кажется, что ты идешь со мной.*

1956

*Настанет час, когда меня не станет,
Помчатся дни без удержу, как все.
Все то же солнце в ночь лучами грядет,
И травы вспыхнут в утренней росе.*

*И человек, бесчисленный, как звезды,
Свой новый подвиг без меня начнет.
Но песенка, которую я создал,
В его трудах хоть искрою блеснет.*

1956

*О тебе, о тебе, о тебе
Я тоскую, мое ликование.
Самой страшной отдамся судьбе,
Только б ты позабыла страданье.*

*Плачет небо слезами тоски,
Звон дождя по садам пролетает.
С яблонь снегом текут лепестки,
Скорбь моя, как огонь, вырастает.*

*Вот она захватила сады
И зарю у озер погасила,
Оборвала лучи у звезды,
У вечерней звезды белокрылой.*

*Ало-черным огнем озарен,
Страшен свод. Но, смеясь и сияя,
В высоте, как спасительный сон,
Ты стоишь надо мной, дорогая.*

*Я к тебе из томленья, из тьмы
Простираю безумные руки.
О, когда же увидимся мы
И сольемся, как в пении звуки.*

1916

Сергею Есенину

*Ты был мне сыном. Нет, не другом.
И ты покинул отчий дом,
Чтоб кончить жизнь пустым испугом
Перед весенним в реках льдом.*

*Ты выпил все, что было в доме.
И старый мед, и древний яд,
Струя, закутанный в соломе
Улыбчивый, лукавый взгляд.*

*И я бездумно любовался
Твоей веселою весной
И без тревоги расставался
С тобой над самой крутизной.*

*А под горой, в реке, в теснинах,
Уже вставали дыбом льды,
Отец с винтовкой шел на сына,
Под пули внуков шли деды.*

*Былое падало в овраги,
И будущее в жизнь рвалось.
На мир надежды и отваги
Враги накаливали злость.*

*И разгорался бой упорный,
Винтовка приросла к рукам.
А ты скитался, беспризорный,
По заунывным кабакам.*

*Ты лебедем из грязи к славе
Рванулся дерзко. И повис.
Ты навсегда мой дом оставил,
И в нем другие родились.*

*Река несла над крутизною
Испуганный ребячий труп.
Ладонь обуглилась от зноя,
Сломались брови на ветру.*

1927

ГЕРМАНО АЛЕКСАНДР ВЯЧЕСЛАВОВИЧ

(1893 – 1955)

Германо считается родоначальником цыганской письменной культуры, современной цыганской литературы. Его поэтический мир – это мир естественного человека, диковатой природы, цыганских «битов» – ритмов и самих песен. Поэту постоянно хочется петь. Он счастлив, что природа делает свое дело, пробуждая жизненные силы. Уроки заключены в поэтическом переосмыслении, в яркой ритмичной строке. С мощным мотивом любви к женщине поэт ведет в иные миры – от мечты, воли, освобожденной красоты. Любовь дает поэту право быть пророком, творцом новых реалий, новой жизни. В глазах женщины он демиург; музыкой – преображает мир по законам гармонии. Хотя поэт и знает, конечно, что в жизни существует и горе, и нужда, страдания. И только противостоящая им любовь рождает тепло, согревает поэта. А правда помогает именно жить в сфере ритмов, раскачиваясь во всю свою амплитуду.

Так из Александра Германо прямо-таки фонтанирует – по-цыгански темпераментно – цветасто-цыганская песня, рвутся из кибитки на волю мотивы любви, радости, красоты.

Поэтические сборники Александра Германо: «Цыганские стихи» (1941), «Стихи и песни» (1957), «Новые стихи» (1958).

Ответ

*Ты спросил цыганского поэта:
«Для кого ты песни в дар принес,
Для чего нужны нам песни? Это
Не понятный для меня вопрос».
Кто же скажет, для чего ветвями
Машут величавые стволы,
Отчего витает над цветами*

Тонкое жужжание пчелы?
Ты спросил широкую поляну,
Где когда-то табор твой стоял,
Для чего ночами неустанно
Ветер над шатрами распевал!
Ты скажи – зачем весной птицы
Трель свою рассыпали опять,
Отчего, едва успев пробиться,
Начинает ручеек журчать?

Нужно ль петь ручьям, лесам и пчелам?
Между нами нерушима связь!
Полон мир созвучием веселым,
Значит, в сердце песня началась.

Солнцем молодость будь,
Мир наполни звонким пеньем,
Песней взвейся сизокрылой.
Нам открыт широкий путь,
И пройдем мы этот путь
С песнею подруги милой.

Снова круг сомнения тесней,
Ты ж венгерку пропляши,
Ты венгерку пропляши.
Зазвенели веселой песней
В честь цыганской жизни новой,
Наши песни хороши!
Гей, как песни хороши –
Песни счастья трудового!

Улыбаясь, вспоминаю.
Как ты пела у шатра.
Как звенела у шатра
Наша песня полевая.
Вспоминаю, как пылало
Пламя нашего костра,
Жарче пламени костра,
Ты венгерку нам плясала.
Меркли звезды золотые,
Даль степная широка,
Точно годы молодые.
И костров плясало пламя,
Вилось пламя, как река.
Лес, поляна и река –
Вихрем все кружилось с нами.
Песня, стань цветком весенним,
Солнцем молодости будь!
Мир наполни звонким пеньем,
Песней взвейся сизокрылой,
Нам открыт широкий путь.
Ночь темна. Холодный вечер.
Иней и туман.
Едет мимо, мерзнет в ветер
Кочевой цыган.
Ветер свищет, ветер злится,
Покрепчал мороз, –
Повернул коня возница,
Увидав колхоз.
В теплых хатах спят цыгане.
Счастлив мирный труд.
Только он один в тумане
Рыщет там и тут.
(Перевод с цыганского Д.Бродского,
В.Бугаева, Арс.Тарковского, Б.Турганова).

БРАУН НИКОЛАЙ ЛЕОПОЛЬДОВИЧ

(1902 – 1975)

Поэзия Николая Брауна поет красоту. Сам поэт поет красоту родной природы в пору расцвета и увядания, когда мир природы особенно прекрасен. И лирический герой ощущает свою сопричастность с бессмертным ликом Земли. Именно Земля, природа дает человеку молодость, силу, здоровье, все прекрасное, как и он сам. Именно природа делает человека стойким, одухотворенным, гармоничным.

В своих романтических скитаниях лирический герой Николая Брауна знает, где его дом, родная земля. Заморские страны лишь подчеркивают дистанцию между ними и родиной. Лишь у себя на родине лирический герой получает признание как личность. Любимая готова разделить с ним все его тяготы. Образ любимой всегда в сердце поэта, которое вечно в дороге, вечно в мире тревог.

Поэтические книги Николая Брауна: «Мир и мастер» (1926), «Стихотворения» (1935), «К вершине века» (1968-1973, 1975).

Мой светлый край

*Осенний лист упал на колею,
В сырую грязь, набрякшую дождями.
Все лето – в зной, в грозу – между ветвями
Оберегал он красоту свою.*

*Он зеленел и наливался влагой,
Мужал, темнел под солнечным лучом.
И. непонятной одержим отвагой,
Вдруг сам, как солнце, заиграл огнем.*

*И не было ни боли, ни страданья,
Ни горечи в последней вспышке той.
Он и не знал, что это увяданье
Пылает в нем прощальной красотой.*

*Он будет смят проезжим колесом,
Его огонь померкнет в луже грязной,
А он лежит – не дрогнувший, прекрасный,
С открытым перед гибелью лицом.*

*Белеет в небе Млечный путь,
Миров безвестных мириады.
Дано и мне на них взглянуть
Из моего земного сада.*

*Сквозь мириады лет и мне
Дано кружиться, пробиваться.
Тонуть в воде, сгорать в огне
И вновь из пепла возрождаться.*

*Но сколько б не скитался я,
Неясной жаждою ведомый,
Мне всех милей земля моя,
Здесь я – на родине, я дома.*

*А звездный мир в чужом краю
Лишь для того и пламенеет,
Чтоб землю, родину мою,
Я полюбил еще сильнее.*

Когда я был тобой любим,
Ты шла ко мне путем любим,
И не боялись мы преград,
Иных не требуя наград,
Смеялись, плакали вдвоем.
Я прочно в сердце жил твоим,
Когда я был тобой любим,
Не раз бедой я был грубим,
Тогда удар беды любя,
Встречал я молнию и гром.
Тогда я в сердце жил твоим.
Когда я был тобой любим,
Я, может, был тогда другим,
И, может, сам тому виной,
Что стала ты теперь иной.
Но, может, вспомнишь ты о том,
О тех, кто в сердце жил твоим.

Когда уйду с пути земного
От всех тревог забот и снов,
Когда я стану только словом,
Негромким томиком стихов,

Возьми меня с собой в дорогу,
Открой, проснувшись поутру, –
Пусть я уйму твою тревогу,
Пусть я слезу твою утру.

Открой меня, когда ненастье
Затмит все дали впереди.
Открой меня, когда от счастья
Займет дыхание в груди.

*И все, чем я горел когда-то,
Вспомни и переживи,
Все, чем душа была богата.
В своей душе восстанови.*

*Вода уйдет и возвратится,
Дождем и снегом упадет.
Так нам с тобой не распроститься,
Покуда сердце к сердцу льнет.*

*Тропинка у речной излуки,
Сквозная тихая вода.
Как можно думать о разлуке
С тобой на долгие года?*

*Вода бежит и моет берег,
Уносит каждый день и час.
Как можно думать о потере
Твоей улыбки, рук и глаз?*

*Где-то в доме поет рояль,
Не понять – за какой стеною.
Будто чьей-то души печаль
По душам говорит со мною.*

*И я слышу по звону струн –
Это женские чьи-то руки
Так поют...*

*И я снова юн,
И я снова с тобой в разлуке.*

*И не тусклый осенний день
И не тучи...*

Я их не знаю.

*Окунаю лицо в сирень,
В счастье вешнее окунаю.*

*Это струны или река
Разливается по камням
Издали, издали?
Кто ты? Явь? Или ты виденье?*

*Мне с тобой расставаться жаль.
Так побудь же еще со мною!
... За стеной поет рояль,
Плачут клавиши за стеною.*

Песня без слов

*Ни слова... И только мельканье
Бегущих по клавишам рук,
Невидимых струн рокотанье,
За звуком взлетающий звук.*

*То чудом рожденные трели,
То лепет ручья поутру,
То голос поющей свирели,
То птиц щебетанье в бору.*

*То ветра порыв. То суровый
Грозы нарастающий звук.
И рухнет ливень. И снова –
В ромашках сверкающий луг.*

*Ушло, отшумело ненастье,
И слышно, как бьются сердца...
И все это – песня о счастье,
Которой не будет конца.*

1955

Рожь цветет

*С дождем обильным, долгожданным
Сегодня в ночь гроза прошла.
Я вышел в поле утром рано.
Рожь зацвела!*

*Окутанная теплым паром,
Она от счастья замерла.
День будет снова чист и жарок –
Жужжит оса, летит пчела,
А в час полуденного зноя
При перелетном ветерке -
Сквозной, чуть видною пылью
Пылит все поле вдалеке,
И каждый колос озабочен
И другу шепчет: «Не сплошай!»
Уже ромашки вдоль обочин
Готовы встретить урожай,
Вон земляника в перелеске,
Уже румянца набрала.
Все поле в зыбком влажном блеске.
Рожь зацвела!*

БЛАГИНИНА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА (1903 – 1978)

Благинина – классик русской детской поэзии. Ее стихи для детей полны любви, нежности. Художественные образы забавны и красочны. В них много солнечного света, тепла, материнства. А сами стихи непременно учат добру. Елена Александровна – автор таких детских поэтических книжечек, как «Окна в сад», «Складень», «Садко», «Осень», «Ясень-ясенек» и другие.

Однако Благинина – автор и «взрослых» поэтических сборников. И в них налицо все те же ее лучшие качества как поэтессы. Стихи Благининой патриотичны, негромки и очень мягки, музыкальны. Трогательны строки о близких, переживающих долгую разлуку военных лет. Лирический герой вспоминает все, что ему с детства близко, знакомо. Лучшие люди погибли, а она вот живет памятью о них, о встречах, в любимых словах. И жизнь ведь не оборвана, нет, она продолжается в ее поэтической речи. Задушевна поэзия, это ситчик на луговине, под чистым высоким небом.

Стихи Елены Александровны исповедальны, полнятся любовью к добру, тянутся к красоте.

Вот ее книги: «Радуга» (1948), «Гори-гори ясно!» (1955), «Окно в сад» (1966), «Складень» (1973, «За рассветами вслед» (1976), «Он был целой страной» (о Корнее Чуковском, 1977) и др.

Ясень — ясенек

1.

Стояло облако в окне –
Большое, дымно-золотое,
Совсем домашнее, простое...
Оно соскучилось по мне?
Да нет!
Ушло, растаяло.
Следочка не оставило!

2.

Чертополох, роня семена,
Покрылся их серебряною пеной.
И красотой необыкновенной
Мы любовались долго – дотемна.
А поутру ее уже не стало:
Опала, облетела, отблестала.

9.

Горюет ясень: – Осень!
Мы листья скоро сбросим!
– Ах, ясень-ясенек,
Далеко тот денек!
Еще ты покрасуйся,
В мое окно посуйся,
Потешь меня, утешь!
Ты так ветвист и свеж!..

15.

Дождь по кровельке постукивает,
Усыпляет, убаюкивает:
- Я насыпал серебра
Полные ведра...
Спите, спите, спать пора,
Завтра будет ведро.

Колея

Над далью, дождиком примятой,
Стоит денек, почти сквозной.
Орловский ветер пахнет мятой,
Польнью, медом, тишиной.

Иду стеной высокой хлеба,
Иду, иду да постою,
Любуясь, как упало небо
В искошеную тишину.

На синем дне летают птицы,
Плывут печально облака...
Стою... Мне страшно оступиться,
Мне очень страшно оступиться –
Как эта пропасть глубока.

Орловской красе

Ты не помнишь иль помнишь о сыне,
Что погиб в чужедальнем краю
За высокую горечь полыни,
За неяркую прелесть твою?
За пруды под зелененькой ряской,
За ракиты у этих прудов,
За немного расшатанный, тряский
Деревянный уют городов.
За платок молодойки узорный –
Россиянки, солдатки, вдовы,
За доверчивость этой просторной,
Отраженной в глазах синевы.
И когда в помутившемся взоре
Пропадал этот свет голубой,

*Плакал сын твой от скорби и горя,
Потому что прощался с тобой.
Он увидел – качнулась ромашка,
Теплый шмель прогудел над кустом,
И упал – неуклюже и тяжко,
Распластавшись наземным крестом.*

Как бы славно...

*Опять продаются фиалки...
Я все еще, милый, жива!
А твой пиджачок на распялке –
Пустые висят рукава.
Вельветовый, в узенький рубчик...
На что он теперь, для кого?
Как было бы славно, голубчик,
Когда бы надел ты его.
Но радостью скромной такую
Утешиться нам не дано!
Ты больше веселой рукою
Не стукнешь легонько в окно.
Ты мне письмаца не напишешь,
Родимой не назовешь.
Земного дождя не услышишь
И песен о нем не споешь.*

Ожидание

*Холодом рвануло по ногам -
Может, это он?
Но чужой в передней слышен гам.
Нет, это не он!*

*Половицы скрипнули вдали,
Может, это он?
Но шаги, приблизившись, ушли.
Нет, опять не он!*

*Слышится звонок в моих ушах, -
Может, это он?
Сердце разрывается, но - ах!
Нет, это не он!*

*Вот поистине ни сесть, ни лечь,
Захватило дух.
Для чего мне человечья речь,
Зрение и слух?*

*Как ты бьешься, бешеная кровь,
Бешеная кровь....
Неужели это все любовь?
Да! Это любовь!*

ШУБИН ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ

(1914 – 1951)

Павел Шубин – поэт-орловец, поэт-фронтовик. Родившись в с. Чернаве (ныне Липецкая область), он затем жил в столицах. Однако мироощущение осталось «насквозь земным, духовито-степным, орловским». Поэзия его традиционна, гармонична, оптимистична. Порой она даже эпична, например, когда былинная Русь, спасая себя, не дает половцу испытать воды из Донца.

Исключительно по силе воздействия, можно сказать, в ряду самых сильных стихотворений о войне – это его «Полмига». Об атаке на «четырежды проклятый дзот».

*Прожить бы мне эти полмига,
А там я сто лет проживу!*

Два временных пласта – прошлое и настоящее – переплетаются в сердце, лирический герой аккумулирует их в себе. Любовь к Родине, к любимой женщине утепляют строку, делают ее глубоко лиричной. Степные, солнечные блики шубинской поэзии – в ее земных, человеческих тонах. Ему доступны птичьи, звериные языки, в его отдаленно полуязыческой памяти живут одухотворенные березы, реки, закаты, восходы. Не только по теме, но, прежде всего, по мироощущению, по краскам, по самой пластике слова шубинская строка приближается к поэтической строке другого поэта-орловца – Дмитрия Блынского, принадлежащего к поколению так называемых «детей войны».

В отличие от классиков, захватывающих глубину, поэзия Павла Шубина как бы катит поверху, но ведь по прекрасной, цветущей земле, освобожденной от злого «военного гения».

Основные поэтические сборники: «Ветер в лицо» (1937), «Парус» (1947), «Солдаты» (1948), «Дороги, годы, города» (1949), «Стихотворения разных лет», поэма «Высота» и др.

Полмига

Нет,
Не до седин,
Не до славы
Я век свой хотел бы продлить, -
Мне б только
До той вон канавы
Полмига,
Полшага прожить;

Прижаться к земле
И в лазури
Июльского ясного дня
Увидеть оскал амбразуры
И острые вспышки огня...

Мне б только
Вот эту гранату,
Злорадно поставив на взвод,
Всадить ее,
Врезать, как надо,
В четырежды проклятый дзот,

Чтоб стало в нем пусто и тихо,
Чтоб пылью осел он в траву!
...Прожить бы мне эти полмига,
А там я сто лет проживу!

Юго-восточнее Мги,
3 августа 1943

Я думал, что, выжив в атаках,
К земле обугленной вернусь,
И по-иному мир увижу,
И ничему не удивлюсь.

И вот в ночном морозном русле –
Дорога звезд, заря во льду,
И дровни, звонкие, как гусли,
Поют и плачут на ходу.

И что-то, жгучее на пробу,
От горла хлынуло к глазам,
Когда медведем из сугроба
Дом вывернулся к подрезам.

Как ни мели метели дружно, –
Он дышит мирно и тепло,
И отсвет печи добродушно
Подмигивает сквозь стекло.

И не бывал я на чужбине,
И на висках не седина,
А только иней, легкий иней, –
Январских далей тишина.

Я изумленно снова вижу
Серебряный – на синем – сад,
Звезду, присевшую на крышу,
Как миг, как жизнь тому назад.

Таинственны и непонятны
Следов вороньих письменна,
И снежной крыши пряник мятный
В дымке младенческого сна.

Ярославль,
8 января 1945

Как хорошо, прижавшись тесно,
За столько лет вдвоем молчать:
Все это тишине известно,
На что не надо отвечать.

Мы выстояли в поединке,
Но с нами старые бои,
В них первые твои сединки
И шрамы первые мои.

И столько порознь дней тревожных
Пришлось нам с этим днем связать,
Что только сердцем сердцу можно
Об этом молча рассказать.

Ярославль,
26 декабря 1944

Я за то тебе благодарен,
Что живешь ты в моей судьбе,
За пустяк, что тобой подарен,
За тоску мою по тебе;

Что не куплено любовью, —
Самым чистым огнем мечты.
У солдатского изголовья
Крепче смерти стояла ты!

Ярославль,
22 декабря 1944

Где-то за Окой бродило лето.
Но, навеки окна затворив,
Комнаты молчали.
В тихих клетках
Тихо бормотали снегири.
Снились им, наверно, золотые
Жнивья с некошенной травой,
В огородах конопли густые
И заря за поймой луговой.
Но на окнах жирно рос столетник.
Жили тени в тине тишины –
Штопали носки,
Считали петли,
Постным маслом мазали блины.
Даже грозы проходили мимо,
Даже ветер шторы не качал.
Домовито пахло хлебом, дымом
И немного – садом...
По ночам
Низко-низко трепетали звезды
Над седой щетиной камыша.
И тогда уйти хотелось.
Просто
Лечь в саду, в траву и не дышать,
Чувствуя, как переживши ливень,
Прорастает теплый чернозем,
Рожь цветет,
И наливают сливы
Горьковатым молодым вином...
И дрожит слеза росы, что гривна,
Отливая лунным серебром,
Слушая, как на Елец и Ливны
Поезда проносят скорый гром.
И тогда навек проклясть отраву

Комнат, походящих на гробы:
Лучше быть ничьим, как эти травы,
Чем чужим воспитанником быть!
1935

Над Донцом

О Донче! Не мало ти величия, лелеявшу князя на
вльнях, стлавшу ему зелену траву на своих серебряных
березех, одевавшу его теплыми мъглами...

Проплачет кулик-веретенник,
Соменок, играя, плеснет,
Листву осыпающий донник
Заглянет в затон и уснет.
И станет настолько просторно,
Что даже
Причал у воды
И выгиб тропинки неторной –
Как след половецкой орды.
А я – на мгновенье – бездомный,
Как этот осенний репей, –
Застыну
Росинкою темной
В широкой ладони степей.
И плач Ярославны в тумане
Расскажет, что Игорь погиб.

Старик пронесет на кукане
Широких неведомых рыб.
«До хутора. – спросит, – далече?»
Нагнется к лицу моему:
«Ты здешний?..»
А я не отвечу,
Вопроса его не пойму.
Пройдет пароход, водомера,

И с дынями – следом – баржа.
А я
Ничему не поверю,
Иные во тьме сторожа.
И видится дальнему взгляду –
Драконом морским
От жилья
На веслах летит к Цареграду
Олега резная ладья.
И крик лебедей на лиманах,
И запад –
Бездонен
И рус:
Орлы на безвестных курганах,
Седая
Былинная Русь.
И чем она сердце волнует –
Такая родная – до слез,
Траву расплетавши степную,
Как пряди серебряных кос?

Не тем ли, что в битвах шатала
Полмира
Тяжелая рать,
Что синих небес
Не хватало
Просторы ее накрывать?
Не знаю,
Не знаю,
Не вспомню.
Но снова
Я, клявшийся в верности ей,
У дикого плеса ночного
Поверю всей кровью моей,
Что в тихом осеннем затоне,

Разбитые
В жарком бою,
Храпя,
Половецкие кони
Студеную ловят струю.
И то не луна
На ущербе,
А в ночь –
Под водою светла –
Висит на затопленной вербе
Лука золотого седла.

Санная дорога до Чернавска
Вьется,
Вьется снежная пыльца;
Свист саней от самого Ельца,
Ветер – у лица. И – даль.
И пляска
Тонкого поддужного кольца...

А в снегах – без края, без конца –
Древняя, дремучая побаска.
Все звенит, все бредит детской лаской,
Лепетом младенца-бубенца.

До зари вечерней опояска
Где-то там, у отчего крыльца.

Дальнозоркой памятью увижу
За сто верст отсюда на закат
Низкую соломенную крышу,
Вровень с ней сугробы, а повыше –
Дым над черепичною трубою:

*Башенкой белесо-голубою
В небо он уходит, языкат...*

*У отца на это свой загад;
Дым высокий – будет день хороший,
Утро ляжет легкою порошей...
Он коня выводит на раскат,
К проруби на речке, к водопою.
Ловит воду, заступив в ушат,
Конь стоялый бархатной губою.*

*Дома –
Шкуры волчьи на распялках,
Веники сухого чебреца,
Кадка взвару.
Меду полкорца,
Печь в полхаты, петухах и галках,
Цвета молодого огурца –
Мудрое художество отца...*

*Ночь.
Зеленый месяц на прогалках
Стекол, в рамках, тяжелей свинца,
Теплая, дремотная ленца,
Отсвет лампы на дубовых балках.*

*А селом –
Гармоника с Донца,
Песни, песни – ничего не жалко!
Кони – в лентах, сани – в бубенцах,
Девушки в пуховых полушалках, –*

*Встреться.
И не вспомнишь об иных!*

Только
Звездный свет в глазах у них,
Только губы – запах пьяных вишен...
И навеки станет сердцу слышен
Легкий бег кошевок расписных.

Родина! В подробностях простых
Для меня открылась ты однажды,
И тебе я внял кровинкой каждой
И навек запомнил, словно стих.

Москва,
23 декабря 1941

Орел

Площадь за водонапорной башней.
Городок в черешневых садах,
Ты минутой прожитой вчерашней
От меня уходишь навсегда,

Чтобы померещиться нежданно
На пути, в бессонных поездах,
Улицей Тургеневской в каштанах,
Липами «Дворянского гнезда».

Голубая ласковая одурь
Хлынет, перехватывая дух.
Я глаза закрою и, как воду,
В давние владения войду.

Это здесь, на травянистых взгорьях,
От нависших марев неясна,
В серебре дождей, в пунцовых зорях
Тихая равнинная весна

Замирала в соловьином горле,
Прошивала щучьей блесной
Заводи
И осыпала в Орлик
Дымный цвет черемухи лесной.

Это здесь всему брала начало
Молодость – бездомная, ничья,
Что отговорило, отзвучало
Перекатным говором ручья;

Что теперь средь городов и весей
Развело нас, строить повелев,
Мастерами боевых профессий,
Преданными радостной земле.

Городок, – он отдал нашей силе
Все, что стало в зрелости грубей:
Рыбоводы – пескарей ловили,
Летчики – гоняли голубей.

И от пут сырей его просторных
В мир – поющий, выпуклый, цветной –
Сто дорог легло прямых и торных
Для мальчишек с улицы одной.

Но и все измерив новой мерой,
Не отдам тебя во власть годов,
Первая моя любовь и вера,
Светлый город яровых садов!

1936

Чайка

То ли море летучею горстью
Пену вскинуло под облака, –
Что ты плачешь, крылатая гостья,
Над высоким окном маяка?

*Вся – как воздух серебряно-синий,
Как бездонное небо – в упор,
Как в июльский рассвет над пустыней
До беспмятства вольный простор, –*

*Не в тоске ты живешь, и не горем
Полон этот плывущий за плес
В ветре, в брызгах и солнца и моря
Смех – от дикого счастья до слез!*

Осень

II.

М.М.Пришвину

*Да здравствует осени
Промельк утиный,
Заснувший на озими
День паутинный,
Лесная дорожка,
Дрозды на рябине
И заячья лежка
В полынной ложбине!*

*Просторы родные!
Видал за войну я
Приметы иные
И землю иную,
В цветенье, быть может,
В унынье, быть может,
Но сердца мне
Память о них не тревожит.*

*А вы и ночами мерещились, снились,
Кричали грачами,
Ручьями светились...
Пунцовой тетеривиною бровью
Заря пламенеет
В лесах Подмосковья,
Березы над гатью –
Серебряным братством!*

*И снова богат я
Несметным богатством!
Разносит щегленок
Репей по ворсинке.
А сколько опенок!
А сколько брусники»,
А листьев кленовых
В садах непочатых –
Оранжевых, новых
Гусиных перчаток!*

1946

БЛЫНСКИЙ ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ

(1932 – 1965)

Блынский – один из самых видных поэтов послевоенной Орловщины. Он принадлежит к поколению детей войны. И это находит отражение в его творчестве. Тема любви к «малой» родине, тема детства, опаленного войной, – вот основные, болевые точки его поэзии.

Бывший матрос Балтийского флота, выпускник художественного училища и Литературного института, любящий сын родимой Орловщины – он находит для нее живые, теплые, гармоничные краски. Слово, обращенное к родной земле, к родной природе, к землякам звучит как признание в любви, не оставляет равнодушным.

Край, где он родился и вырос, – эта тема для него на всю жизнь. Жаль только, что она для него оказалась короткой. Однако в отпущенное время поэт стремится охватить и другие сферы человеческой жизни. Пластичные, музыкальные строки не перегружают воображение. Палитра слова говорит о вкусе художника, лишена небрежности в отборе образов, ритмов, рифм. Любвеобильная поэзия Блынского уже при жизни поэта заслужила ответную любовь орловцев, родного Орловского края.

Поэтические сборники Блынского: «Сердцу милый край» (1957), «Иду с полей» (1959), поэма «Сенокос в Разливе» (1961), сборник «Стихи. Поэмы» (1963), «Сегодня ждут меня» (1974) и др.

Яблоня

Пусть немножко ежится от холода
И грустит, что целый век одна.
Все равно сегодня очень молодо,
Очень бодро выглядит она.

День морозный, небо темно-синее.
Я стою, влюбленный, перед ней.
На ветвях такие шапки инея,
Что не видно и самих ветвей.

Радуюсь такому дню погожему,
Я хотел бы забежать вперед,
Повторяя каждому прохожему:
- Посмотрите, яблоня цветет!

Морю

У меня любовь к тебе большая,
Слушал бы тебя, не спал ночей,
Если б дома, рев твой заглушая,
Не журчал бы маленький ручей.

Пойдем в мой рай,
В поля, в луга Орловщины.
Нигде я лучше края не встречал.
Я тут на «ты»
С любимым ручьем и рощею,
Тут для меня
Начало всех начал.

Пойдем в мой край,
Где первоцветы вешние
Весною по-особому цветут.
Тут сказки ты узнаешь
Только здешние,
«Матаню» нашу встретишь
Только тут.

В слух превратишься, наши песни слушая.
У нас такой в округе чернозем,
Что даже трактор
За рекою Зушею
На пашне светлым кажется пятном.

А наша тройка – птица!
Не отсюда ли
Она впервые начала свой бег?!
Эх, рысаки мои!
В них столько удали,
Что славы хватит им на долгий век.

Тропинками извилистыми, узкими
Пойдем туда, где земляки мои,
Где по соседству
С соловьями курскими
Поют не хуже
Наши соловьи.

Пойдем в мой край,
Я покажу село мое.
В нем мило все, хоть бедно до поры:
Простые хаты, крытые соломою,
Коровий рев и песни детворы...

... Весна. Сугробы снега за калитками.
А по откосам рыжим, у воды,
Проталины подснежниками вытканы, –
Последний снег
И первые цветы!

... Дни перволетья – дни невыразимые.
Их нужно видеть, слышать.
Что слова?
Пух тополей плывет, цветут озимые,
Кричат стрижи, и дремлет сон-трава...

...А бабье лето с тихою прохладой,
Со вспыхнувшими шапками берез.
Над плесом листья кружатся
И, падая,
Как будто искры, поджигали плес.

...Зимой у нас – что в русской сказке.
Где еще
На свете есть
Подобная зима?
Представь – летящий снег и дуб седеющий,
Да это же поэзия сама.

Пойдем в мой край,
В поля, в луга Орловщины,
Нигде я лучше края не встречал.
Я тут на «ты»
С любимым ручьем и рощею.
Тут для меня
Начало всех начал.

Русский Брод

Над рекой, где в округе
Луга да сады,
Берега в чернобылье,
Как плечи крутые.
Обернувшись камнями,
Лежат у воды
Косоглазые воины
Хана Батыя.

Как ремнем,
Крутояр опоясан тропой,
Как в столетья,
Спускаюсь я к древнему броду.
Пой призывно,
Труба воеводская, пой, –
Тихо пращурьы входят
В студеную воду.

Острота у воды и у копий одна.
На кольчугу похожа,
От ветра рябая.
Только как бы она
Ни была холодна,
Не потопит, не смочит... –
Своя, не чужая....

Не дождавшись гонца,
Под навесом шатра
Спит Батый в отдаленье,
Как в маленьком храме.
Тризну русичи правят
Всю ночь у костра,

*И не знает Батый,
Что беда с нукерами...
Подо мною внизу
Закипает река,
Где седой и красивой
Легенды начало.
Паровозный гудок!
Это он сквозь века
Подавал голос трубе,
Что призывно звучала.*

*Ребятишки, штаны
До колен засучив,
Мокнут днями на отмели
В схватке неравной.
И заводят девчата
Знакомый мотив,
Выходя к крутояру
С моей Ярославной.*

*Русский Брод!
Моя тихая станция...
Нет,
Тут не так уж по-русски
Богата природа.
Только, где б я ни жил,
Покупая билет,
Повторяю с волнением:
– До Русского Брода!*

Моя родословная

Зайдешь к нам в деревню и скажешь:
Все близкие,
Далеких по крови в ней нет никого:
Как я бы хата ни встретилась –
Блынские.
Для что это –
Дети отца одного?
Сквозь годы карабкаясь
Тропкою узкою,
Я путь родословной своей узнаю.
Опять же, фамилия наша нерусская,
Откуда взялась она
В русском краю?

Здесь деды и прадеды жали и сеяли,
Без выезда жили в срединной Руси.
Имея ли хлеба кусок, не имея ли,
Тянулись к Христу:
«Сохрани и спаси».

А он им то зной – вместе дождика спорого,
А он им то град вместо солнца пошлет,
А он им помещика,
После которого
В сусеках сметали мышиный помет.

И снова с извечным:
«О господи, выручи,
Избавь от сумы в середине зимы».
– «А чьи ж вы, крестьяне?» –
«Адам Казимирыча»,
«Адам Казимирыча Блынского мы...»

*И, хмурые, глухо роптали на барина,
Все чаще в кругу толковали о том,
Что господом богом
Земля им подарена,
Что сеют, а ходят
С пустым животом.*

*Горел в их глазах
Огонек нетерпения.
Скрывал до поры его каждый с трудом,
Пока он не вспыхнул на праздник успения
Пожаром,
Обнявшим адамовский дом.*

*С тех пор, хоть в указах о том не указано,
Прозвали фамилией барской крестьян.
И тот, кто носил ее, с ним были связана
Презренная кличка –
Бунтарь и смутьян.
... Запоротых до смерти.
Вижу их, словно я
Стою у раскрытых в столетья дверей,
Стою и горжусь, что моя родословная
Идет от орловских крестьян-бунтарей.*

Родина

*То она – от горя мать седая,
Что взгрустнула, сына ожидая.
То она – веселая березка,
Что склонилась над рекой неброско.
То, одета белой метелью,
День и ночь поет над колыбелью.
То с мечом, чтоб недруги дрожали,
Охраняет солнечные дали.*

*Знал ее я сытой и голодной,
Видел и горячей и холодной,
Лишь во всех годах и поколениях
Не случилось видеть на коленях.*

*Я иду веселым старожилом,
Свое счастье в поле карауля.
По мои пульсирующим жилам
Хлещет солнце русского июля.*

*Льются звуки, веселы и юны,
Так, что слухом наполняюсь весь я, —
Это тихо солнечные струны
Жаворонок тронул поднебесье.*

*А вокруг волнуется пшеница,
Созревая, силясь разгореться.
Это в ней волнуется частица
Моего пылающего сердца.*

*Распирают грудь густые ветры,
Так, что я иду, а под ногами
Пройденные мною километры
Кажутся немногими шагами...*

ЗОЛОТАРЕВ ЛЕОНАРД МИХАЙЛОВИЧ

Родился в Воронеже, но волей судьбы оказался на Орловщине, в небольшом степном городке Малоархангельске, где и прошел сквозь самое пекло битвы на Орловско-Курской дуге. Где боевые танкисты научили его первым буквам, читать, где слышал он от них лучшие песни, стихи. Где и проникся любовью к Родине, к прекрасному русскому слову, входя в духовные, высшие божественные сферы Земли.

Его поэтические книги: лирика – «Глаголы» (1992), «Моя Орлея» (1999), «Страна Аэдия» (2004), «Мои песнопения» (2005), «Песни из мешка» (2008). Он – автор изданной эпопеи в стихах «Арсений Чигринев» (в четырех романах), хранящихся пока в анналах эпической «Руси Христианской», «Прометеи», «Белой Скифии» – продолжения «Одиссеи» Гомера, большой «Антологии» французской поэзии – переводов с французского, древнерусского («Велесова книга», «Слово о полку Игореве»), драматической трилогии о Крещении Руси и др.

Плащаница

*Примерю плащаницу и – молчу.
Лечу, свободный в мыслях, улетаю.
Ключи свои я к Небу подбираю,
В полотна заключения хочу.*

*Белое на черном, черное на белом, –
Плащаница где-то в промежутке.
Как могла фотогеничность тела
В очертаньях отразиться жутких?*

*Материя и Дух. Вот веришь, а не верится.
Страдая, уходил на Небо Бог.
И в том, что был, мог всяк удостовериться,*

*На холст в изнеможении прилег.
Пока тот холст на полдороге тлел,
Лик Леонардо и запечатлел.*

Парижанка

*В троллейбус вошла незнакомая Женщина.
Была она дряхлой, больной.
И сразу возникла какая-то трещина
Меж ею с Луной, меж ею со мной
И публикой всей остальной.*

*Косились на ворот ей, подозревая
Бомжовый педикулез.
Платочек она теребила, свивая,
Слегка понимая, судьбу принимая
И вся зажимаясь от слез.*

*Сидела в портрете, дыханье тая,
Слегка наклонясь, ожила.
«Отговорила роцца золотая...»
«И журавли печально пролетая...» –
Она монотонно прочла.*

*Ответил я ей. И мой Бог, и мой Бог! –
Она повела чуть плечом.
Мне перлы метала, сидела, читала – о чем?
К окну между строк присел бледный рок,
Сходила землистость со щек.*

Она улыбалась мне обозначенно,
Изящна и нервна слегка.
«И вечерами, в час назначенный...
Девичий стан, шелками схваченный»...
Платок теребила рука.

Троллейбус шел. Сидела прямо
Она в портрете – у дверей.
Так – из дверей, ее тех самых,
Из серебра – Прекрасной Дамой
Блеснула в памяти моей

Да и ушла в свои Парижи,
В мою серебряную жуть.
Троллейбус шел аллеей рыжей,
Меланхолично пеня, брызжа,
И лужей схватывалась суть.

Да кто они – газели, ламы?
А кто же я – корнет, стратег?
Стеная в возрасты и драмы,
В троллейбусах прекрасны дамы,
Прекрасных Дам не меркнет смех.

Кто ты, Серебряная Женщина?
Через порог за тыщи лет?..
Идет троллейбус. Скорбна трещина,
Пересекает сталь, лорнет,
И улыбается портрет,
Сквозь пыль, сквозь былль скользя и нет.

Кипарис (Зеленые деревья)

Семеновскому Ивану Алексеевичу –
моему учителю

Он рисовал зеленые деревья
Со школьной парты, с юношеских лет.
И с замираньем сердца все деревья
За ним следила, говоря: «Поэт!»

И вот уже учитель в той же школе –
Он рисовал теперь для детворы.
И годы пролетали поневоле,
И уходили целые миры.

А он все рисовал свои деревья –
Во цвете жизни, в искорке надежд.
- Смотрите, – говорили по деревне, –
Он все рисует, пишет для невежд.

Уж осенью дышало на планете,
А он все рисовал в ключе своем.
- Смотрите, – говорили ему дети. –
Они ведь золотые за окном.

Он рисовал зеленые деревья!
Зима и лето – было все равно.
- Смотрите, – говорили ему дети, –
Они ведь уже белые давно.

Да и ему виски посеребрило.
Признания ни где-то, ни в семье.
А он все рисовал не то, что было:
Зеленые деревья на земле!

*Ушла жена. Спиною повернуло
К нему его согбенные года.
Деревня на него давно махнула,
Как и махнули прежде города.*

*А он все рисовал... И вот весною
На этот его траурный абрис
Приехал ученик один с женою
И посадил зеленый кипарис.*

На перроне

*Твоя рука опять в моей руке.
И мы вдвоем, мы – островок в реке.
Какое счастье! За спиною грозы.
Мир выстрадан, мы не сошли с тропы.
Глядите, вы! Как мотыльки на розы
Летят, в себе одолевая слезы,
А все ж идут на острые шипы,
Идут на розы!*

Сады моей памяти (с Аполлинером)

- 1. У меня была смелость назад оглянуться,*
- 2. Где усопшие к нам сюда, в дни мои, рвутся;*
- 3. Отмечая свой «М», я оплакивал их,*
- 4. Гнивших при православных церквах,*
- 5. Или цветущих в садах и лесах,*
- 6. Полных сладких плодов золотых.*
- 7. В то же время, к осеннему ближе сезону,*
- 8. Мы рыдали о серости – прожитых днях,*
- 9. Серебрились ветрами букеты в глаза.*
- 10. О мулатка! Он тобою рожден, этот стих.*

11. Розы снежно искрятся, когда в электричество ставите.

12. Помню полузакрытыми сады моей памяти!

Вечер (без Аполлинера)

Орел свалился с неба, где архангелы
Одни, великолепные, живут.
Вы подержите, подержите крылья,
Так помолитесь, подломитесь тут.

Гора металла – город. И звезда –
Единственна, в сверкании глазниц.
Свой миф она вливает в города –
В трамвайный клип, в сияние жар-птиц.

Я под огни в глазах твоих бегу,
Снопам искр не утоляя жажды.
Из газовой трубы я пью пургу,
О мухомор, тебя травили дважды!

Твоя рука – спираль вокруг огня.
А скоморох что высунул язык?
Висит фантом, смоковницу слюня,
Сноп искр слепых к смоковнице приник.

Моя любовь, играй, не суесловь!
Гудят, гремят колокола судьбе.
Вот видишь, руки вытянулись вновь
И все по направлению к тебе.

Хрупкое светило

А годы все ранимее, все туже.
За горло держит, кажется, любой.
Любимая! Когда весь мир настужен,
Мне так тепло, так хорошо с тобой.

Нас продержали столько в черном теле,
Как говорят, последствия войны.
Хотя за все разрухи и потери,
На нас, детишках, не было вины.

Мы недоели, нас недолюбили.
Закон гласил, закон всегда хорош.
За колосок, мной поднятый из пыли,
И до сих пор меня бросает в дрожь.

А сколько мальчишки недожили?
Давили нас рвачи и подлецы,
И заступались дядечки чужие,
А лучше бы погибшие отцы.

А лучшее бы те самые, которым
Судьбу сломали на урок другим.
А мы никак о правде недоспорим,
Не перестроим, не перекроим...

И вот иду размытою дорогой –
Вдали от детства, от войны вблизи.
Когда б не ты, не Родина, ей богу,
Так бы и сгинул где-нибудь в грязи.

Ты красишь осень. хрупкое светило,
И ливням красок осени не смыть.
Не говори, что между нами было,
Скажи, чему еще меж нами быть.

Заповедь пятая
(из заповедей блаженств)

*Блаженны – милостливы те,
Кто милосердны, сострадальцы.
Ведите падших к Красоте,
Как к алтарям бредут скитальцы.*

*Скрываясь в тернии души,
В никем не видимые слезы.
Спускайтесь со своих вершин,
Чтоб отвести от павших грозы.*

*Дадут ли голому одежды,
Возьмут ли на себя чей грех, –
Они несут тебе надежды,*

*Что ты ведь тоже Человек.
За подвиг их, великий труд
Им Боги руку подают.*

Сонет
(из «Шекспирианы»)

*Поэзия – это такие крыла,
Едва уловима, легка.
Течет и течет, сквозь меня протекла
Вся музыка, все облака.*

*Поэзия – это такая река,
Неостановима, пока
Текут и текут за веками века
Сквозь музыку, сквозь облака.*

*Поэзия где-то не тут, а жива.
Едва выразима, из грез.
Поэзия – это такие слова.*

*У самого пламени звезд.
Поэзия – это их музыка, миг
В твоих облаках и моих.*

КОТЮКОВ ЛЕВ КОНСТАНТИНОВИЧ

*«Но оглядка на долг и на совесть
Гасит лучшие свойства души», –*

– Эти слова так и врезались в меня, так и сидят, – скажет поэт Леонард Золотарев о поэте Льве Котюкове. Они с ним вместе выступали когда-то по городам и весям Орловщины, читали стихи. И, представьте себе, никогда не надоедали друг другу. Лев Котюков – единственный из литераторов, кого Леонард Золотарев допустил в свои «пенаты» – в домик на поселке Синяевском, в эти толстовские, фетовские, тургеневские места.

Лев Котюков – сын военного летчика, не потому ли он в поэзии, как и отец, на высоте. Теперь у него много книг. Но эта – «первая книга в столице» («Современник», 1976г.) И это стихи из нее.

*... Но оглядка на долг и на совесть
Гасит лучшие свойства души.*

*Тяжелый гудок парохода
У края холодной земли,
Морозные крылья свободы
По свету меня понесли.
Я бросил привычное дело,
А плыть далеко-далеко,
Легко я несу свое тело,
А душу – не очень легко...*

Из поэмы «Карское море»

I.

... Остров Диксон,
Туманы без края.
Час ухода,
Душе не до сна.
И, холодную сталь поднимая,
На лету умирает волна.

Что дано мне до смерти увидеть
На слепящих пространствах земли?
На дрожащую палубу выйду,
Вспомню слабые руки твои.

Вспомню белой черемухи парус,
Уходящие вдаль тополя, –
И отгадет уставшая память,
И душа просветлеет моя.

Догорела
Над кленом звезда,
И в саду
От росы посветлело.
И на тихую воду пруда
Золотистое облако село.
Певни
Песни отпели свои,
Отворилась
Калитка без скрипа.
И пространства
Осенней земли
Были настезь
В то утро открыты.

Пуст и гулок
Был старый вокзал –
Уходило последнее лето,
Оставались
Слова без ответа,
И стояло,
Стояло в глазах
Золотистое облако света.

Гараж

Мне казалась окопом
Ремонтная яма
В гараже,
Провонявшем
 соляжкой
 насквозь,
А машины
Ревели
У входа упрямо...
И откуда,
 откуда
Их столько бралось?
И водители лезли ко мне торопливо,
Понимая,
Что нынче
 хватает хлопот,
И все утро
 над ямою
 без перерыва
Шли машины,
Как танки идут на окоп.
Все,
Порядок!

Колодки колесные сняты,
И машина,
Рыча, уползает назад –
Вот в такие мгновенья
Бросает гранату
Вслед ревущему танку
Оглохший солдат.
Я о том,
Что атакою
 мне показался
Этот черный,
Всю смену идущий поток,
Рассказал бригадиру,
Но,
 он не смеялся
И, мрачней, ответил:
«Похоже, сынок...»
Ну, а если сказать
Откровенно и прямо,
Не любил я гараж,
Тут не скрою вины,
Но скажу я, –
Спасибо,
Ремонтная яма,
Мне и танки любые
Теперь не страшны!

Среднерусская полоса

Существует,
 спасает,
 лечит.
Среднерусская полоса.

Тихий-тихий июньский вечер,
За рекой Окой голоса.

До подробностей все знакомо,
Вот часы вокзальные бьют,
Хорошо после странствий дома
Вдруг услышать –

где-то поют.

Вдруг почувствовать запах хлеба.

Возвратившись опять домой,

Вновь увидеть родное небо

И колосьев рост золотой.

Как светло,

Бесконечно радостно

Поклониться ветле, звезде

И увидеть синие радуги

В светоносной окской воде.

Этот край сенокосного лета,

Он с рожденья

в моей крови.

Как тревожно,

Что кто-то, где-то

Не разделит к нему любви.

Догорает июньский вечер,

За рекой Окой голоса.

Существует.

спасает, лечит.

Среднерусская полоса.

Белый самолет

Он был бумажный и непрочный.

Из тонких стеблей камыша.

Я мастерил его три ночи

И нес из дома не дыша.

Влезал по лестнице все выше,
Стараясь из последних сил,
И с опаленной солнцем крыши
Его на волю отпустил.
И сердце замерло так сладко,
Как больше в жизни не замрет,
И над зеленым небом сада,
Летел мой белый самолет.

Парил,
Деревьев не касаясь,
Зеленым светом озарен,
И мне казалось,
Мне казалось,
Лететь столетья должен он.
Он поднимался выше кленов
По восходящей крутизне,
Попутным ветром окрыленный,
Скользил на голубой волне.
Потом,
Почувствовав свободу,
Со мной простился навсегда.
Мелькнул
За дальним огородом
И канул в небо без следа.
Конец приходит всем полетам,
Но вот уже
 который год
Я все ищу в краях далеких,
Ищу свой белый самолет.

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЕВ

МОЙ НЕВИДИМЫЙ ПАН

Зеленое и голубое
(песня)

*Я хватаю с небес
Убегающий миг
И сажаю на дерево слету.
Я люблю мой зеленый
Березовый стих
И мою голубую работу.*

*Высоко-высоко
Надо мной небеса,
Голубое хмельно и бездонно.
Я зеленые слышу
В себе голоса,
Из меня выпирают иконно.*

*Голубое до неба -
Моя вертикаль,
А зеленое – по горизонту.
Сквозь меня – этот крест,
Через сердце – эмаль,
Фаберже, что ли, по Геллеспонту.*

*Мое сердце возьмет
Голубой океан
И вернет его мне золотое.
Под березой сажу я –
Задумчивый Пан.
И люблюсь и ей, и собою.*

8 ноября 1994 г.

Березовый царь

*Я рожден в День Березы,
В краю, где царит
На российском престоле береза.
Я – березовый отпрыск,
Во мне говорит
Всемонаршья поэза и проза.*

*Сок березовый капнет
Из мартовских вин,
Я – на лунном коне, на излете.
Я – задумчивый царь,
Мне любой гражданин
Срубит голову на эшафоте.*

*Рубят – щепки летят,
Сок звенит с топора.
Брызжет пенная влага монаршья.
Серебро к серебру,
От того серебра
Кровь, дичая, вскипает на марше.*

*Розу утром несу,
Всю росу растрясу.
Все умою, что тут не умыто.
Я – березовый царь,
И меня – на фонарь?!
А за то, что в лесу я – элита!*

7 ноября 1994г.

На Лысой горе

Пляшут великие бесы,
Жизнь дорогую клянут.
А за горой поэтессы
Ягодки мимо несут.
Вороны грудь выпирают –
Иконостасы свои.
Пан где-то гнездится с краю.
И, за костром наблюдая,
Стынут во мгле соловьи.

Плачут великие бесы,
Из-за угла не слышать.
Позавчерашние пьесы
Ставит вчерашняя рать.

Пан прилег на локоть у опушки.
Слушает, как квакают лягушки.
Шепчет в нос: «Ей-богу, доконают.
Вот поют, а нет, не соловьи!
До скончанья века обмывают
Заказные премии свои».

8 ноября 1994г.

За Паном – столько верст и миль:
Россия... Рим... Гасконь...
Кто – слабо тлеющий фитиль,
Кто – трепетный огонь.

*Кто – потерял, а кто – нашел,
Гребет все под себя.
Кому-то мало «хорошо»,
Чтоб «плохо» у тебя.
Пан погружен в лесной уют,
Вздохнул на сходе дня:
«Кому-то премии дают,
А хвалят все – меня!»*

8 ноября

1994г.

Моя Панна

*Я – июльское эхо,
Лучом осиян,
Освящен неземной красотой, –
Я – лесной, я – лесной.
Я – березовый Пан
За роскошной зеленой листвой.*

*Где-то Панна моя?
Где на круги своя –
Красота по лесам и дорогам?
Это тайна моя
У лесного ручья,
Это трубная песня из рога.*

*Я укрою ее
От метели любой,
От неверного взгляда любого.
Я пожертвую осенью,
Песней, собой –
От пожара спасу голубого.*

Загорится октябрь,
Полетит по лесам.
Она выбежит – ветрена, странна.
Красота, Красота –
Это скрип колеса,
Это эхо, стыдливая Панна.

Мой изысканный стих,
Отчего ты затих?
Что она тебе, златокипяща?
Моя Панна – мой луч,
Это чудо на миг,
Остальное все – не настояще!

8 ноября 1994г.

Девичьи сны

И была эта девочка – гадкий утенок.
Угловата, худа, но гибка, высока.
Утомилась, уснула в дубраве зеленой,
И явились к ней сны, и коснулась рука.

Она руку мужскую его целовала.
Она волосы, вея, в ладони брала.
Опускала Перуна в глубины овала –
В огнедышащий кратер звала и звала.

А когда лишь наутро вернулась из леса,
Ахнул каждый, увидев: девчонка – не та!
И смотрели теперь уж не без интереса,
Как сияла над ней Красота, Красота.

Как движения плавны, во взгляде значенье.
Сколько тайн, сколько полных магических лун.
И никто не узнал про ее приключенье,
Что в лесу приходил к ней любовник Перун.

Только Пан подглядел. И, соперник коварный,
В небе Солнца рисуя горящий овал,
Позавидовал, что ли, седой и шикарный,
И в лесах хохотал, хохотал, хохотал.

У седого ручья

Пан не пил много дней.
И, копя в себе жажду,
Вдруг почувствовал зло –
Как кольнуло перо.

И пришел он к ручью,
И напился в нем дважды.
И опять разлилось
По глубинам Добро.

И тогда посадил он
Березу, отважный,
Протоптал до ручья
Золотую тропу.

Пусть приходят сюда
Все, в ком горечь и жажды.
Пусть с березы всегда
Каплет сок на щепу!

Пусть приходят к ключу
Голубому напиться,
Пусть не копится жажда
В родимом краю.

Пан – языческий бог
Тут напился однажды,
Ну, а я до сих пор всем
Про это пою.

Весь в латах и латках,
Как рыцарь в броне,
Напяленной на отребья,
Когда-то я был на лихом скакуне,
Изорванный волей
Подстепья.

Когда бы не штопор
С затылка насквозь
Негнущейся этой хребтины.
Когда со свободой мы были бы врозь, -
Не ткали б свои
Паутины.

Когда бы побольше
Подглядывал Пан
Из речки, с полей, из залесья.
Когда бы душой
Вырывался из ран
Отчаянно до поднебесья.

Когда бы... когда бы...
Но – бродит туман.
Кого ты, закованный, ранишь?
Слегка улыбается мистике Пан:
Его-то, мой друг, не обманешь.

8 ноября 1994г.

Охота

Охота на лося!
Рыбалка на щуку!

*В леса и на речку нагрянет братва
В себе утвердиться,
Природу пощупать,
Сбивая оскому, качая права.*

*И зверь озверееет,
И взмечется птица,
И камнем падет на зеркальную гладь.
А Пану неможется, глядя на лица,
А Пану нейметса себя показать.*

*И кровь обагрит
Не упавшего лося,
А Пану, а Пану зеленую грудь.
А Пан как сверкнет
Да косьем на покосе,
Ловчась локотком
Под ружьишко толкнуть!
И снова у Пана владения глухи.
Качнется коряга, зацепится снасть.
«Свят, свят!» – все кому-то мерещатся духи.
Пусть знают, кто тут им
Хозяин и власть.*

Лесникова избушка

*Вот она, избушка лесника!
Повернись ко мне на курьих ножках!
Почади полынушкой слегка,
Постегай крапивушкой немножко.*

*Я пришел домой наверняка.
И, знаменьем крестным осеня,
Матушка! Встреть блудного сынка.
Господи! Прими и ты меня.*

*Уж седой, а все брожу, пою.
Весь в родимых песнях я. И вот
Как остригли молодость мою,
До сих пор никак не отрастет.*

*Где ты, Пан? На мне твоя рука.
Прикоснись, мой пыл охолони.
Повернись, избушка лесника,
Окнушком в отчаянные дни!*

Океаны любви (рондо)

*Воркованье голубя в груди.
Голос – бархат, голос, небом данный.
Женщина уходит впереди
В легкое покачиванье стана,
Женщина уходит впереди –
В пустоту за спинами, одна.
Платья шелк, фестонами игра,
Чья она невеста, чья жена?
И зачем качание бедра,
Чья она невеста, чья жена?*

*Пан любимый, догони, стена,
Дай договорить ей, милый Пан!
Женщина уходит от меня
В белый, ледовитый Океан.*

*В Океане с ней и утони,
Позови ее не позови.
Женщина уходит в Океан,
В океаны нежные Любви!*

Жалоба Пану

*Я пришел пожаловаться Пану,
А кому пожалуюсь еще?
Что, хотя к его клонюсь я клану,
А люблю ведь Панну горячо.*

*Что, бывает, от удачной строчки
Сладко перехватывает дух.
Строчки мои – ветреные дочки –
Так к себе притягивают вдруг.*

*Вот опять приду к любимой Панне,
Пан ревнив, совсем как человек.
И сонеты пишет на поляне,
И смывает тут же в русла рек.*

*Господи! Какую рифму крайней
Мне нашепчет мой язычник Пан?
Вот сажу в чернобыле – бурьяне,
Выше плеч качается бурьян.*

*Как все трезвы – на кого ни гляну!
Пишут гладо, лыка не связав.
Вот пришел пожаловаться Пану
И ушел, ни слова не сказав.*

Камень у дороги

*Не пивал я браги – медовухи,
С гуслями не шастал по Руси,
Что же предки молнией, как духи,
Колошматят тучку в небеси?*

Отрезвлюсь, охоложусь любовью,
Упаду в истерзанную рось.
На крови расписываться кровью
Со щитом не раз уже пришлось.

И Перун, Пан, и все наши Боги,
Их алтарь, их жертвенник – и мой.
Выбираю жуткие дороги
Где-то за татарскою сакмой.

На Тагинке – новое затмение,
Черный круг по солнцу впереди.
Ох, и тяжки, Русь, твои каменья,
Во моей бунтующей груди!

Узки, дики ковыли да степи!
И лозе всего не прохлестать!
Конь летит под скрип ременной крепи,
Португее некуда упасть.

Мой невидимый Пан

Я поссорился с Ладой,
И сердце не радо,
Опустилось как будто в туман.
Это он, это он, –
Весь в листву погружен,
Это он, мой невидимый Пан.

По колено трава,
Как трещит голова!
Я хожу, все на свете кляня.
Это он, это он, –
Весь в листву погружен,
Как же, Пан, напоил ты меня!

Только вспыхнет рассвет,
Луч кладу на кисет,
С детства эти кисеты люблю.
Это он, это он,
Шили слал их на фронт,
Я в кассеты кисеты ловлю.

Хохотнет свысока,
Пощекочет бока
Мне сорока – лесной хулиган.
Это он, это он,
Весь в листву погружен,
Это мной обнаруженный Пан!

Рондо

Невесело живется,
Сорвалась цепь в колодце,
Но Пан вдруг подвернется, –
И я улыбаюсь тебе.

Опять проснулся рано,
Заныла что-то рана,
Пойду спрошу у Пана, –
И я улыбаюсь тебе.

Какой он голосистый,
Мой солнечный, лучистый,
Мой Пан, мой друг ершистый! –
И я улыбаюсь тебе.

Вот так вот и живется,
А что мне остается?
И Пан вовсю смеется,
И я улыбаюсь тебе.

Встречать под липами встречай,
Медовую – ее.
Сечет метелкой иван-чай,
Мне шепчет про свое.

Любить люби, встречать встречай.
А любит ли она?
Качнет метелкой иван-чай –
Волнуется страна.
И вот явился, небом дан,
Чтоб поддержать любовь,
Большой, ну вылитый Иван,
Мой друг лесной, мой Бог Боян, –
И выщипал мне бровь.

Люлька Святослава

Притворюсь невидим,
Притворюсь неслышим,
Вместе с Паном шмыг через порог.
Вижу – Ольга пишет,
Игорь ходит выше,
Святослав их в люльке занемог.

Подскажу я Пану:
Стукни по баяну,
Травкой, что ли, хвори изгони.
Вон как жаждут славы
Кони Святослава!
И враги кругом – куда ни ткни.

*В шлемах – мы с Перуном,
С пикой – вместе с Паном,
На хоругвях – лики всех святых.
Все перемешалось
В нашем доме странном,
Я у них – из будущего миг.*

*Дай продлю их жизни,
Сделаю известней,
Уведу из прошлого сюда.
Мы – единой крови,
Из единой песни,
Ведаем – зачем мы и куда.*

*– Отчего, – спросил я Пана, –
Раздирает нашу Русь?
И куда рвусь вместе с нею,
Все никак не разорвусь?*

*– Отчего живем мы розно,
А один народ?
Все народы тянет в кучу,
Нас – наоборот.*

*– Отчего за стол садимся,
И крестясь, и так?
Отчего, желая света,
Смотрим на закат?*

*Не ответил Пан веселый,
В лес весной сбежав.
Русь дремала, спал поселок -
Там, у рубежа.*

Синеглазая

*Увижу синеглазую
Под вечер голубой
В косыночке-то газовой,
Как облак над собой.*

*Тряхну родную, русскую
За талию за узкую,
Косынка пала с плеч,
Да как ее сберечь*

*От листопада, Русь мою!
Укроет Пан ее – мой Бог.
Пойдем под осень с чувствами,
Размывами дорог.
И любитя, и плачется,
И песне далеко –
Весь путь наш обозначится,
И так легко, легко.*

На тоненькой ветке

*Возвратился князь Игорь из полона,
Праздник в гриднице в честь его был.
Как хлебнул он, родимый, солоно!
Как же Ладу свою он любил!*

*И качались мы с Паном на ветке,
В растворенное впившись окно.
Поражал облик девы-соседки
В уголке, где не пили вино.*

Как глядела сенная та девушка
На героя сквозь тление свеч...
Удержи меня веточка – ветушка!
Не роняй на пократ ее плеч!

Обнажи ее всю – восхищенную,
Золотистые власы до пят.
Ясным ликом в Луну обращенную...
А еще про княгинь говорят!..

Все ж свалился я с тоненькой ветки,
Где качались мы с ней навесу.
Пан ушел, ну а я облик редкий
До сих пор в своем сердце несу.

Приглянулась баскаку – положил глаз кривой.
Убежала из дома – все летала совой.
Все в деревню хотела, но упрям был баскак.
По лесам закружился, не взирая на мрак.
Только с Паном мы в дебрях укрывали ее.
Только выйду, бывало, только крикну свое –
Вот она, молодая, вот она предо мной –
Та девчонка седая. Навек дал зарок:
Никогда не сажать никого под замок.
Никого без любви не отдам никому –
Мне лесная богиня нужна самому.

Ранили березу
Раннею весной.
Проглядел я с Паном
В прошлый выходной.

Но пришла девчонка,
Положила вар,
И зеленый вспыхнул
Наверху пожар.
А девчонка эта
Где-то тут живет.
И сама Березкой
Среди всех слывет.

Где-то сны и грозы,
Переломчив стан.
Не уснут березы,
Не задремлет Пан.

Березина

Березина среди берез
Течет, как ром в вине.
Застрял, застрял Наполеон
На той Березине.
Да-да, застрял Наполеон,
И что же, что застрял?
А то, что был капрал их пьян
И все не рассчитал.

Не рассчитал, не рассчитал,
Пропал ведь ни за грош.
А от того, что был он пьян,
И Бонапарт хорош!
– Все это сказки, –
Скажет Пан. –
Все это чушь и бред.
Что был капрал, что был он пьян,
Наполеон же – нет.

*Уж он-то знает,
Этот Пан,
Все про мосты и льды.
Ведь сам сломал ледовый мост
И напустил воды.*

*Ведь это он,
Ведь это он,
А не попутал бес.
Капрал, действительно, был пьян,
А Пан, конечно, трезв.*

*А если Пан
Тогда был пьян,
То был капрал бы трезв.
И, значит, бы На-поле-он
В Березину не влез.*

Кумиры

*Взойду на купол, ухвачусь за крест
И вознесусь в магические числа.
Земля одна, но много всяких мест,
Где мы живем, экстравагантно мысля.*

*Куда идем, читая знак с листа, –
На Юг и Север, на Восток и Запад, –
По этим четырем лучам креста,
Что был из-под колес кривых заляпан?
В какой Аттрактор тень кладу с перста?
В каких кумирах обновится сердце?
Перевернутся всякие места,
Где мы сегодня все единоверцы.*

*Молю я Пана: что себе, то мне бы;
Чтоб солнышка никто не откусил.
Стою Антенной, упираюсь в небо:
Пошли мне то, что и моей Руси! –
Свободы слова и краюшку хлеба.*

*Языческие, греческие боги!
Велес и Пан с Христом во смеси!
Пошли еще ей, в качестве подмоги,
То, что и мне, моей святой Руси:
На всю страну – хоррошие дороги!*

24 октября 1997 г.

Свидание

*Лебеди с руки упали на озере,
На голубые глаза.
Капала – капала доземи – доземи,
А не кончалась слеза.*

*Все истончалась, милая-милая,
Все не держали глаза.
Капала первая, неразделимая,
С ней и вторая слеза.*

*Лебеди белые путали волосы,
Тешили, душу губя.
Вместо пшеничного, спелого колоса
Кляли на поле себя.
И доходили до бледного Пана
От зеленеющих щек.
Утро снимало звук с кнопок баяна
И зажигало Восток.*

Настроен не на ту волну,
Люблю одну... ну-ну...
А прекратилось эхо,
И стало не до смеха.
Почуял, видно, что-то, бес!
И эхо к речке перенес.
Пропал мой голос, чуть звеня,
Она не слышит уж меня.
Я все люблю ее одну:
Чужую – Панову жену.

– Ну, опиши меня словесно,
Не пожалей красивых слов.
Хочу любить! И сердцу тесно,
И хорошо, и жалко слов.

– Люби-люби до смерти, Панна,
Чужая – Панова жена!
Таких очей, такого стана
Ни у кого нет, ты – одна!

– Ну обмани меня, любимый,
Обман твой не переживу.
Не проходи лишь мимо, мимо,
Когда тебя к себе зову.

- Я изорву тебя ветрами
И изомну тебя, как рожь.
Уж не могу ходить кругами,
От Пана укрывая ложь.

Сады Эдема

*В садах Эдема – ты и я,
И мы с тобой – Адам и Ева.
И караулит нас змея
В тени плодоносящей древа.*

*И мы вкусили – грех велик,
И вот теперь греховен век.
Мембрана клетки мне велит
Сказать: из глины – человек!*

*Адам в садах, из глины я.
И, прислонясь к другому древу,
Моя гремучая змея
Терзает трепетную Еву.*

*И я теперь уже не я,
Уж не Адам, а та змея.
И Ева уж теперь не Ева,
А яблоко с другого древа.*

*И Пан мне сколько ни кричал,
Я молча яблоню качал,
Все Еве яблоко вручал,
Все собственной рукою, –
Огромное такое!*

*Из недр Востока, выпущенный клапан,
Они прошли и пронесли огни.
И сели тут, а часть ушла на Запад.
И села там и стала, как они.
Они вернутся, снова все сметая,*

*И устремятся дальше на Восток.
А как же мы, а как же Русь святая?
А как же то, что я в себе берег?*

*Шумит, шумит в Москве зеленый Пан,
И я ему тот шум передаю.
Так и живу в предтече новых ран,
Как сок теку в березовом краю.*

*Бело от берез на Руси,
Светло от берез в небеси.
Белая-белая Русь,
Светлая-светлая грусть.*

*Чистая-чистая даль,
Черная-черная пыль.
Нежное-нежное жаль,
Снежную Панову былль.*

Пановы дети

*Уходили дружины –
На войну, на войну.
Жены дома дружили,
Припадали к окну.*

*На плече голосили,
Почтальонки – в музей
Ничего не просили
У великих князей.*

Умирали не сразу
С нехороших вестей.
Берегли пуще глазу
Малолетних детей.

Языки исчесали,
Что язык – без костей!
И на Пана писали
Безотцовщин – детей.

Я прилег на землю:
Надо мной – березы,
Подо мной – зеленая трава.
И винтом до неба
Завинтило слезы,
По винту до Солнца
Поднялись слова.

Высока береза,
Только слово выше,
Солнца горячее,
Огненной ланит.
Дай скажу как лучше,
Что из песни вышел,
Дай скажу, что песней
Все во мне звенит.

Дай скажу... И, сидя
Где-то на березе,
Пан в листве смеется
Или сделал вид.
Утираю слезы,
Что мне остается,

*Если Солнце прямо
На меня летит?*

**Одиночество
(рондо)**

*Хожу по берегу один –
В тени, на склоне дня.
Русалка прянет от меня,
И снова я один.*

*И снова берег, я один.
И снова этот лес.
Где вдруг меня попутал бес,
И снова я один.*

*И снова лес, и я один.
И берег над рекой.
А Пан на все махнул рукой,
И снова я один.*

*И снова лес, и я один.
С русалкой до небес.
Но тут меня попутал бес,
И снова я один.*

*Что выглядываешь, Пан,
Ты из-за ветвей?
Любопытен больно, рьян,
Убирайся, змей!*

*Убирайся, уходи,
Завтра приходи.*

*Все подслушиваешь, да?
С высоты своей?
Говорю одно всегда;
Убирайся, змей!
Убирайся, уходи,
Завтра приходи.*

*Говорю всегда одно,
Мой любезный Пан,
Что люблю я все равно
Панночек и Панн.*

Лавочка

*Происходит что-то,
Изменился лес,
Даже Пан не знает,
Колбасы не ест.*

*Входишь в магазины –
Двери «от себя».
Мы уж так привыкли
Так вот, без тебя.*

*Я сегодня шишку
Посадил на лоб,
Дверь толкая лишку,
Внутри проникнуть чтоб.*

*В этом закуточке
Встретят не грубя.
Все тут открывают
Двери «на себя».*

Старая мельница

Игра воды, игра воды,
Вода в лицо.
Смывает пыль, ее следы –
Перед концом.
Старая мельница жернова крутила
Старая мельница зернецо дробила,
Старая мельница хлебушком кормила.
Игра воды, игра воды,
Вода всегда.
В мучной пыли кругом сады,
Кругом вода.
Старая мельница – на воде белесой,
Старая мельница – выдраны колеса,
Старая мельница, что ты смотришь косо?
Игра воды, игра воды,
Сияет столб
И опадает на пруды,
На чей-то стол.
И тысячи брызг, и тысячи солнц,
И тысячи лун, и в тысячах нить.
И все это Пан, и все это сон,
И где теперь он, и где ему жить?
Игра воды, игра воды,
Вода всегда.
И ореолы из беды,
И старой мельницы следы,
И электричеством сияют города.

Пану стало жарко на припеке.
Сунулся он в воду,
А не зная броду,
И в карне запутался глубокой.

А карга корягой ухватила,
В уши ему выла,
Душу всю кривила,
Потому что Пана не любила.

Помертвел Пан: утону неужто?
И хлебал он воду,
Проклинал свободу,
Был в лесу хозяин потому что.

Стало жалко Пана – бедолагу.
Сунулся я в воду
И, не зная броду.
Выдернул корягу, пану дал свободу –
Получилось, для всего народу.

Я коня проведу
В поводу – в поводу.
И в седло вдруг вскочу,
Пролечу – пролечу.

И летит мой орел
Под седлом у меня.
Знать, я крылья обрел,
А ведь сел на коня!
Это с Паном я сам –

*По лесам, по лесам.
Все лечу и лечу –
А куда захочу!
А куда захочу,
На крылатом лечу –
Хохочу, хохочу,
Хо-хо-чу-у-у!..*

*Между струнами гитары
Зацепился палец вдруг.
Были пьяные угары,
Подливал мне слева друг.*

*Справа рыжая соседка
Хохотала за меня.
Ей в седло бы целить метко,
Ей бы рыжего коня.*

*И, когда совсем раскис я,
На плече повис я, пьян,
С пастью волчьей, шагом лисьим
Выручать явился Пан.*

*На колени села ловко
И за шею, как коня.
Что ж ты, рыжая чертовка.
Прежде бросила меня?*

*Не шуршало по карманам,
Не крутился капитал?
Если б не был в дупель пьяным,
Я б не то тебе сказал.*

*Как качались у березы,
Завалились за бугор.
Как твои живые слезы
Увеличили обзор.*

*Был я божия коровка,
Ну, не та тебе чета.
Все б ты, баба – полукровка,
Укрывала бы лета.*

*Хошь, деньгами закидаю,
Что мне – жалко, что ль, теперь?
Вот возьму захомотаю,
Стих любому накатаю,
Настрочу в газету, зверь.
Я такой!.. И, боже правый,
Пан явился, хмур и строг.
Подошел поближе, бравый,
И забрал мой кошелек.*

*– А не пей! А не бреши!
На какие пить шиши?*

Пан зимой

*И где бывает Пан зимой.
Когда кругом пурга?
Когда войдешь к себе домой,
Как речка в берега?*

*Когда ты только что с саней,
Травинка на тебе.
Несешь ее, цветок на ней –
Ведет туда к себе.*

*Туда к себе, на сеновал,
Душистый и хмельной.
Пан тут в тепле, Пан тут поспал,
И вот передо мной.*

*Всклокочен, сено в волосах,
С дубовой клюкой –
Такой чудак, на все леса
Один всего такой.
Вот тут лежал – иезуит,
Местечко пролежал...
Пан, как июнь, сюда бежит,
А от жены сбежал.*

Пан осенью

*Навесит всяких листьев
На заячий тулуп.
Калину с алой кистью
Швырнет себе на зуб.*

*Сквозит в лесных раскатах,
В осенней форме Пан,
В тигристо-полосатых
Просветах их полян.*

*Шагнет и растворится
В движении листвы.
И шорох лишь струится
По шелесту травы.*

*Белесый облик Пана
Мелькнет, едва взглянешь,
Из синего тумана
Вздымающего рожь.*

Пан летом

Пан – июнь, Пан – июль, Пан и август.
Все паны, листолеты мои.
Не из Индий каких-нибудь мангуст –
Все свои, все свои, все свои.

Как в тельняшке, но сине-зеленой,
Голоног, по колено в штанах,
Пробежал как-то мимо я клена,
Не узнал я его впопыхах.

Только в спину глядел ему – мальчик,
Так бежал, белобрыс и поджар,
Что не Пан уж, не Пан – одуванчик,
Это сын его тут пробежал!

Пан весной

Пан не пьет березового сока,
Это так лишь в байках говорят.
Пан дрожит, когда в стволе, как око,
Раны сок березовый слезят.

Но едва слезиться перестанет,
Пролетит в верхах зеленый дым,
Пан вздохнет, из-под колоды глянет
И – вдоль речки шмыг по молодым.

Слышали – косуля! Словно Пьеха,
Вроде бы с Добрыниным в лесу?
Это Пан все, это эхо... эхо...
Крикнет он, а я несу, несу-у-у...

Пришел проведать как-то друг,
Ушли с бутылкой в лес.
Одна Луна на нас на двух,
А лес вокруг исчез.

Луна, Луна со всех сторон
Она вверху одна.
А по Луне все ходит Пан,
Кружится, сатана!

Иголки сыплются с сосны.
Кругом стволы, туман...
Опять откуда-то с Луны
Грозит мне пальцем Пан.

В яблоневоm саду

За порогом – моя зеленая,
Надо мной – моя голубая.
Пригрустнула, – увидел у клена я,
Почернела чего-то с краю.

Стало яблоко что-то корявое,
А у птиц голоса осипли.
Это небо, что ли, дырявое –
Пыль со звезд с полынами сыплет.

И что же, Пан, ты? Проглядел, паршивец!
Прибавил черноты и пут.
Сюда к нам заглянул Ваал, ревнивец:
– Ох! До чего ж вы интересны тут!

*Месяц родился! Месяц родился!
И человек появился.
Люльку повесил на узенький рог
Пан – наш лесной, человеческий Бог.*

*Вот и растет, наливается силой
Мальчик ничейный, мальчик красивый.
Очень похожий на худенький месяц
Где-то у звезд – провозвестниц.*

*Пусть все дитя это малое видят
И никогда не обидят!..
Пан мой доволен, с собою сличая,
Люльку на узеньком роге качая.*

*Горят высокие огни,
Вечерние глаза.
Они продляют наши дни –
Святые образа.*

*Горят не Пановы огни –
Личины, лики с книг.
Они такие тут одни,
Язычник я у них.*

*И волчья сыть уж стороной.
И не страшна уж степь...
Так и завыл бы под луной!
И перегрыз бы цепь!*

Кричала косуля, косуля кричала!
Попала, бедняга, в силки.
А ветка клонилась, а ветка качала,
Зачем ее тут Красотой увенчало,
За что вы ее, мужики?

И эхо катилось, и эхо крутилось –
Семь раз, семью семь, по кругам.
С чего вы такие, скажите на милость?
Упало в вас что-то, о камни разбилось,
Руки я таким не подам.
Ушел я от песен, на крики ушел я!
Внутри разрывало всего.
Такой Красотой был опутан и болью.
А крики то справа, то слева, то в доле –
Две тысячи на одного.

Гремели деревья на звук многократно,
Стволы умножались в хоры.
«Бесплатна косуля, косуля бесплатна!»
Откуда пришли вы, куда вы обратно?
Всю ночь хохотали миры.

И вдруг прекратилось мучение это.
Вернее, мой крик... оттого...
И было так тихо. И Пан плакал где-то.
Сочувствуя Богу, лес жаждал рассвета,
Но Пан не сказал ничего.

Поэту Игорю Северянину

Я, гений Игорь Северянин
(настоящая фамилия Лотарев).

Ты – гений, конечно! В поэзии – сила!
Пегаса – летишь – приструня.
А все же чего-то тебе не хватило:
Всего-то двух букв до меня!

Священное «семь» – твое имя отцово.
Плюс «два» роковых у меня.
По «девять» у нас полыхают пунцово,
Когда мы седлаем коня.
(Лотарев – 30 – Лотарев, Северянин – Золотарев)

Когда же сравню я,
кто гений из нас.
То, приняв за цифры
две буквы вначале,
Скажу я, что Лотарев я –
тридцать раз!
Хоть «принцем»
и не венчали.
Я – Русь, как поэтов, любил и люблю!
Все гениев в каждом ловлю.

6 ноября 1998 г.

Содержание

ОРЛОВСКАЯ ЛИРА /ЗВЕЗДЫ ОРЛА/

Л.М. ЗОЛОТАРЕВ

Я Вас люблю (вместо предисловия) 148

Поэзия – «Термометр жизни человечества» 149

И.Л. ЗОЛОТАРЕВ

ТЮТЧЕВ ФЕДОР ИВАНОВИЧ 160

«Умом Россию не понять...» 162

«Я встретил Вас – и все былое...» 162

«Еще томлюсь тоской желаний...» 163

«Сей день, я помню для меня...» 163

«Ты любишь, ты притворствовать умеешь...» 163

«Не верь, не верь поэту, дева...» 164

«Живым сочувствием привета...» 164

Молчание 165

«Слезы людские, о слезы людские...» 166

Русской женщине 166

«О, как убийственно мы любим...» 167

«И гроб опущен уж в могилу...» 168

«Не знаешь, что лестней для мудрости людской...» 169

Противникам вина 169

Наш век 170

Вечер 171

Весенняя гроза 171

Осенний вечер 172

ТУРГЕНЕВ ИВАН СЕРГЕЕВИЧ

В дороге 174

Русский 174

Гроза промчалась 175

Весенний вечер 175

ФЕТА ФАНАСИЙ АФАНАСЬЕВИЧ

«Я пришел к тебе с приветом...» 178

«На заре ты ее не буди...» 179

Сонет 179

«Свеж и душист твой роскошный венок...» 180

Венера Милосская 181

Учись у них – у дуба, у березы 181

«Еще одно забывчивое слово...» 182

«Я видел твой млечный, младенческий волос...» ..	182
«Я тебе ничего не скажу...»	183
«Из дебрей туманы несмело...»	184
«Что за звук в полумраке вечером?	
Бог весть...»	184
«Как трудно повторять живую красоту...»	184
«Погляди мне в глаза хоть на миг...»	185
«Опавший лист дрожит от нашего движенья...»	185
«Завтра – я не различаю...»	186
«Мы встретились вновь после долгой разлуки...» .	186
АПУХТИН АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ	
«День ли царит, тишина ли ночная...»	189
«Ночи безумные, ночи бессонные...»	189
Минуты счастья	190
«О, будь моей звездой, сияй мне	
тихим светом...»	190
Дорожная дума	191
О цыганах	192
К поэзии	193
Твоя слеза	194
Отрывок	194
Прощание с деревней	195
Мухи	195
К славянофилам	196
Жизнь	197
БУНИН ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ	
«Счастлива я, когда ты голубые...»	199
«Я к ней вошел в полночный час...»	200
«Звезды ночью весенней нежнее...»	200
Келья	200
Донник	201
«Отошли закаты на далёкий север...»	202
Сквозь ветви	202
«И вот опять уж по зарям...»	202
«В лесу, в горе, родник, живой и звонкий...»	203
Родине	203
Мудрым	204
«Любил он ночи темные в шатре...»	204

«На высоте, на снеговой вершине...»	205
Слово	206
ГОРОДЕЦКИЙ СЕРГЕЙ МИТРОФАНОВИЧ	
Теремок	208
Перун	209
Стрибог	211
Веснянка	213
Нищая	214
Городские дети	215
Городок	215
Начальник	216
Земля	217
Савонарола	218
«Люблю я женственную воду...»	219
«Мне стали сниться страны, земли...»	219
«В душную улицу липовым цветом...»	220
«Я прожил несколько тяжёлых жизней	220
«С мороза алая, нежданная...»	221
«В сердце дверь всегда открыта...»	221
«Все затихает в дебрях чернолесья...»	221
«Настанет час, когда меня не станет...»	222
«О тебе, о тебе, о тебе...»	222
Сергею Есенину	223
германо Александр Вячеславович	
Ответ	225
«Солнцем молодость будь...»	226
«Улыбаясь, вспоминаю...»	227
Браун Николай Леопольдович	
Мой светлый край	228
«Белеет в небе млечный путь...»	229
«Когда я был тобой любим...»	230
«Когда уйду с пути земного...»	230
«Тропинка у речной излуки...»	231
«Где-то в доме поёт рояль...»	231
Песня без слов	232
Рожь цветет	233
Благинина Елена Александровна	
Ясень-ясенек	235

Колея	236
Орловской красе	236
«Как бы славно...»	237
Ожидание	237
ШУБИН ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ	
Полмига	240
«Я думал, что выжив в атаках...»	241
«Как хорошо, прижавшись тесно...»	242
«Я за то тебе благодарен...»	242
«Где-то за Окой бродило лето...»	243
Над Донцом	244
«Санная дорога до Чернавска...»	246
Орел	248
Чайка	249
Осень	250
БЛЫНСКИЙ ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ	
Яблоня	253
Морю	253
«Пойдём в мой край...»	253
Русский Брод	256
Моя родословная	258
Родина	259
«Я иду веселым старожилom...»	260
ЗОЛОТАРЕВ ЛЕОНАРД МИХАЙЛОВИЧ	
Плацаница	261
Парижанка	262
Кипарис	264
На перроне	265
Сады моей памяти	265
Вечер	266
Хрупкое светило	267
Заповедь пятая	268
Сонет	268
КОТЮКОВ ЛЕВ КОНСТАНТИНОВИЧ	
«Но оглядка на долг и на совесть...»	270
Из поэмы «Карское море»	271
«Догорела...»	271

Гараж	272
Среднерусская полоса	273
Белый самолет	274
ЗОЛОТАРЕВ ЛЕОНАРД МИХАЙЛОВИЧ	
МОЙ НЕВИДИМЫЙ ПАН	
Зеленое и голубое	276
Березовый царь	277
На Лысой горе	278
«Пан прилѣг на локоть у опушки...»	278
«За Паном – столько верст и миль...»	278
Моя Панна	279
Девичьи сны	280
У седого ручья	281
«Весь в латах и латках...»	282
Охота	282
Лесникова избушка	283
Океаны любви (рондо)	284
Жалоба Пану	285
Камень у дороги	285
Мой невидимый Пан	286
Рондо	287
«Встречать под липами встречай...»	288
Люлька Святослава	288
«– Отчего, – спросил я Пана...»	289
Синеглазая	290
На тоненькой ветке	290
«Приглянулась баскаку – положил глаз кривой »	291
«Ранили березу...»	292
Березина	292
Кумиры	293
Свидание	294
«Настроен не на ту волну...»	295
«– Ну, опиши меня словесно...»	295
Сады Эдема	296
«Из недр Востока, выпущенный клапан...»	297
«Бело от берез на Руси...»	297
Пановы дети	297
«Я прилег на землю...»	298

Одиночество	299
«Что выглядываешь, Пан...»	300
Лавочка	300
Старая мельница	301
«Пану стало жарко на припеке...»	302
«Я коня проведу...»	302
«Между струнами гитары...»	303
Пан зимой	304
Пан осенью	305
Пан летом	306
Пан весной	306
«Пришел проведать как-то друг...»	307
В яблоневом саду	307
«Месяц родился! Месяц родился!...»	308
«Горят высокие огни...»	308
«Кричала косуля, косуля кричала!...»	309
Поэту Игорю Северянину	310

Золотарёв Леонард Михайлович

ОРЛОВСКАЯ ЛИРА

(ЗВЕЗДЫ ОРЛА)

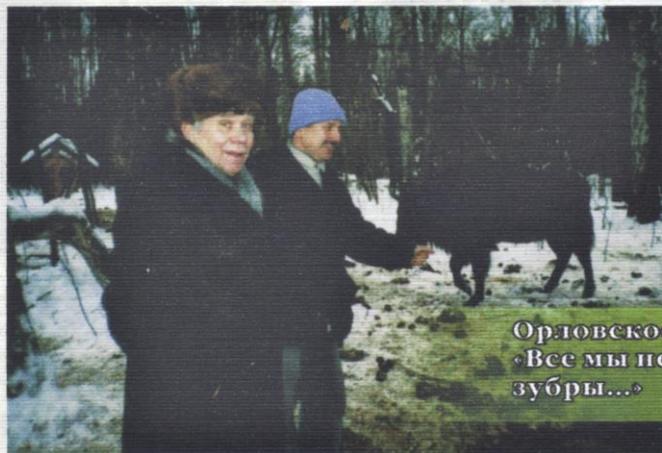
Корректурa автора

Издатель Александр Воробьев

Лицензия ИД №00283 от 1 октября 1999 г.,
выдана Министерством Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и
средств массовых коммуникаций.

Подписано в печать 14.05.2008 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 19,75.
Тираж 200. Заказ № 470.

Семейное фото.
«С нами Пушкин»

Орловское Полесье.
«Все мы пемного
зубры...»